

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ПРОСВЕЩЕНИЕ СИБИРИ

— ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ —
ОБЩЕСТВЕННО - ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
— ЖУРНАЛ —

Сибирского Краевого
Отдела Народного Образования

№ 9 (55)
Сентябрь
1928

ШЕСТОЙ ГОД ИЗДАНИЯ

СИБИРСКОЕ КРАЕВОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Новосибирск

г. Новосибирск,
тип. Сибкрайсоюза,
Советская, 6.

Л. Ганжинский

За классовую борьбу в просвещении.

(Из докладов на краевых курсах).

«Съезд считает необходимой в дальнейшем всемерную мобилизацию пролетарских масс и особое усиление борьбы на идеологическом и культурном фронте»*).

Решение XV съезда ВКП(б).

~~«И. Ленину — великому организатору культурно-просветительской работы в пролетариате — отдать все силы и средства партии на борьбу с идеологическим и культурным фронтом»*).~~

~~«И. Ленину — великому организатору культурно-просветительской работы в пролетариате — отдать все силы и средства партии на борьбу с идеологическим и культурным фронтом»*).~~

«Четко наметилось предстоящее усиление классовой борьбы, в частности именно на культурном фронте». «Это наше наступление, конечно, должно отразиться в учебной и научной деятельности усилением их классового характера»*).

А. В. Луначарский.—Итоги VI Всероссийского съезда ВКП(б).

Мы на новом этапе работы—в полосе культурной революции.

О культурной революции и ее задачах много раз уже говорилось и писалось, в частности и на страницах нашего журнала.

Однако, еще много раз придется нам останавливаться на обсуждении вопросов, связанных с правильным пониманием, а главное, правильным умением осуществить в нашей руководящей и практической работе на фронте советского просвещения, особенно в Сибири, лозунг культурной революции.

Сделать этот лозунг повседневным, живым и правильным содержанием всей нашей работы не так легко и не так скоро.

От поставленных задач к их реализации придется идти путем упорного и систематического внедрения правильного понимания этих задач, исправления совершенно неизбежных ошибок, неправильного понимания, «недопонимания», путем нашего обучения и на этих ошибках, и на положительных достижениях, и на успехах,—итти до тех пор, пока основное содержание нашей работы в массе в полной мере будет отвечать действительному содержанию нового этапа.

*) Курсив везде наш. Л. Г.

Культурная революция—не идиллия.

В числе многих встречающихся в нашей практике вопросов, «непонимаемых», дающих «уклон» от действительно нужного направления, является толкование работы советского просвещения, как мирной идиллистической работы, сугубо педагогической, культурной, культурнической; работы в той или иной степени «далекой» от бури и грозы классовой борьбы, «знакомящей» и «рассказывающей» об этой классовой борьбе, но не ведущей в самом процессе своего развития и существования этой классовой борьбы.

Толкование это является отголоском старого спора об аполитичности школы и просвещения, только поставленного в новых условиях и в новой форме, а по существу все того же.

Культурная революция не имеет ничего общего с идиллистическим культурничеством, как это может показаться на первый взгляд «неискушенным». Культурная революция является особой формой чрезвычайно усложненной и упорной классовой борьбы пролетариата за социализм, классовой борьбы на идеологическом фронте, борьбы с устоями старого общества, с привычками миллионов масс.

Все более ярко выраженное классовое наступление на идеологическом фронте должно быть содержанием культурной революции во всех формах ее развития.

Новый или не новый этап.

Рядом с этим часто встречается другое ведущее к тому же непонимание, которое можно было бы кратко сформулировать следующим образом: борьба пролетариата за социализм, в том числе и на идеологическом фронте, начата не сейчас, не только после 15 съезда ВКП (б), провозгласившего лозунг культурной революции, а гораздо раньше,—так, почему же именно только сейчас объявляется этот *новый этап* работы на культурном фронте, когда и раньше эта борьба должна была вестись и велась?

Это непонимание сущности нового этапа происходит от того, что культурная работа, борьба на идеологическом фронте вновь рассматривается оторванно, изолированно от общей борьбы пролетариата за социализм, рассматривается, как такая работа, на которой изменяющаяся обстановка всей страны, перешедшей в строительстве от периода восстановительного к реконструктивному, никак не отражается.

Совершенно иначе дело обстоит при правильном рассмотрении работы на культурном фронте, как неразрывной части общей борьбы и строительства.

«Обычно отмечают три фазы пережитого нами общественно-хозяйственного под'ема. Октябрьская революция прокламировала определенные социально-политические установки, соответствующие пролетарскому перевороту. После этого политического переворота началась огромная строительно-хозяйственная работа. Она шла в условиях величайшего кризиса, в условиях постепенного завоевания этапа за этапом важнейших хозяйственных высот. Потом, по мере продвижения вперед, мы, наконец, дошли до такой полосы, когда так называемый восстановительный период хозяйства прошел, остался за нашими плечами, когда продвинулись задачи решительного преобразования всего общественно-хозяйственного организма. И вот теперь, как-раз теперь, назревают события такого рода, когда «третий фронт»—социально-культурный—становится первым фронтом: мы как бы проходим путь «тегелевской триады».

«Вспомните Наркомпрос первого периода, его первое выступление: решительное наступление в сторону целостной трудовой школы и насаждения

рассадников высшего знания. Затем как-будто отступление к повседневной практике, к будням. Теперь как мы, так и вы должны ощущать, что неизбежен поворот к новому наступлению, к тем целевым задачам, которые охватываются новой полосой хозяйственного строительства—реконструкцией¹⁾ (Курсив наш. Л. Г.).

VI Всероссийский съезд заведующих отделами народного образования прямо формулирует содержание работы на этом новом этапе.

«Значение лозунга культурной революции сводится к необходимости:

а) ускорить темп дальнейшего культурного роста рабочего класса и основной массы крестьянства, ликвидировав ставшую очевидной отсталость культурного развития от хозяйственного процесса страны;

б) усилить классовый характер просветительной работы во всех звеньях советского просвещения (от элементарной школы до ВУЗ'ов);

в) обеспечить полную согласованность всего советского просвещения с общими задачами социалистического строительства» (Курсив наш. Л. Г.).

Качество продукции и культурное соревнование.

Задача усиления классовой борьбы на культурном фронте требует от нас прежде всего повышения классового характера работы по просвещению, повышения «качества продукции» в этом отношении.

Основная задача заключается в том, чтобы, разрушив старое (мораль, быт, школу, культуру), используя все достижения буржуазной культуры, создавать новое, на новой классовой базе, сделавши эту стройку нового во всех отношениях массовой.

«Если мы сейчас спросим себя, что же нам нужно делать и какие главнейшие задачи на этом культурном фронте борьбы стоят в настоящее время перед нами (Курсив автора. Л. Г.), то, мне кажется, на этот вопрос следовало бы ответить таким образом: в области культурного строительства нам нужно скорее изживать период, когда «старое» разбито, а «новое» еще не построено²⁾» (Курсив наш. Л. Г.).

Восстановительному периоду в хозяйственном строительстве соответствовал своеобразный «восстановительный» период работы и на культурном фронте, когда явно вредное «старое» было выброшено, «новое» внесено в возможных элементах и пределах, а многое из старого осталось еще по возможности, по невозможности его заменить новым за недостатком опыта, за недостатком материальных и организационных предпосылок.

Сейчас при выросшей хозяйственной базе, завершении восстановительного периода, на новом реконструктивном этапе совершенно неизбежно и в области культурной работы требовать следующего шага, в большей степени отбрасывающего старое, и на базе максимального использования организационно-материальных предпосылок вносить новое, заменяющее это старое.

«Старому» во всех его формах должна быть объявлена беспощадная война. Новое должно выдержать экзамен,—стать на место старого и, на новой более высокой базе реконструктивно созданное, заменить его.

Культурная революция, как отмечалось уже в нашем журнале³⁾, на первом своем этапе должна начаться именно такой своеобразной полосой

¹⁾ Р. М. Кржижановский. «Социалистическая реконструкция и культурное строительство». Доклад Ком. Академ. стр. 6-7.

²⁾ Н. И. Бухарин «Ленинизм и проблема культурной революции».

³⁾ № 4 журнала «Просвещение Сибири» за 1928 г. С. И. Сырцов—«О культурном соревновании».

культурного соревнования старого с новым. Наша обязанность, наша задача — обеспечить как можно скорее, прочнее и успешней победу нового над старым.

В этом смысле требования к идеологическому фронту классовой борьбы сейчас серьезно повысились, требования к качеству продукции изменились. Нужно суметь подняться до уровня этих новых требований. «Ножницы» в этом отношении могут стать угрожающими для развертывания культурной революции.

А между тем не только следить за классовым содержанием нашей работы (и вообще за качеством нашей работы) мы умеем плохо, но и организовывать эту работу, обеспечивающую нужное качество, еще не научились или научились чрезвычайно слабо.

Перенесение центра тяжести в количественное определение, в количественное измерение успехов нашей работы стало привычным. Развертывание большого количества учреждений, проведение большого количества заседаний, большого количества комиссий, организаций, большого процента посещаемости собраний, большого количества рабочих и крестьян в просветительных учреждениях и пр., и пр. — все эти количественные показатели частенько были *исключительными* в оценке наших успехов.

Сейчас на новом этапе одних этих показателей совершенно недостаточно.

Было бы ошибочно и вредно считать, что роль этих количественных показателей снизилась, сходит на-нет. Количественный рост, массовый рост наших успехов будет еще *долгое время показателем* весьма положительным, нужным и обязательным. Но требование повышения качества работы, классового ее содержания, сейчас неизмеримо выросло. Уметь в количестве растущих учреждений, организаций, собраний и пр. видеть и *качество*, улучшающееся качество, победоносное над старым новое качество работы, — это требование становится рядом. Если «в восстановительном» периоде преобладание было в количественной стороне нашей работы, то «реконструктивный» период требует от нас одинакового, бдительного внимания и к качеству работы.

Массовая школа и воспитание.

Наша массовая советская школа находится на пути к марксовской. Тов. А. В. Луначарский в докладе на 2 сессии ЦИК'а СССР 4 созыва так определил этап, на котором она сейчас находится:

«Нам пришлось прибегнуть к известным *суррогатам*, и нынешняя наша программа, в общих чертах единая для всего нашего Союза, отличается столь большой *близостью к жизни и таким количеством трудовых элементов*, которые только *возможны* при наших нынешних условиях»¹⁾. (Курс. наш. Л. Г.)

Однако с этим «суррогатом» у нас не все обстоит благополучно. Образовательный процесс, в узком смысле слова²⁾, у нас восстановлен до-

¹⁾ А. В. Луначарский. — «Десять лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян». Доклад на 2-й сессии ЦИК СССР 4 созыва 16/X—27 г., изд. стр. 32.

²⁾ Совершенно необходимо отметить, что термин «образование» у нас в большинстве продолжает употребляться в старом понимании, *противопоставляющим* его термину «воспитание», сохраняя, тем самым, старый налет необходимости «схоластических» форм образования. Между тем, как мы находим у Маркса (резолюция 1 конгресса 1 интернационала, составленная К. Марксом):

«Под образованием мы понимаем три вещи: 1) умственное образование, 2) физическое развитие и 3) политехническое воспитание».

С педагогической терминологией сейчас вообще дело обстоит не совсем благополучно. что иногда дает почву к ряду могущих не быть при терминологической ясности недоразумений.

вольно прилично, «формальные навыки» улучшены, словесное ознакомление с элементами труда все больше и больше прививается в школе, школа становится трудовой, но может быть реальная опасность, что она будет *схоластически-трудовой*, будет очень плохим суррогатом, не использующим всех «возможностей наших нынешних условий».

Слаба, чрезвычайно слаба воспитательная роль нашей школы. В. Н. Яковлева в своем выступлении на мартовском пленуме Крайкома ВКП(б) в прениях по докладу о культурном строительстве в крае совершенно правильно подчеркивает:

«Надо напомнить о том, что говорилось о начальной школе 2 года тому назад. Тогда на всех собраниях рабочих и крестьян, когда ставили вопрос о начальной школе, говорилось, что школы наши слабо учат, что они не дают того, что мы называем формальными навыками, т.-е. уметь читать, писать и считать. Население всякий раз на это указывало пальцами и говорило: «Не нужно нам такой школы, из которой ребята выходят безграмотными; может быть, вы даете хорошее общее развитие, но приложить свои знания практически ребята не могут». Теперь же на таких собраниях рабочие говорят: «Теперь вы уже дали нам школу, которая дает грамотного человека, хотя и здесь не все еще сделано. Но этого мало, школа должна еще и воспитывать ребенка».

В большей гораздо степени это следует отнести к повышенной школе.

И в той и в другой школе отсутствует умело организованный единый педагогический прогресс.

Вот почему мы имеем такого рода сигнализирующие опасности факты, как организацию различного рода обществ: «Долой общественную работу» (ДОР), «Общество долой невинность» (ОДН), бойкот комсомольцев, обструкции в школе,—факты хотя и неимеющие массового распространения, но свидетельствующие о неполном выполнении нашей школой своей нужной роли.

Поднятие воспитательной роли школы—прямая наша задача. Выполнение этой задачи идет по пути классовой борьбы за молодежь.

Либо трудовая школа пролетарского государства организацией правильной, классовой борьбы за молодежь, за ее воспитание, осуществлением пролетарского влияния на полупролетарские и непролетарские слои, «отвоюет» и вооружит молодежь против классового врага не только схоластическим знанием, а и воспитанным уметь, либо мелкобуржуазное и буржуазное влияние будет продолжать раз'едать ряды трудящейся молодежи.

В обстановке наступающего (и не только на хозяйственном фронте) кулака в деревне, нэпмана в городе, этот своеобразно стоящий вопрос—«кто кого»—должен быть и может быть разрешен в нашу пользу.

Усиление воспитательной роли школы организацией единого педагогического прогресса, обеспечивающего предпосылки к этому—наша неотложная задача.

За рабоче-крестьянскую молодежь до конца учебы.

В предыдущих номерах нашего журнала уже отмечались социальные «ножницы», присущие нашей школе всех типов (относительно недостаточный охват рабоче-крестьянских слоев, понижение к концу учебы этой прослойки). Материалы о результатах приема этого года показывают серьезный сдвиг в этом вопросе. Однако, этот серьезный сдвиг касается только приема. Проверка же того, как обеспечено пребывание детей рабочих и крестьян (в особенности беднейших) до конца учебы в школах показывает, что здесь сделано весьма мало или не сделано ничего.

Серьезнейшая задача обеспечить подготовленные и воспитанные кадры из наиболее близких нам социальных слоев населения (задача, прямою идущая по пути классовой борьбы в просвещении не только изучением классовой борьбы и ее истории по книгам, а и непосредственным нашим участием в классовой борьбе, ее организации и подготовке) может оказаться при таком положении *под угрозой срыва*.

Наша задача поставить «организованный барьер» этой опасности. Мобилизовать общественность, привлечь все источники средств к тому, чтобы рабоче-крестьянская молодежь в максимально возможной и все растущей степени могла доходить до конца учебы.

Выполнение этой задачи нужно проверить от ВУЗ'а до деревенской школы каждому работнику просвещения, всей массе трудящихся.

За грамотного рабочего батрака, бедняка, делегатку и допризывника.

Об установке содержания работы ликвидации неграмотности отмечалось уже в нашем журнале¹⁾.

Необходимо остановиться на другой стороне этого вопроса.

Несмотря на широкое распространение лозунга ликвидации неграмотности, приходится констатировать снижение внимания *поголовно всех* к этой работе, недопустимую небрежность в самой организации охвата неграмотных, слабое или полное отсутствие борьбы с рецидивом.

Больше того—есть очень опасная тенденция вновь поднимать вопросы о необходимости «сначала учить малышей, а потом взрослых».

«Необходимо решительно бороться с недооценкой политического значения этой работы»²⁾.

Ибо уменьшить работу по ликвидации неграмотности значило бы—*облегчить* влияние антипролетарских элементов в городе и деревне, *затруднить* освобождение от старых привычек, *затруднить* развитие социалистического сектора хозяйства, иначе говоря, *ослабить, а не усилить* классовую борьбу в просвещении.

Необходимо всей массе работников просвещения, всей общественности, призванной к борьбе с неграмотностью, в первую очередь комсомолу (особенно органам народного образования и профсоюзам), решительно упорядочить дело организации работы по ликвидации неграмотности.

Не идти по пути случайного наплыва в пункты ликвидации неграмотности «пожелавших», не от случая к случаю организовывать индивидуально-групповое обучение, а систематически и упорно проводить ликвидацию неграмотности, с обязательным охватом батраков, бедняков, делегатов, допризывников, рабочих, членов профсоюзов.

Опыт истекшего года показывает, что здесь очень многое страдало от неорганизованности и небрежности, а не только из-за отсутствия средств.

Нужно создать решительный перелом в работе по ликвидации неграмотности, в отношении к этой работе.

Можно было бы значительно умножить количество примеров того, как мы еще не умеем или плохо умеем организовывать и проводить классовую борьбу в просвещении.

Слабое общественное внимание к борьбе с детской беспризорностью и плохая работа детских домов, которые должны бы быть образцом социаль-

¹⁾ См. № 1 «Просвещение Сибири» за 1928 г.—статья: Ал. Голышев—«За культурную революцию».

²⁾ Решение мартовского пленума Крайкома ВКП(б) по докладу о культурно-строительстве в крае (Разд. V, § 7-а).

ного воспитания, в то время, как борьба с детской беспризорностью является серьезным очагом работы по уничтожению наследия старого.

Изда-читальня, клуб, не ставшие еще звеньями нового быта, звеньями, побеждающими в городе и в деревне старые формы—пивную, водку, самогон,—очень часто не выдерживающие экзамена в этом культурном соревновании.

Слабая и часто неумелая антирелигиозная пропаганда и антирелигиозное воспитание в обстановке наступающей религии и суеверия.

Слабое приспособление профессионально-технического образования, как мероприятия по подготовке квалифицированных кадров, к социалистическому характеру реконструктивного периода строительства.

Примеры просачивающейся чуждой идеологии в театре, кино, художественной литературе и пр. и пр.

* * *

Все эти примеры ярко говорят о том, что поставленные перед нами задачи на этапе культурной революции мы еще учимся, только начинаем еще разрешать и далеко еще не разрешили.

Нужно гораздо большее усиление напряжения работы—и организационное и материальное—чтобы эти задачи разрешить.

Реализация задач будет обречена на неудачу, если будут идти таким же темпом, как и сейчас, культурная мобилизация масс на борьбу на идеологическом фронте, преодоление «ведомственности» руководящих и массовых учреждений советского просвещения, преодоление взгляда (к сожалению, еще многих) на органы просвещения, как на «ведомство», которому поручено «делать культурную революцию».

Волну самокритики снизу, как прямую реализацию лозунга вовлечения масс в строительство социализма, нужно сделать, наконец, повседневным содержанием работы и на культурном фронте.

Нужно усиление темпа всемерной культурной мобилизации масс.

За классовую борьбу в просвещении!

За культурную мобилизацию масс на эту борьбу!

В. Петровский

Нарушителей к суду.

*«Совнарком еще раз категорически подтверждает к неуклонному исполнению всех органов власти необходимость всемерного соблюдения правовых интересов учительства и полную недопустимость проявления какого бы то ни было административн. произвола к нему» (курсив наш В. П.).
(Из постанов. СНК РСФСР от 12/VI-25г.).*

С'езд Советов решительно указывает на необходимость самого заботливого отношения к обеспечению действительно нормальных условий работы учительства. С'езд обзывает соответствующие советские органы привлечь к строгой ответственности тех, кто своими незаконными требованиями умаляет общественную роль учителя и мешает его педагогической деятельности» (Курсив наш В. П.)

(Из постанов. XIII С'езда Советов РСФСР, IV-27 г.).

Сейчас, в связи с поставленными перед нами задачами осуществления культурной революции, требуется большее напряжение, большее умение во всей нашей работе, требуется привлечение всех культурных сил и в первую очередь сил просвещенцев для выполнения директивы XV С'езда ВКП(б) и пленума Крайкома ВКП(б) о культурном строительстве в крае.

Владимир Ильич, говоря об учительстве, писал: «Надо систематически усилить работу по организации народных учителей, чтобы сделать из опоры буржуазного строя, которой они являются до сих пор во всех без исключения капиталистических странах, опорой советского строя, чтобы отвлечь через них крестьянство от союза с буржуазией и привлечь их к союзу с пролетариатом».

Пятнадцатый С'езд Всесоюзной Коммунистической партии, об'явивший лозунг осуществления культурной революции, в своих решениях сказал:

«Усилить внимание делу создания новых и поднятию квалификации наличных кадров сельской интеллигенции, создавая из них активных и сознательных деятелей социалистического преобразования деревни».

Пленум Сибирского Краевого Комитета ВКП(б), в марте м-це текущего года об'суждавший задачи культурного строительства в крае, обратил внимание, что «борьба за культуру в Сибири требует гораздо больших материальных и организационных напряжений, чем во многих других районах СССР». Одновременно с этим пленум указал на большее усиление работы по «руководству общественной деятельностью просвещенцев», а в августе м-це специальным обращением ко всем областным, окружным и районным комитетам и ячейкам ВКП(б) Сибирской парторганизации указал на конкретные мероприятия правильного отношения к учительству, руководства и помощи им в работе (См. № 9 журнала «Просвещение Сибири» стр. 14).

В перечисленных указаниях, казалось бы, достаточно ясно определены пути, по которым нужно идти в работе с учительством. Однако, на деле мы встречаемся с фактами нарушения и искривления этой линии в отношении к учительству.

Из ряда округов и районов Сибирского края в текущем году, еще в мае месяце, начали поступать тревожные сведения с мест о массовых перемещениях и увольне-

ниях работников просвещения, особенно учителей. Краевым организациям пришлось принять ряд мер к выяснению причин этих явлений. В результате выезда на места особых комиссий Сибкрайпроса, СибОНО и СибРКИ выявлены факты безобразнейших отношений к учительству, допущенных со стороны РИК'ов, райинспектуры, часто при полной бездеятельности низовых союзных организаций, а порой при полном их попустительстве и даже содействии.

Вот важнейшие из таких фактов:

1. Боготольский район, Ачинского округа. Постановлением РИК'а и Горсовета уволено 17 человек учителей. Все они представлены к увольнению районным инспектором Беляевым, при полном согласии председателя райместкома Волокитина. Никакой проверки выдвигаемых им РИК'ом обвинений со стороны райместкома не было, — он был глух и нем, когда незаконно уволенные просвещенцы пришли к нему искать защиты. Бездеятельность МК и особенно его председателя Волокитина дали широкую возможность развиться произволу и самоуправству в отношении к учительству.

Инспектор Беляев, в течение учебного года побывав всего лишь в трех школах, остальные 37 школ района оставил необследованными. Районная методическая комиссия, ответственным руководителем которой он был, почти не созывалась. Никакого руководства работой школ района не было. РИК и райком партии делом народного образования и работой просветучреждений не занимались.

Инспектор дал характеристики всем увольняемым на основе «прежних своих воспоминаний», разговоров с работниками, на основании различного рода полученных им сплетен. Обвинения в подавляющем большинстве пред'являлись заведомо ложные, вымышленные.

Учительницу А. обвиняли в политической и технической неграмотности; в том, что она не занималась самообразованием и несколько раз посылалась на курсы, когда А. никто на курсы не посылал, помощи в работе ей никем не оказывалось, население о ней хорошо отзывалось.

Учителя Я. обвиняли в открытой интимной связи с учительницей Я. (подлинная мотивировка в протоколе), выразившейся в ухаживании за будущей женой, обвиняли в пьянстве никогда не пьющую учительницу.

2. Томский округ, Мариинский район. Мариинский Горсовет постановлением 27 июня увольняет 7 учителей. Мотивы увольнения следующие (сохраняем орфографию подлинника приказ № 105):

«Преподавателя обществоведения и химии школы ...—Ж, считать уволенным за неправильную проводимую им линию политвоспитания, направленную в сторону установления казенной дисциплины».

«Преподавательницу М. за отсутствие соответствующей политической трактовки того или иного литературного типа, ведущая к неправильной установке мировоззрения в учащихся».

«Преподавателя Б. за категорический отказ вести общественную работу в частности по линии ОДН».

Мотивы, принадлежащие перу инспектора Аниконова.

Дальше читаем объявление того же инспектора Аниконова, где он извещает уволенных работников (привожу его редакцию):

«В порядке прошедшего смотра школ общественностью и в силу допущенных нарушений принципов трудовой школы, Мариинский район ставит вас в известность, что дальнейшее нахождение Вас на работе в школах района не мыслится».

Дальше инспектор Аниконов перечисляет по фамилии увольняемых и предлагает учинить каждому из них расписку на объявлении о его увольнении.

3. Каменский округ. Перед самым началом 1928-29 учебного года приезжает из гор. Камня учитель, делегированный в Крайпрос и КрайОНО группой просвещенцев с

коллективным заявлением о том, что под председательством зам. зав. окрОНО создана окружная комиссия, в которую, как неременный член и—как выяснилось потом—активный участник, вошел и председатель окрпроса. Комиссия занялась не тем, чтобы организовать помощь просвещенцу в поднятии его политического и педагогического уровня развития, а **переброской**. Переброска учителей намечалась в самые отдаленные районы. Каковы же мотивы такого «переселения»? Вот как их формулируют окрОНО и окрпрос:

Г.—«жена специалиста, муж получает 180 руб., работает в Камне первый год, работой школы мало интересуется, отношение формальное».

Учительница Л.—«в среде учительства ее называют «мамашей»; она организатор и первый проводник всяких «небылиц».

Учителя Н. и С.—«Супруги, в Камне работают первый год. Имеют свою избу, корову и лошадь, жена дочь бывшего попа, индифферентное отношение к общественной работе» и т. д., и т. д.

4. В Гутовском и Бердском районах, Новосибирского округа, при полном попустительстве месткома, в первом—уволено 9 человек, переведено 3. Мотивы, по заключению инспектора Щелко: «недостаток квалификации», «ненормальные взаимоотношения с сельсоветами», «слабое участие в проводимых кампаниях».

В Бердском районе уволено 29 человек без согласования вопроса с окрОНО и при полном отсутствии материалов, говорящих о необходимости увольнений. РИК решил, что кончился учебный год, наступили каникулы, почему же не сделать некоторое «освежение», как выражались районные работники,—и решили освежить просвещенцев почти на 40 проц.

5. В Новоселовском районе, Красноярского округа РИК'ом уволено 13 человек по мотивам: «слабая квалификация и отсутствие общественной работы», «безответственность в половом отношении», «пьянство», «потеря авторитета вследствие попытки к самоубийству». Выезжавшая комиссия окрисполкома не установила фактов этих обвинений. Комиссия дала заключение о полной необоснованности увольнения, и семь человек тут же были восстановлены.

Как назвать этот поступок РИК'а, инспектора и МК? Это—самодурство, грубое нарушение прав, непонимание роли просвещенца и полное игнорирование его прав со стороны месткома (а ведь он главный виновник: на предложение РИК'а, без совершенно проверенных фактов выдвигаемых обвинений, местком дает свое согласие на увольнение). Где линия защитной работы МК против ничем необоснованных обвинений? А инспектор?... Разве не его обязанность—самое чуткое и внимательное отношение к работникам просвещения?! Разве к нему не относится циркуляр Наркомпроса, где говорится: «Принять меры к бережному и внимательному отношению к работникам просвещения; охрана их служебного и правового положения—одна из основных обязанностей руководителей делом народного образования» (Из циркуляра НКП от 30 июля 26 года. № 138).

6. Барабинский округ. Ответственный руководитель ОНО дает предписание районам о пересмотре учительского состава. Ряд РИК'ов ухватился поистине за это «мудрое предложение» и пытался приступить, а некоторые приступили к увольнению просвещенцев.

7. Барнаульский округ.—В ряде районов начали действовать в буквальном смысле слова—чистки, для предотвращения которых выступила прокуратура и органы РКИ. Мы еще не получили подробных материалов расследования «дела учительницы Тагиной, но статья, помещенная в газете «Красный Алтай», описывает возмутительное действие милиционера Пискулькина, пристававшего к ней со своими «чувствами», угрожая наганом.

И приведенных фактов достаточно*), чтобы обратить внимание всей нашей общественности и в первую очередь союзных организаций и органов народного образо-

вания на самую беспощадную борьбу с лицами, допустившими такое отъявленное нарушение директив об отношении к работникам просвещения.

Было бы неверным утверждать, что в просвещенческих рядах нет негодных, что в среде учительской нет склоки, пьянства и других порочащих авторитет народного учителя явлений. С этим злом, конечно, нужно вести в одинаковой степени борьбу и органам ОНО и органам союза; надо привлекать к этой борьбе всю учительскую массу, и всю общественность; необходимо усилить руководство работой со стороны инспектуры и методических комиссий, организовать помощь просвещенцам в работе, усилить массовое политическое и производственное воспитание их со стороны союзных органов, быть более чутким и внимательным ко всем нуждам и запросам учительства. Необходимо также организовать ряд мероприятий по вовлечению просвещенцев во все виды общественной работы, и тогда нам легче будет избавиться от действительно разложившихся работников.

Выезжавшие на места комиссии установили, что таких работников оказалось меньшинство,—а остальные?.. Остальные попали под удар головотяпства и административного произвола.

Винные понесли и понесут кару.

В Боготольском районе пред. РИК'а Гурков, инспектор Беляев и председатель МК Волокитин с работы сняты; им объявлен строгий выговор; райкому поставлено на вид; секретарю Качкину объявлен выговор. Большинство уволенных работников восстановлены. Томский окрОНО и окрипрос разбирают дело о Мариинском районе, часть работников уже восстановлена. В Барабинске отдан под суд председатель Убанского РИК'а Корцев. Постановление комиссии при Каменском окрОНО отменено; кроме того, ведется по этому вопросу следствие для привлечения виновных к ответственности. В Красноярске окрисполкомом объявлен выговор Новоселовскому РИК'у—работники восстановлены. В Гудовском и Бердском районах районные работники сами исправили свои ошибки—отменили свои постановления и о них открыто сознались на просвещенческом собрании. В Барнауле ведется следствие органами РКИ и прокуратурой.

Нужна самая беспощадная борьба с недостаточно внимательным отношением к просвещенцам со стороны инспектуры и низовых союзных организаций, попустительством с их стороны к творимым безобразиям, борьба с возмутительным извращением партийной линии, граничащим порой с вредительством делу советского просвещения и осуществления лозунга культурной революции.

Задача общественности и, в первую очередь, органов ОНО и союза со всей резкостью осудить пассивное поведение многих союзных органов и инспектуры ОНО, не принимавших всех мер к борьбе с правонарушениями, добиться от них решительного перелома в сторону большей бдительности и внимания к просвещенцу. Необходимо требовать неуклонного выполнения местами директив партии и власти о работе с учительством, выполнения решений мартовского пленума Крайкома ВРП(б) и проведения в жизнь мероприятий, указанных в письме Крайкома за подписью тов. Кисея. Надо создать **решительный перелом** в усилении массовой экономической работы и вовлечении всей массы работников просвещения в улучшение работы по просвещению. **Нужно приложить все усилия и умение к проведению воспитательной работы среди учительства.** Мы должны добиться лучшего руководства и помощи просвещенцу, объявить борьбу с головотяпством, безответственностью в деле использования работников просвещения, своевременно принимать меры к отсечению явно разложившихся и мешающих нашей работе.

Больше чувства ответственности за порученную работу! Больше бдительности к работникам и защите их прав! Широчайшая гласность проводимой нами работы и критика ее при широком участии масс! Больше внимания подбору инспектуры, созданию правильной работы месткомов!

*) См. статью «Факты, требующие расследования» в настоящем номере журнала.

Нужно выправить неправильное понимание роли учителей.

Всем обкомам, окружкомам, райкомам и ячейкам сибирской парторганизации.

Основные директивы XV партс'езда: «Продолжать социалистическую индустриализацию страны, решительно проводя рационализацию производства; бороться за социалистический путь развития деревни, объединяя индивидуальные крестьянские хозяйства в обобщественные; улучшать и удешевлять государственный и хозяйственно-кооперативный аппарат, вовлекая в него новые массы рабочих и крестьян», могут быть успешно выполнены лишь при обязательном условии более быстрого роста культурного уровня широких масс трудящихся.

В Сибирском крае, с его сравнительно отсталой экономикой и низким культурным уровнем населения—борьба за культуру требует гораздо больших усилий, чем во многих других районах СССР.

При проведении культурного строительства мы вплотную сталкиваемся с вопросом о кадрах работников. Работников просвещения для школ и политпросвет. учреждений у нас недостаточно. Новые кадры культурных работников из рабочих и крестьян готовятся медленно. Поэтому перед нами задача наилучшим образом использовать имеющиеся уже силы, постоянно повышая их квалификацию и систематически привлекая их к участию в социалистическом строительстве. Особенно важной задачей является укрепление и воспитание кадра работников в деревне, в связи с поставленной XV с'ездом партии задачей социалистического преобразования в деревне.

Между тем, партийные организации, как показывает практика ряда округов, недостаточно уяснили себе всю важность правильного руководства учительством. Во многих местах наблюдается крайне ненормальное отношение к учительству: порой огульное враждебное отношение к учительству, как к чуждому элементу, непонимание задач общественной работы учителя и, как следствие этого, частые переводы и массовые увольнения, иногда совершенно не обоснованные.

Краевая и местная печать и обследования на местах выявили ряд возмутительных извращений партийной линии в вопросе об отношении к сельской интеллигенции и особенно к основному ее кадру—сельскому учительству.

Анализируя эти факты по Ачинскому, Барабинскому, Новосибирскому и Томскому округам, можно отметить два вида причин, вызывающих их.

Первая—администрирование по отношению к учительству со стороны отдельных работников района.

Вторая причина—непонимание роли учителя со стороны отдельных партийных ячеек и советских органов.

Это непонимание усугубляется еще и тем, что партийные ячейки и советские органы стоят далеко от жизни школы и избы-читальни и не руководят ими. Так, в Боготольском районе, за последние два года ни райком, ни ячейки не занимались вопросами народного образования. Райисполком занимался только мелкими хозяйственными вопросами. Инспектор ОНО из 40 школ в районе обследовал только три, да и то попутно с другими работами, и работники оставались без всякого методического руководства и помощи.

Совершенно понятно, что партийные организации на местах должны объявить самую беспощадную борьбу с зарвавшимися администраторами, которые смотрят на учительство, как на бесправное существо, с которым можно безнаказанно прodelывать все, что вздумается.

Но не меньше усилий придется затратить и на то, чтобы выправить неправильное понимание роли учителя в школе и общественной жизни и создать вполне здоровые условия для его работы.

Работники просвещения в своей массе вполне осознали задачи партии и совласти и проводят большую работу по социалистическому строительству. В последних важнейших кампаниях (хлебозаготовки, реализация займа, самообложение, коллективизация, посевная кампания) работники просвещения в подавляющем большинстве там, где был умелый подход к ним и руководство со стороны партийных организаций, провели большую работу и оказались хорошими помощниками партии в проведении директив XV-го съезда. С другой стороны, мы видим, что и прямая просвещенческая работа (в школе, избе-читальне и проч.), несмотря на ряд больших недостатков в ней,—с каждым годом улучшается, и здесь точно также учительство в массе своей выполняет вполне сознательно большую ответственную работу по воспитанию молодежи.

Наша задача—еще больше приблизить просвещенцев к партии, усилить общественно-политическую работу среди них; но нужно твердо помнить, что основная задача учителя-избача заключается в выполнении прямой, порученной, ему работы: в школе, избе-читальне и т. д. Нельзя перегружать учителя. Работа одного учителя с тремя группами требует большой затраты энергии и не позволяет иногда участвовать в общественной работе. В этих случаях нужно чутко подходить к работникам просвещения. Совершенно нецелесообразно использовать работников просвещения на технической и мелкой хозяйственной работе, отрывая их от школы. Нужно добиться такой постановки работы в школе, чтобы через учащихся, через школьный совет, в повседневной работе школы, учитель являлся бы пропагандистом мероприятий партии и совласти по социалистическому строительству, коллективизации крестьянского хозяйства, сделался бы помощником партии в борьбе с кулацким и излманским элементом деревни. Всю систему общественной работы учителя нужно строить на методах заинтересования в ней, совершенно изгоняя приказы, принуждения.

Именно этого в большинстве случаев недоучитывают партячейки и стараются навязать учителю общественную работу обязательно вне школы, вне связи со школьной работой и часто даже в ущерб ей.

Крайком ВКП(б), разбирая последние случаи искривления линии в отношении учительства, вынес решение:

«Констатировать, что партийные профессиональные и советские и др. организации до сих пор крайне слабо проводят в жизнь решение мартовского (28 года) пленума Крайкома о культурном строительстве, в частности директивы об установлении правильного отношения к учительству, широкого вовлечения его в социалистическое строительство. В ряде районов имели место массовые увольнения и перемещения учителей, ухудшение их материально-правовых условий (необеспечение квартирой, невыплата зарплаты по 2-3 месяца и т. д.), что является грубым нарушением соответствующих партийных директив и решений. В условиях, когда, в особенности в деревне, враждебные и чуждые нам элементы (кулачество), повышая свою активность, стремятся усилить свое влияние на интеллигенцию, перетянуть ее на свою сторону и сделать ее рупором (выразителем) своей борьбы против мероприятий партии и советской власти—в этих условиях должна быть, как никогда, объявлена самая беспощадная борьба с невнимательным и нечутким, бюрократически грубым отношением к учительству, и работа партии, профсоюзов и др. организаций пролетарской общественности среди учительства должна быть во много раз усилена».

Практически ячейки и райкомы должны будут обратить свое внимание на следующее:

Сельские ячейки:

1) Проверить через фракции сельсоветов, что предпринято для подготовки к настоящему учебному году, в какой мере будут охвачены школами дети школьного возраста и особенно дети сельхозрабочих, батраков и бедняков; отремонтировано-ли помещение школ, избы-читальни, заготовлено-ли топливо, необходимое оборудование, учебники и книги. В дальнейшем контролировать, направлять работу сельсоветов в этой области, организовывая вокруг школы и избы-читальни сельский актив, внося вопросы работы школы и избы-читальни на собрания граждан, создавая общественное мнение вокруг культурной работы.

2) Выделить в школьные советы и советы изб-читален, наиболее развитых и активных членов партии и комсомола, постоянно контролируя их работу и помогая им.

3) Решительно изжить ненормальное отношение к работникам просвещения, приблизить их к ячейкам, привлекая на открытые партийные собрания, знакомя с отдельными планами и мероприятиями, требующими их участия. Поручать отдельным работникам проведение отдельных мероприятий, особенно по вопросам пропаганды, улучшения сельского хозяйства, коллективизации, поднятия культурного уровня крестьян, ликвидации неграмотности; ни в коем случае не загружая технической и мелко-хозяйственной работой, направляя и руководя работой учителя, оказывая ему практическую помощь.

Райкомы:

1) Проверить через фракции работу РИК'ов по подготовке к новому учебному году, по расширению школьной сети, по укомплектованию культурно-учреждений работниками, наличию работников и качественному подбору новых; а в дальнейшем вести плановое руководство вопросами культурного строительства в районе.

2) Проверить методическое руководство школами со стороны органов ОНО и инспектуры и работу по поднятию квалификации просвещенцев.

3) При обследовании сельских ячеек, проверять участие их в их культурном строительстве, в работе культпросвет. учреждений, обеспечивая установление нормальных взаимоотношений с сельской интеллигенцией.

4) Усилить работу по общественно-политическому воспитанию работников просвещения и вовлечению их в общественную работу. Привлекать

прошлых эпох... Быть может, иным из нас приятнее было бы господство какого-нибудь более возвышенного стремления, но чего нет—того нет, а из того, что есть, более всего добра приносит промышленное направление». В то же время он не представлял себе этот «порядок» постоянным, незыблемым, и видел неизбежность его разрушения. Теоретические его рассуждения на эти темы Маркс оценил так: «великий русский критик и ученый мастерски осветил банкротство буржуазной политической экономики». Необходимо отметить, что теоретические работы Чернышевского резко отличались от трафаретных писаний университетских экономистов. Можно определенно констатировать, что в своих воззрениях Чернышевский иногда приближался к некоторым положениям марксизма, но ранний его отрыв от западно-европейской науки, от политической жизни не позволил ему выработать четкие, революционно-материалистические взгляды. Чернышевский был и остался просветителем-фейрбахланцем.

«Чернышевский, пройдя, как будто, мимо сочинений К. Маркса, был социалистом-утопистом, который мечтал о переходе к социализму через старую полуфеодальную крестьянскую общину, который не видел и не мог видеть в 60 годах прошлого века, что только развитие капитализма и пролетариата способно создать материальные условия и общественную силу для осуществления социализма... Но Чернышевский был не только социалистом-утопистом... а также революционным демократом... проводя идею крестьянской революции... идею борьбы масс за свержение всех старых властей» (Ленин, т. XI, изд. 1). И еще: «Чернышевский—единственный действительно великий русский писатель, который сумел с 50 годов вплоть до 1888 года остаться на уровне цельного философского материализма... Но Чернышевский не сумел, вернее не мог, в силу отсталости русской жизни, подняться до диалектического материализма Маркса и Энгельса» (Материализм и эмпириокритицизм).

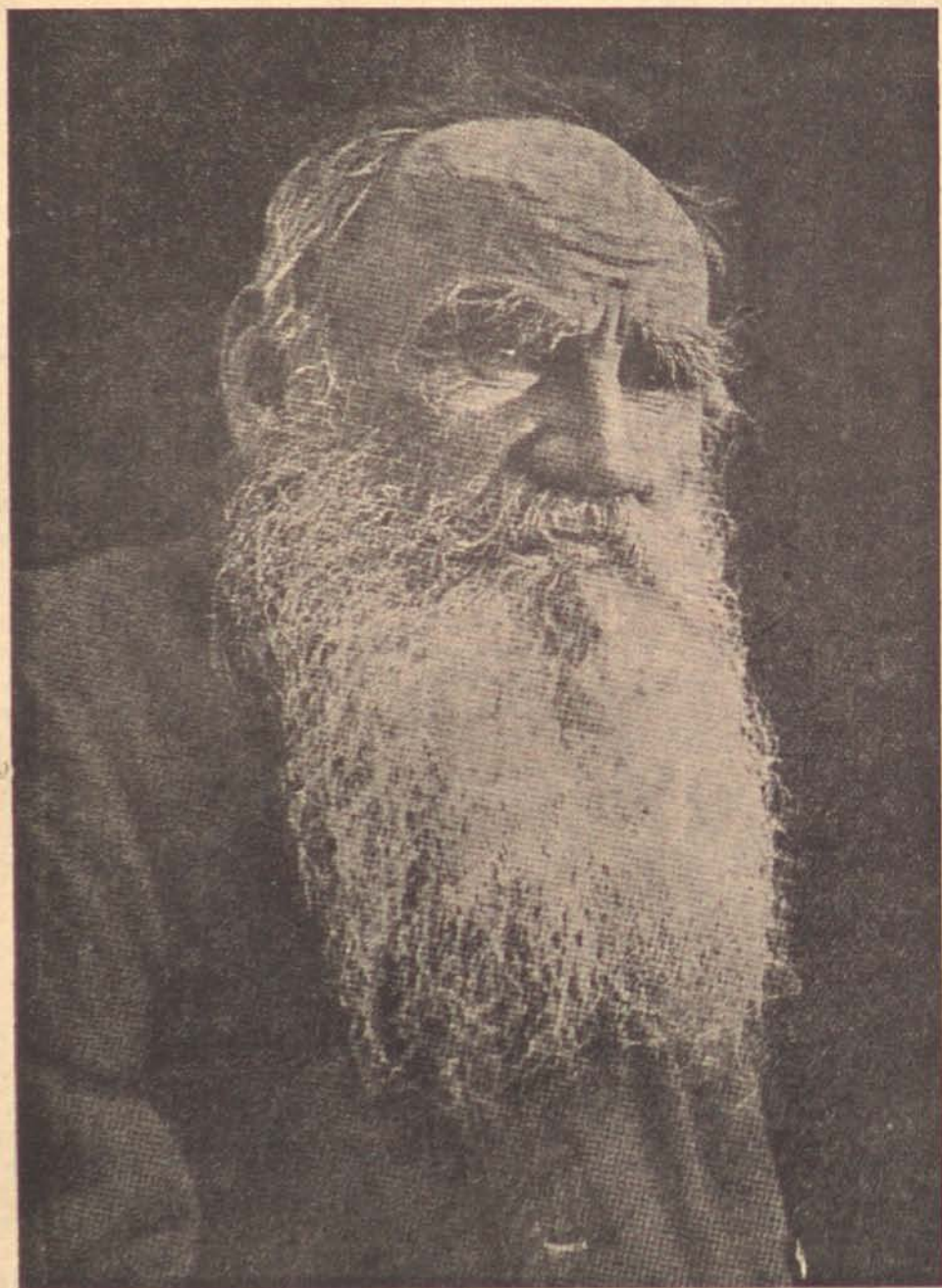
Чернышевский—один из могучих предшественников тех, кто вел трудящиеся массы в Октябре к полному уничтожению царско-буржуазной России.

Вяч. Полонский

Ленин о Толстом*).

В статьях, посвященных Льву Толстому, Ленин отмечает две стороны в его произведениях: 1) гениальный художник дал не только несравненные картины русской жизни, но и 2) первоклассные произведения мировой литературы. Это «но и» обозначает, что художественная литература не только «отражает» жизнь, но обладает еще какими-то свойствами, которые делают эти «отражения» особенными, способными стать в уровень с «первоклассными произведениями» мировой литературы. Картины могут быть первоклассными и непервоклассными. Очевидно, степень высоты искусства находится в зависимости не только от материала его (изображения, отражений), но и от способов обработки материала, художественных приемов, художественности. В статье «Л. Н. Толстой», написанной в 1910 г., Ленин анализирует произведения Толстого. Лев Толстой, рисуя преимущественно старую дореволюционную Русь,—пишет Ленин,—«сумел поставить в своих работах столько великих вопросов, сумел подняться до такой художественной силы (курсив наш Вяч. П.), что его произведения заняли одно из первых мест в мировой художественной литературе». Здесь опять две стороны: 1) глубина вопросов, острота захвата материала и 2) «художественная сила», т.-е. некоторая особенность, какую обладает изображенный художником материал. «Он дал в своих художественных произведениях такие изображения этого быта, которые при-

*) Печатается сокращенно. Ред.

Л. Н. ТОЛСТОЙ.

К столетию со дня рождения.

1828—1928.

надлежат к лучшим произведениям мировой литературы»,—читаем мы в статье «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение».

Чем замечательны произведения Л. Толстого с точки зрения В. И. Ленина? Тем, что он был великодушным зеркалом русской революции, т.-е. целой исторической эпохи.

«Толстой велик,—писал Ленин в статье 1908 г.,—как выразитель тех идей и тех настроений, которые сложились у миллионов русского крестьянства ко времени наступления буржуазной революции в России».

Разберемся в этом утверждении. По утверждению Ленина, Толстой—«помещик, юродствующий во Христе», барин, представитель эксплуататорского класса, оказывается «выразителем настроений миллионного крестьянства». Мысль, обоснованию которой можно посвятить целое исследование. Противоречит ли она марксизму? Нисколько. Но она опровергает элементарные разглагольствования о писателе, творчество которого связано по рукам и ногам его классовым происхождением. Социальное происхождение писателя, взятое абстрактно, не говорит само по себе ничего о том, идеи и настроения какого класса—своего или чужого—будет отражать писатель. Все зависит от конкретных исторических условий, в которых развивается творчество писателя, и от некоторых особенностей его социального опыта. Оттого-то аристократ, помещик преодолевает духовное наследство своего класса, даже порывает с ним, даже выступает против него. «По рождению и воспитанию,—писал Ленин,—Толстой принадлежал к высшей помещичьей знати в России,—он порвал со всеми привычными взглядами этой среды и в своих последних произведениях обрушился с страстной критикой на все современные государственные, церковные, общественные, экономические порядки, основанные на порабощении масс, на нищете их, на разорении крестьян и мелких хозяев вообще, на насилии и лицемерии, которые сверху донизу пропитывают современную жизнь» («Л. Толстой и современное рабочее движение»).

Процесс этот аналогичен тому, который идеологами и вождями пролетариата сделал Карла Маркса—сына адвоката, Фр. Энгельса—сына фабриканта, Г. Плеханова и В. Ленина—выходцев из русских привилегированных сословий, и т. д. Правда, это нельзя принимать, как правило. Нельзя отсюда делать вывод, будто классовое происхождение—ничто и ни к чему не обязывает. Это было бы абсурдом, извращением марксизма. В том-то и дело, что Маркс и Энгельс, Ленин, Плеханов и еще ряд имен—единицы, исключения из правила. В силу выдающихся интеллектуальных качеств в благоприятных исторических условиях они сумели победить в себе духовные влияния своего класса. Общая аксиома марксизма о влиянии класса на психологию человека, о классовом наследстве, остается в силе. Но эта аксиома в области идеологического творчества представляет ряд исключений, которые требуют гибкого,—не слепого обращения с правилами.

Какой смысл имеют «исключения» для анализа произведений искусства? Очень большой. При подходе произведениям искусства плохим марксистом будет тот, кто попытается механически применять «правило», игнорируя возможность «исключений». Другими словами: в области искусства, при анализе классового характера произведений и роли отдельных писателей, марксистский метод допускает возможность разнообразнейших отклонений художественной идеологии от интересов класса, породившего художника, вплоть до открытой борьбы против него. Но эти отклонения в каждом отдельном случае надо найти, во-первых, и объяснить их происхождение, во-вторых, т.-е. раскрыть тот механизм социальных воздействий на писателя, который переводит его с точки зрения своего класса к точкам зрения классов чужих. Само собой разумеется, такое толкование марксистского метода разрушает плоскую, вульгарную систему «марксистской» «в кавычках» критики, с помощью которой характер художественного творчества фатально предопределяется классовым происхождением художника. Здесь марксизм не столько «применяется», сколько «извращается».

Анализ, который дает Ленин Толстому, опрокидывает дубовое применение марксизма. Да, Толстой—помещик, «юродствующий во Христе». Но вместе с тем, он «сумел с замечательной силой передать настроение широких масс, угнетенных современным порядком, обрисовать их положение, выразить их стихийное чувство протеста

и негодования*). Толстой был барин, аристократ, граф Толстой, однако, в его творчестве мы находим «горячий, страстный, нередко беспощадно резкий протест против государства и полицейско-казенной церкви», находим далее «непреклонное отрицание частной поземельной собственности», «полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения обличение капитализма»... и даже «бурный протест против всякого классового господства». Все это Ленин подчеркивает в творчестве помещика, барина, аристократа. Но вместе с этими чертами, которые и составляют нетленное в наследии Толстого, принадлежащее не прошлому, а будущему, Ленин указывает на то, что этот горячий протестант, страстный обличитель, великий критик «обнаружил, вместе с тем, в своих произведениях такое непонимание причин кризиса и средств выхода из кризиса, надвигавшегося на Россию, которое свойственно только патриархальному наивному крестьянину, а не европейски образованному писателю. Здесь зависимость от исторически неразвитой среды, от неразвитых хозяйственных отношений составляет вторую сторону Толстого-художника. Даже гениальность не может преодолеть исторических условий своей эпохи: последняя входит со своими противоречиями и неразвитыми чертами в его личный опыт. Гениальный художник, великий писатель «Толстой смеюн, как пророк, открывший новые рецепты спасения человечества». «С одной стороны, беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс, с другой стороны—юродивая проповедь «непротивления злу» насилем. С одной стороны, самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок, с другой стороны—проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно религии—стремление поставить на место попов на казенной должности попов по нравственному убеждению, т.-е. культивирование самой утонченной и потому особенно омерзительной поповщины».—Поистине,—воскликает Ленин,—

Матушка Русь!

Ты и могучая, ты и бессильная

Ты и убогая, ты и обильная,

Ленин в коротких словах вскрывает причину этой противоречивости взглядов Толстого. Противоречия эти не случайны,—говорит он. В них нашла свое выражение противоречивость условий, в которых находилась русская жизнь в последней трети XIX века. В противоречивости Толстого, в слабых сторонах его произведений отразились недостатки и неразвитые стороны нашего русского быта. Оттого-то Толстой является «зеркалом» не только силы, но и «слабости», не только революционного порыва, протеста, ненависти, негодования, но и мягкотелости, незрелой мечтательности и тому подобных качеств. В произведениях его рельефно отразились «черты исторического своеобразия всей первой русской революции,—ее сила и ее слабость».

В какое же отношение к произведениям Толстого должны стать русский пролетариат и русское крестьянство? Ведь та Россия, сила и бессилие которой отразились в его творчестве, ушла в прошлое и не возвратится. Что остается от наследия Толстого нашему поколению борцов?

«В наследстве Толстого,—отвечает на этот вопрос Ленин,—есть то, что не отошло в прошлое, что принадлежит будущему. Это наследство берет и над этим наследством работает российский пролетариат». Пролетариат разъяснит массам трудящихся и эксплуатируемых «значение толстовской критики государства, церкви, частной поземельной собственности» не для того, чтобы массы, узнав об этом, успокоились, но для того, чтобы это познание, почерпнутое из произведений великого художника, еще более подняло энергию борьбы. Творчество «помещика, юродивого во Христе», учение которого безусловно утопично и по своему содержанию реакционно в самом

*) Статья 1910 г.

точном и в самом глубоком значении этого слова (статья 1911 г.),—творчество этого художника Ленин безобоязненно предлагает пролетариату в качестве духовной пищи, не опасаясь, что пролетариат отравится ее ядом, ее утопизмом, ее реакционностью, ее противоречиями. По мысли Ленина, опасными являются не самые утопизм и реакционность,—вредны идеализация этого утопизма и реакционности, идеализация учения Толстого, попытки его оправдания и смягчений. Но разве социальная сущность пролетариата, его классовая психология не истребляют возможности такой идеализации? Именно только с точки зрения рабочего класса,—говорит Ленин,—и возможна правильная оценка Толстого. Оттого-то реакционные черты Толстого не заслоняют в глазах Ленина великой художественно-показательной ценности для пролетариата его произведений. Видя насквозь его положительные и отрицательные качества, Ленин писал.—«Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием **всех**, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету,—**нужен социалистический переворот**» (курсив мой.—Вяч. П.). Но это требование не будет понято правильно, если творчество Толстого не будет рассматриваться диалектически, в борьбе его противоречий, в сложном переизлечении положительных и отрицательных, сильных и слабых сторон.

Слабые и вредные стороны Толстого отразились главным образом в его «учении жизни». Оттого-то Толстой проповедник, моралист и философ представляет для рабочего класса лишь исследовательский интерес. Это не значит, что в историческом прошлом учение Толстого не принесло известной пользы. Подчеркивая его безусловную утопичность и реакционность, Ленин не отрицал в этом утопичном и реакционном учении социалистических и критических элементов, которые способны были в свое время доставить ценный материал для просвещения передовых классов. «Но не надо забывать,—добавлял он,—глубокого замечания Маркса, что значение критических элементов в утопическом социализме стоит в обратном отношении к историческому развитию». Это означает, что чем дальше вперед идет историческое развитие нашей страны, тем меньшее положительное значение имеет соответствующее утопическое учение, в данном случае учение Толстого. Некогда бывшее полезным «некоторым слоям населения вопреки реакционным и утопическим чертам»—в дальнейшем толстовство утрачивало свои полезные черты и становилось вредным, ненужным, представляющим лишь исторический интерес. Уже в те дни, когда писалась статья «Л. Толстой и его эпоха», Ленин приходил к заключению, что «в наши дни всякая попытка идеализации учения Толстого, оправдания или смягчения его «непротивленства», его апелляции к «Духу», его призывов к «нравственному самоусовершенствованию», его доктрины «совести» и всеобщей «любви», его проповеди аскетизма и квиетизма и т. п. приносит самый непосредственный и самый глубокий вред».

Взгляды Ленина дают возможность заключить, что Ленин отделял произведения Толстого-художника от произведений Толстого-проповедника и мыслителя. Как Плеханов, Ленин принимал Толстого «отсюда» и «досюда». На одной стороне оказывались произведения, созданные кистью гениального мастера. В оценке этой части творчества Толстого Ленин не скупился на эпитеты, употребляя их в поверхностной степени. На другой—произведения, написанные пером мыслителя. Ленин как бы устанавливал два лика Толстого, связывая с ними две стороны его творчества. Значит ли это, что Ленин механически отделял художника от мыслителя? Нет. Ленин подходил к Толстому диалектически, а не механически. Утверждение двух сторон в Толстом приобретало смысл лишь в свете основного противоречия толстовского мировоззрения, противоречия, в котором отразилась не индивидуальная черта писателя, а известная историческая обусловленность. Это не уставал подчеркивать Ленин. В противоречивости Толстого и находит свое оправдание двойственное к нему отношение: как к гениальному художнику, с одной стороны, и как к помещику, юродствующему во Христе,—с другой;

как к протестанту, «замечательно сильному, непосредственному и искреннему», против общественной лжи и фальши, и к «толстовцу», т.-е. истасканному, истеричному хлопнику, называемому русским интеллигентом; к беспощадному критику капиталистической эксплуатации, разоблачителю правительственных насилий, комедий суда и государственного управления, с одной стороны, и к проповеднику непротivления злу насилешем—с другой; к трезвому реалисту, срывателю всех и всяческих масок, и к проповеднику одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете,—религии и т. д. В противопоставлении положительных и отрицательных, революционных и реакционных качеств, совмещившихся в Толстом, в подчеркивании противоречий гениальной натуры—огромная глубина статей Ленина. Творчество Толстого и есть развернутая в художественных образах и философской проповеди диалектика борьбы, в которой в конце-концов отражалась диалектика противоречий исторического развития всего нашего прошлого. Только в таком смысле может быть понято и оценено творчество Толстого. Только такой подход дает возможность, признавая реакционным его учение, найти даже в реакционном учении наличность «критической» части и некоторого «ценного материала» для «просвещения передовых классов или для некоторых слоев населения» того времени, когда они были написаны. Та же самая диалектика, делавшая в свое время «прогрессивными» кое-какие критические черты реакционного учения для «некоторых передовых слоев» населения, в другую эпоху обрекала их на безусловную и безоговорочную реакционность.

Кто не стоит на диалектической точке зрения при изучении Толстого, тот не сумеет справиться с противоречивым его наследством, не сумеет отличить плохого от хорошего, того, что должен взять пролетариат из толстовского наследства и что он должен отбросить.

А. Ансон

Там, где жил Л. Н. Толстой.

Когда, высадившись на полустанке Ясная Поляна и проехав версты три, подъезжаешь к деревне Ясная Поляна, то прежде всего бросается в глаза два крупных здания; одно—законченное постройкой, другое—строящееся. Это школа 9-ти летка и больница*).

Дальше—длинная линия деревенской улицы с непролазной грязью осенью и весной, но с целым рядом кирпичных крестьянских домов. Почти в каждом из них электрическое освещение.

А на приторке, несколько особняком от деревни, подалее от мужиков, среди парка расположилась усадьба, в которой родился и жил тот, столетие со дня рождения которого мы все отмечаем теперь. Два средней величины каменных дома, довольно бестолково построенных каким-нибудь самоучкой крепостным в стародавние времена, с комнатами-клетушками, залами, лестницами, балконами и гигантскими печами, пожирающими чуть ли не по $\frac{1}{4}$ сажени дров каждая, и несколько надворных построек, парк и огороды—вот и вся усадьба.

Здесь все в таком же виде, как было при Толстом. Усадьба сейчас превращена в музей и находится в ведении Главнауки.

Стремление сохранить все в таком же виде, как было при Толстом, доходит до того, что высокие опекуны не разрешили провести в доме электрического освещения, полагая, видимо, что осматривать многочисленные комнаты гораздо удобнее при свете

*) Материалом для статьи служат мои личные наблюдения и знакомство с работой яснополянской опытной станции в декабре 1927 г.

канделябров и керосиновых ламп. Мало того—при въезде в усадьбу стоит небольшая сторожка, и в нее, о ужас, незаконно зашел физический кабинет школы. Сие тоже считается вопиющим посягательством на память писателя, хотя в сторожке, кроме четырех стен, не было ничего.

Бережно хранят работники музея все то, что связано с именем Л. Н. Толстого. Полностью сохранилась вся обстановка дома и обширная библиотека. Недалеке от усадьбы, на холме, могила Толстого, отлученного от православной церкви воинственными старцами «святейшего» синода и, по его желанию, похороненного в лесу. Простая деревянная ограда и могильный холмик без всякого памятника. В этом чувствуется своеобразный протест против бывшей церковной казенщины.

И комнаты, в которых жил и работал Л. Н., и кушетка, на которой он родился, стулья, на которых сидел, бесконечное количество старинных портретов на стенах, подарки, которые посылали ему почитатели—все это, может быть, и интересно для тех, кто хочет знать, как жил не только помещик средней руки, но писатель, «который дал ряд самых замечательных художественных произведений, ставящих его в число великих писателей всего мира», и мыслитель, «который с громадной силой, уверенностью, искренностью поставил целый ряд вопросов, касающихся основных черт современного политического и общественного устройства»^{*)}.

Въезд в Ясную Поляну.

Но меня в Ясной Поляне интересовало не это.

Слово Льва Николаевича для многих было «законом». Последователей его (пусть мы их считаем чудаками) было не мало. Среди них были крестьяне, представители интеллигенции, отдельные рабочие, были и лица с крупными состояниями. Сам Л. Н. не мог пожаловаться на бедность (хотя богатым назвать его нельзя было).

«Его горячий, нередко беспощадно-резкий протест против государства и полицейско-казенной церкви передает настроение примитивной крестьянской демократии,

^{*)} Ленин «Л. Н. Толстой и современное рабочее движение». Собр. соч. т. XX, ч. 1.

в которой века крепостного права, чиновничьего произвола и грабежа, церковного незутизма, обмана и мошенничества накопили горы злобы и ненависти. Его непреклонное отрицание частной поземельной собственности передает психологию крестьянской массы в такой исторический момент, когда старое средневековое землевладение, и помещицье и казенно-«надельное», стало окончательно нестерпимой помехой дальнейшему развитию страны, и когда это старое землевладение неизбежно подлежало самому крутому, беспощадному разрушению.

Его непрестанное, полное самого глубокого чувства и самого пылкого возмущения, обличение капитализма передает весь ужас патриархального крестьянина, на которого стал надвигаться новый, невидимый, непонятный враг, идущий откуда-то из города или откуда-то из-за границы, разрушающий все «устои» деревенского быта, несущий с собою невиданное разорение, нищету, голодную смерть, одичание, проституцию, сифилис—все бедствия эпохи «первоначального накопления», обостренные во сто крат перенесенные на русскую почву самоновейших приемов грабежа, выработанных господином Купоном*).

Так оценивал Ленин работы Толстого.

Какие же семена бросило учение Толстого в ту самую крестьянскую массу, выразителем идей и настроений которой он являлся в довольно значительный отрезок времени (от отмены крепостного права до революции 1905 г.)? Какие всходы дали эти семена? Выделяются ли как-нибудь ясно-полянские крестьяне среди окружающего населения, более ли они развиты, культурны?

Ведь среди них жил и работал не один десяток лет Толстой.

Вот первый круг вопросов, который интересовал меня.

Толстой был не только писателем и мыслителем. Он был и просветителем. Нам, работникам просвещения, знакомы его педагогические идеи, мы знаем о его учебниках, о той значительной деятельности, которую развивало созданное при ближайшем участии Л. Н. издательство дешевой популярной литературы «Посредник».

Какие же следы оставила эта просветительная работа в Ясной Поляне и окружающих деревнях (Телятники, Грумонт, Воробьевка и др.), как велась она прежде и как ведется теперь—вот второй вопрос, прямо вытекающий из первого.

Начнем с внешних признаков деревни. Новые здания школы 9-ти летки и больницы, электрическое освещение, подготовительные работы к мощению улицы—это от сегодняшнего дня. Раньше об этом можно было только мечтать. Кирпичные крестьянские дома—это от старого, но кирпичные они вовсе не потому, что яснополянские крестьяне чем-нибудь отличаются от других, а потому, что живут они на глине, и кирпичная изба обходится дешевле деревянной. В Ясной Поляне из 108 жилых домов—84 имеют 1 комнату, 21—2 комнаты и 1 дом—3 комнаты. В дер. Грумонт из 29 домов—24 имеют 1 комнату.

«На зиму все заводят овец, ягнят и телят в избу. Моются в печах. Во всей деревне нет ни одной бани».

Так записано в материалах обследования деревень учащимися и так на самом деле живет еще подавляющее большинство яснополянцев.

Бывшие толстовские деревни—подгородные (до Тулы 15 верст), земля скверная и ее мало. Совершенно очевидно, что строить свое благополучие на посеве хлебов деревни не могут. Сбыт таких продуктов, как овощи, молоко, масло, сыр, творог и пр., очень удобен и обеспечен в течение целого года. Но ударил ли кто прежде пальцем о палец, чтобы начать поворачивать крестьянское хозяйство на новые рельсы, постепенно приучить к посеву на пустующих пустырях около изб овощей, постепенно приучить к посеву корнеплодов.

Никто.

*) Ленин «Л. Н. Толстой». Собр. соч. т. XI. ч. 2.

Грязь и скученность в избах и сейчас велики, а раньше было не лучше, а хуже. Никаких производственных объединений не было. Каждый жил так, как жили его деды и прадеды. И богу православному молились так же, как молились крестьянин и крестьянка в других губерниях, и так же не читали газет и книжек, как не читали их в массе в других губерниях, и так же на цыгарки уходило «душеполезное чтение», как уходила на цыгарки иная литература в других деревнях.

«И не может ни мать сунуть соску своему детищу, если она не хочет его смерти, ни отец допустить того, чтоб его ребенок лежал в зыбке с тряпкой во рту, с той тряпкой, от которой половина детей должна умирать. Не то, что отец, всякий добрый человек, войдя в дом и увидя ребенка с соской, должен вынуть ее изо рта младенца и сказать матери про то зло, которое делает эта соска. Соска убивала на Руси людей больше, чем чума и холера и все болезни. Надо вооружиться против нее и помогать друг другу уничтожать ее» — так писал еще в 1889 г. Толстой. А была ли в Ясной Поляне хоть одна изба и после этого, где не было бы у ребят тряпицы во рту? А не остались ли эти тряпицы и сейчас, да еще с маком — «чтобы лучше спал»?

Можно было бы привести еще сотни фактов такого же рода.

Поговорите с крестьянами о Толстом (не с дворовыми, кое-кто из дворецких, кухарок и пр. живут еще), и вас удивит — с каким безразличным видом вспомнят они о барине, который «блажил», иногда о той помощи, которую он оказал и... все с неизменным переходом «к очередным делам» о земле, о кормежке коров, о корнеплодах, жмыхах и пр.

Мне много приходилось читать о Толстом. Но где все эти «обожания», «спреклонения», о котором так любят писать и искренние почитатели писателя и те «кадетские балалайки», которые, по выражению Ленина, примазывались к популярному имени, чтобы приумножить свой политический капитал и разыграть роль вождя общенациональной оппозиции?

Нет их.

Говоря о противоречиях во взглядах Толстого, Вл. Ильич писал еще в 1908 г.

«Противоречия в произведениях, взглядах, учениях в школе Толстого действительно кричащие. С одной стороны — гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны — замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, с другой стороны — «толстовец», т.-е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, публично бия себя в грудь, говорит: «я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками». С одной стороны — беспощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс; с другой стороны — юродивая проповедь «непротивления злу» насилием. С одной стороны — самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок; с другой стороны — проповедь одной из самых гнусных вещей, какие только есть на свете, именно: религия — стремление поставить на место попов на казенной должности попов по нравственному убеждению, т.-е. культивирование самой утонченной и поэтому особенно омерзительной поповщины»).*

Об этих кричащих противоречиях особенно вспоминаешь на фоне яснополянской жизни.

*) Ленин, Собр. соч. т. XI, ч. I.

Отгороженный от массы крестьянства тенистым парком, но знающий хорошо жизнь крестьянина и его стремления, Толстой учит, принимает паломников, проповедует, пишет, ходатайствует и... все это дело идет мимо той массы крестьянства, которая его окружает, все это никак не воспринимается ею. Было несколько чудаков, производящих впечатление людей не от мира сего, «толстовцев», которые считали себя убежденными последователями Льва Николаевича, но их убеждения коренным образом перевернула сама жизнь.

Лет 15 тому назад пришлось мне быть на могиле Пушкина в Святогорском монастыре (Псковской губ.). На могильном памятнике высечены красивые слова о том нерукотворном памятнике, к которому не зарастет народная тропа. В нескольких верстах от могилы именуем Михайловское, где жил Пушкин. Хотя и был базарный день, но часа два я протолкался по базару в напрасных поисках человека, который знал бы, где это самое Михайловское. На все вопросы о Михайловском и Пушкине слышался единодушный ответ—«Какое это Михайловское, нет у нас такого барина Пушкина и не было». Нашелся один крестьянин, который согласился ехать «на-ура» и промучал 6 верст часа три.

Вот вам и незаросшая тропа!

Но Пушкин был поэтом. Недавно Вас. Каменский в своем романе «Пушкин и Дантес» даже пытался представить его стопроцентным революционером, любимцем крестьян, каждое появление которого—в поле ли, в театре—вызывало энтузиазм. Эти преувеличения мы оставляем на совести увлекшегося автора.

Здесь же жил Толстой, который не только писал, но и был учителем, утешителем, наставником. А картина та же.

В чем дело? Почему так?

Энергичная заведывающая яснополянским музеем и опытной станцией Наркомпроса, дочь Льва Николаевича—Александра Львовна, довольно своеобразно объясняет косность и инертность крестьянства, противоречия между учением Толстого и жизнью яснополянских крестьян.

— Были когда-то сусанинские деревни. Из поколения в поколение жили в них крестьяне «царской милостью». Падет ли корова, нужна ли лошадь, обращались с ходатайствами к «земному богу», и земной бог отпускал от своих богатств то десятку, то четвертную, в память того самого Сусанина, который известен нам по Иловайскому и по опере «Жизнь за царя», а современной молодежи совсем не известен. Из поколения в поколение создавалась привычка только просить, не работать своими руками, не добиваться лучшей жизни.

Но так ли это?

Не прав ли Ленин, говоря, что «отчаяние свойственно тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, не способен бороться. Современный*) промышленный пролетариат к числу таких классов не принадлежит». Его учили **и** бороться, ему не затуманивали голову всякими реакционными проповедями аскетизма, «непротивления злу», «самоусовершенствования», о вечных началах нравственности; ему не давали на каждый день божественных изречений—и он бился и выбился. И крестьянство пошло за пролетариатом, то самое крестьянство, которое не послушалось его, Толстого, и, по его выражению, к сожалению, необыкновенно быстро научилось делать революцию. Уроки того, как делать революцию и яснополянские крестьяне получили не от Толстого.

Пришла Октябрьская революция, отзвучали боевые раскаты. И вот только теперь, совершенно независимо от того, чему и как учил Толстой в Ясной Поляне и окружающих деревнях, начинается движение вперед, начинает осуществляться частично и то, о чем говорил и писал Толстой.

Это движение идет медленно, но за четыре-пять лет сделано неизмеримо больше, чем за десятки лет хороших проповедей. Пусть целый ряд мероприятий связан с именем

*) Писано в 1910 году.

Любимая скамейка Л. Н. Толстого.

Толстого—это хорошо, это лишний раз свидетельствует о том отношении, которое пролетариат проявляет к великим художникам слова.

И электричество, и школа, и больница, и мостовая, и кооператив, и народный дом, и библиотека с 400 подписчиков, и радио—все это достигнуто за последние несколько лет.

При жизни Толстого обучение ребят сначала шло у него в усадьбе, а после запрещения правительством—в церковно-приходской школе. Обучалось в школе не более 30-40 ребят. Это считалось достижением.

Теперь в Ясной Поляне школа I ступени и школа II ступени.

В 1927-28 г. училось в них 428 ребят. Кроме того, имеется две производственные группы с мастерскими, интернат, два детских сада, четыре площадки (Ясная Поляна, Телятники, Грумонт и Воробьевка).

Все эти учреждения объединены в одну опытную станцию, которой руководит Ал. Львовна Толстая.

От невзрачной клетушки, именовавшейся церковно-приходской школой, с 40 учащимися и 1 учителем к стольким учреждениям с тремя десятками учащихся и воспитателей, к двухэтажному зданию школы, которое уже сейчас считают недостаточным.

В школе первой ступени в каждой группе умывальники, мыло, чисто полотенце, горячие завтраки. В ненастные погоды организован крестьянами подвоз ребят в школы из окрестных деревень.

В детсад приходят 5-6-ти летние «няньки»; с грудными младенцами и просто «убегают» ребята из дому, чтобы провести день в саду или на площадке.

Только теперь—и в библиотеке и в школе—начинают читать художественные произведения Толстого, как начинают привыкать вообще к чтению.

Яснополянские школы болеют нашими общими болезнями.

Там тоже споры о комплексах, о формальных знаниях; там тоже ищут лучших форм общественно-полезного труда (засыпка оврагов, разведение цветников, починка дороги и пр.) и там тоже с самоуправлением дело обстояло достаточно скверно, как слабо еще развита работа комсомольских и пионерских организаций.

«Дух толстовства» очень небольшой прослойкой витает еще над школой не только в многочисленных портретах на стенах, но и в существе работы. Не вина учащихся, что на стенах одной из классных комнат рядом висят два хорошо выполненных плаката:

Педагогические идеи Л. Н. Толстого.

- 1) Создание школы для трудового народа.
- 2) Связь школы с жизнью.
- 3) Отмена наказаний.
- 4) Занятия определяются интересами ученика.
- 5) Труд в школе.
- 6) Гимнастика.
- 7) Детское художественное творчество.

Основные идеи советской школы.

- 1) Единая трудовая школа.
- 2) Связь школы с жизнью.
- 3) Отмена наказаний.
- 4) Дети—будущие строители социалистического государства.
- 5) Трудовые процессы в школе.
- 6) Физкультура.
- 7) Художественное воспитание.

Выводы как будто бы напрашиваются сами собою. И выводы по существу неправильные, ибо содержание работы толстовской и советской школы, установка их ни в какой мере не схожи.

Никакого развития не получили в школах кружки военных знаний и ячейки Осоавиахима. Винават «дух Толстого», который был против войны и против военной службы. Сами ребята рвутся к этой работе, но встречают некоторое противодействие и совершенно необоснованное, ибо, повторяю, Толстой был в Ясной Поляне сам по себе, а население само по себе.

Но что необходимо всячески привествовать и поддержать—так это огромную работу школы по переустройству яснополянского крестьянского хозяйства.

Начиная с 1924 г., школа начала вести систематическую работу по переводу скота на правильное кормление, посадке корнеплодов и переводу на многополье.

Начали дело с маленького, взяли для опыта 2-х коров—«Лыску» из музейного совхоза и «Красавку» крестьянина К. Воробьева.

После трех недель правильного кормления удои поднялись с 13 до 20 бутылок, и коровы стали давать в день по 39 коп. чистой прибыли.

Опыт дал положительный эффект. О «Красавке» заговорили, «Красавка» стала знаменитостью. Начался обход преподавателя (И. В. Долино-Иванского) с учащимися 7 группы изб с предложением выработать кормовые дачи и следить за кормежкой. Значительное количество крестьян охотно откликнулось на призыв школы, и, несмотря на трудности со жмыхами, с корнеплодами, молочная артель почувствовала увеличение удоистости, а крестьяне пользу от правильного кормления.

Уже к 15 февраля 1926 г. для 116 коров (из 139) в Ясной Поляне были составлены нормы кормления.

Недостаток места не позволяет мне подробно шаг за шагом остановиться на этой интересной работе, действительно охватившей почти всю деревню, работе, которая нашла

отражение в ряде дисциплин (естествознание, география, математика), но надо было самому видеть, как легко и с полным знанием дела ребята высчитывали нормы кормления, всячески комбинировали их, в связи с наличием тех или иных продуктов, болели за порученных им для наблюдения коров, чтобы на деле убедиться в том, что может сделать советская трудовая школа.

А огромное количество опытных участков, сотни проверок семян на всхожесть, разведение рассады, борьба с вредителями—все это можно вписать в актив яснополянской школы.

Эта работа уже дает первые ростки и в крестьянских хозяйствах, и ростки эти будут расти с каждым годом.

Работы предстоит еще много, но работы благодарной.

МЕТОД ПРОСВЕДИТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

А. Веденяпин

Метод проектов и программа ГУС'а.

Новосибирская опытно-опорная школа в течение двух лет работает над применением элементов метода проектов к программам ГУС'а. До этого времени мы имели немало затруднений в проработке комплексных тем: трудно удавалось втянуть детей в планирование и организацию своей работы, вызвать в них инициативу мысли, связать в одно целое всю сумму учебных мероприятий в пределах одной темы. Силою и рядом чувствовался разрыв в педагогическом процессе: то комплекс, то формальные знания. Нередко прорабатываемый вопрос не занимал детей, работа протекала скучно, на вожжах учителя. Со времени применения метода проектов к комплексу совершенно преобразился педагогический процесс. Перед детьми одна за другой стали вставать конкретные жизненные задачи, близкие, понятные им, отвечающие их желаниям, интересам. Ученики почувствовали себя инициаторами дела, активными участниками в разрешении всех вопросов. Вместе с этим поднялся интерес к работе.

Что взяли мы от метода проектов?

Метод работы

В понимании проекта мы исходили из определения, данного ему Кильпатриком: «под проектом надо понимать целевой опыт, всякий случай целевой активности, где намерение, как внутреннее побуждение, устанавливает: 1) цель действия; 2) руководит его процессом; 3) обосновывает его направление, его внутреннюю мотивировку».

Эти элементы целевого действия мы наблюдаем в повседневной деятельности ребенка. Жизнь ребенка наполнена разнообразными предприятиями, делами—будет ли то игра, изготовление вещи, уход за кроликами, голубями. В каждом таком случае ребенком руководит намерение получить определенный результат, эффект, дающий ему или удовольствие или практическую пользу. Примерно, мальчик увлечен мыслью устроить радиоприемник. Он читает литературу, знакомится с устройством готовых аппаратов,

От редакции. Построение работы по методу проектов следует признать одной из очередных задач советской школы. С этой точки зрения опыт 18 опытно-опорной школы г. Новосибирска, изложенный в настоящей статье, заслуживает внимания.

Приходится, однако, пожалеть, что автор затрагивает опыт работы по методу проектов только в 1 гр. школы, совершенно не касаясь работы по нему в старших группах. Между тем, применение метода проектов в старших группах школы особенно интересует просвещенцев.

Редакция полагает, что педагоги 18 опытно-опорной школы возьмут на себя труд осветить в нашем журнале свой опыт работы по методу проектов и в старших группах школы I ступени.

комбинирует свой проект, проверяет его на практике. Все его мысли, умения направлены к одной цели. Представление о конечном результате своего предприятия все время побуждает его волю к действию, создает подъем в работе. Несомненно, только такая деятельность может воспитать ум, развить инициативу, творчество и дать прочные знания. В школе же мы наблюдаем обратную картину. Школьные методы напоминают собой скорее дрессировку больших и маленьких людей, выполняющих разнообразные действия по желанию другого человека: пишут для письма, считают для счета, исследуют ради исследования. В результате школа выпускает хорошо выдрессированных экземпляров, умеющих выполнять волю других, но умственно мало воспитанных, мало приспособленных к самостоятельному действию в жизни,—ибо в течение многих лет нигде было им применить своей инициативы, перед ними не стояло практических задач, которые бы побуждали работать от всех способностей и всего сердца.

В целях правильного и активного воспитания детей необходимо признаки целевой деятельности перенести в школу. Программы ГУС'а по 1 ступени дают основные узлы, комплексы, около которых можно организовать целевую деятельность детей, но для этого необходимо каждый комплекс расчленить на конкретные дела, близкие и понятные детям. Пояснения к комплексам кое-где конкретно выдвигают общественно-полезные задания, но они не предлагаются как узлы для организации около них всей учебно-воспитательной работы. Наша же задача должна сводиться к тому, чтобы воспитательный и учебный процесс был целиком построен на основе конкретных задач, дел, побуждающих детей к живой деятельности. Исходя из этих соображений, 18 совшкола сделала попытку сформулировать эти задачи по каждому комплексу. В результате двухгодичного опыта программа 1 группы была расчленена на следующие темы-проекты:

Комплексы:**Проекты:**

1. Школа и ее работа.	{	1. Чему будем учиться в школе.
	{	2. Как будем работать дома и в школе.
	{	3. Как устроим свою классную комнату.
2. Наша семья.	{	1. Как нужно жить, чтобы быть здоровым.
	{	2. Как устроить наш дом, чтобы в нем было тепло, сухо, светло.
	{	3. Как занять и обрадовать наших маленьких сестер и братьев.
3. Октябрьская революция	—	Как устроим праздник в день Октября.
4. Природа и труда зимой.	{	1. Чем поможем птичкам и животным зимой.
	{	2. Как будем проводить зимой досуг.
5. Природа и труд весной.	{	1. Что надо сделать во дворе, в доме весной.
	{	2. Как встретили прилетающих птичек.
	{	3. Как устроим цветник и огород.
	{	4. Как будем праздновать 1-е мая.
	{	5. Как надо проводить лето, чтобы быть здоровым.

Приведенная серия тем-проектов вовсе не представляет чего-либо нового. Это—программа ГУС'а, расчлененная на конкретные, деловые задачи; но, будучи построена таким образом, она приобретает отчетливость, дает целенаправленность действиям ученика и учителя. Каждая задача таит в себе стимул к действию.

Расчленив комплексы на конкретные задачи, мы в проработку их положили основные принципы метода проектов.

Первоначальная задача в работе сводилась к тому, чтобы бросить детям искру интересного и полезного предприятия, возбудить в них желание во что бы то ни стало его осуществить. Иногда эта задача разрешалась просто, фактом постановки перед детьми проблемы, но иногда требовалось тщательно детей подготовить, создать в них предрасположения к ее восприятию.

Если проблема являлась выражением собственных побуждений детей, если для нее была хорошо подготовлена почва, то достаточно было назвать ее, как она встречала единодушный отклик и желание над ней работать. К таким проектам надо отнести проекты:

1. Как мы обрадуем маленьких сестер и братьев.
2. Как устроим цветник, огород.
3. Как встретим прилетающих птичек.

В других же случаях для побуждения детей к новому предпринятию приходится прибегать к внешним стимулам. Примерно, такая тема-проект: «Как нужно жить, чтобы быть здоровым» может оказаться неинтересной, неактуальной для детей, если не дать детям осознать, почувствовать всю ее важность для себя. В таких случаях приходится апеллировать к эмоциональным переживаниям ребенка, вызывая их целым рядом подготовительных бесед, наблюдений, воспоминаний. Но каковы бы ни были пути и средства побуждений, нужно стремиться внушать их таким образом, чтобы они воспринимались детьми, как собственные побуждения.

Вместе с тем не следует опасаться того, что мы будем навязывать детям свои проблемы. Педагог, хорошо знающий детей, сможет остановить их внимание на таких вопросах, которые окажутся для них не менее интересны, чем бы они выбрали сами. В противном случае дело воспитания мы можем подвергнуть случайностям детских желаний, настроений, что противоречит основным принципам нашей советской школы, являющейся орудием организованного воздействия на ребенка.

Таким образом, стимулирование намерений детям должно стать для педагога основной задачей в работе по каждому новому проекту. Когда детям внушено побуждение, когда новое предпринятие увлекло их, надо пути реального осуществления замысла насытить возможно полнее учебными мероприятиями, помогающими разрешить поставленную задачу. Надо заранее предусмотреть, какой материал и в какой форме предложить детям.

Ученики 1 ступени нуждаются в постоянном руководстве и помощи. Учитель должен иметь вполне продуманный план действий, нисколько не опасаясь того, что тем самым он нарушит свободную инициативу детей, заглушит их творческие замыслы. Наоборот, он может расширить поле их деятельности, сделать работу содержательной, интересной, используя всякий случай детской активности, творчества. В этих целях педагогу необходимо предварительно самому разработать проект, обдумать все свои мероприятия. Предложить для разработки проекта определенной, твердой схемы нельзя. Здесь все зависит от содержания темы; от наличия средств, которыми располагают дети и школа. Только в грубых чертах можно определить основные этапы работы по проекту:

1. Подготовка детей к новому предпринятию.
2. Выбор практической задачи.
3. Изучение данных, помогающих решить задачу: наблюдения, опыты, чтение, письмо и пр.
4. Практическое выполнение задачи.
5. Проверка сделанного.

Примерно, комплекс-проект: «Как устроить дом, чтобы в нем было тепло, сухо, светло» прорабатывается по такому плану:

1. Подготовка детей к новой теме. Постановка практической задачи.
2. Экскурсии по осмотру своих домов (по выбору).
3. Экскурсия для осмотра благоустроенного дома.
4. Чтение материала, выявляющего хорошие и дурные стороны домов.
5. Анализ всех данных. Выводы: как лучше устроить дом.
6. Проекты практических мероприятий по улучшению своих домов.
7. Проверка результатов.

Безусловно, нельзя было представлять, что приведенные схемы для разработки проектов есть нечто непоколебимое, исчерпывающее все виды работы. Это только логические ступени педагогического процесса. Ученики могут вносить изменения в содержание работы, по-своему оформить замыслы, но важно дать им логически последовательное завершение. С этой точки зрения учителю необходимо отчетливо знать ступени, по которым должна разворачиваться работа.

В каждом этапе работы возможно широкое использование формальных знаний. Они то готовят мысль, настроения детей, то расширяют опыт, знания, то помогают в решении практических вопросов. При всем этом, однако, не исключается необходимость тренировки в письме, счете, чтении.

Моменты планирования работы превращаются в широкое проявление умственной инициативы, в творчество жизни, ибо перед детьми всегда отчетливо стоят конкретные проблемы, для разрешения которых у них имеется достаточно опыта, знаний.

Для иллюстрации высказанных положений помещается одновременно дневник проработки комплекса-проекта: «Как занять и обрадовать наших маленьких сестер и братьев».

Комплекс-проект.

«КАК ЗАНЯТЬ И ОБРАДОВАТЬ НАШИХ МАЛЕНЬКИХ СЕСТЕР И БРАТЬЕВ»

I. Вводные занятия.

1 день:

Задача дня—выявить, чем занимаются дети дома, и навести их на мысль, чем еще можно занять себя.

Беседа. Чем каждый из вас занимается дома? По заданному вопросу высказываются почти все дети. Всем хочется рассказать о себе. Из рассказов было видно, что, кроме занятий по заданиям школы, дети помогают матери по хозяйству; катаются на санках, коньках, рисуют. Некоторые из девочек учатся вышивать, вязать. В своих рассказах дети были откровенны: видимо, им доставляло удовольствие говорить о себе.

Чтение. На вопрос, чем еще можно занять себя, предлагаю детям прочитать статьи: «Я рисую», «Я вырезаю». Перед чтением записываю на доске два вопроса: чем занимались дети дома? Как проводили зимние каникулы? Каждый из детей читает самостоятельно, про себя. Из ответов детей замечается, что содержание статей усвоено достаточно полно. Перед детьми открылись новые виды увлечений.

Письмо. Для упражнений в письме записываем имена членов семьи. Сначала детям напоминаю, что имена людей надо писать с большой буквы. Для образца записываем коллективно фразу: «У нас в семье, папа, мама, Таня, Ира». По данному образцу дети пишут самостоятельно в тетрадях о своих семьях.

Счет. Считаю в пределе 20. Производим сложение, вычитание на тему: «Состав нашей семьи».

2 день.

Задача второго дня—узнать, чем занимаются маленькие братья и сестры школьников и какое участие в их играх принимают старшие.

Занятия начинают с беседы: мы вчера говорили о себе, чем мы занимаемся дома. Интересно знать, как проводят время ваши маленькие сестры и братья. С большим увлечением дети рассказывают о жизни и играх малышей, о том, какие имеются у них игрушки.

Чтение. Для того, чтобы расширить представления детей о взаимоотношениях между собой, даю прочитать им статейку «Маленькая Катя» с предварительным вопросом: «Как ухаживала сестра за маленькой Катей».

Рисование-письмо. Предлагаю детям зарисовать игрушки, какие имеются у них дома, и подписать их названия. В этих целях указываю на статью «Игрушки», где имеются слова—названия игрушек.

Счет. Считаю игрушки, решали задачи. Познакомились с делением 20 на 2. Считаю учащихся по партам.

И итогам дня: 1. Из всех детей выделяется особенно Иванова Маня; по ее рассказам можно судить, что она в доме хозяйка и большая помощница матери. 2. Письменная работа прошла интересно. Но игрушек зарисовали мало; у детей они имеются в малом количестве и весьма однообразны.

3 день.

Задача дня—подвести учащихся к мысли: как образовать и занять маленьких сестер и братьев.

Вспоминаем вчерашний разговор о маленькой Кате. На вопрос, помогают ли дети маме в уходе за маленькими детьми, дети рассказывают, как они играют и ухаживают за малышами. Маня сказала, что ее маленький братишка вырос у ней на руках, так как мама ходила на службу. На вопрос, что особенно любят малыши, дети отвечали, что малышам всегда приятно, когда им приносят что-нибудь сладкое и дарят игрушки.

Чтение. Для ответа на вопрос—«Какие вы игрушки вы купили для семилетнего мальчика и девочки 5-6 лет»,—предлагается детям прочитать статью: «Заказ на игрушки». Из ответов последовало: мальчику надо купить—лошадку, барабан, трубу, солдатиков; девочкам—мишку, куклу, домик, утку. На вопрос—«Почему у наших малышей мало игрушек»,—дети ответили, что игрушки очень дороги и ребята их быстро ломают.

Задание. Подумайте дома, что мы можем сделать для малышей, чтобы занять их и обрадовать? Этим заданием заканчивается вся подготовительная работа. Настроение подготовлено к тому, чтобы поднять творческие силы ребенка на осмысленную и радостную работу. Искра уже брошена.

II. Постановка проекта.

4 день.

Задача дня—поставить перед детьми проблему, как занять и обрадовать своих маленьких сестер и братьев.

На поставленный вчера вопрос: «Чем можем мы занять и обрадовать малышей, что можем для них сделать»—дети оживленно изъяснили готовность заняться приготовлением игрушек. Какие же игрушки можем сделать? Куклы, мебель, лошадок и пр. Предложений поступало чрезвычайно много. Предстояло отобрать из них возможное для выполнения детскими силами и имеющимися средствами. Но прежде, чем заняться этим делом, решили на сегодня записать свои намерения.

Коллективная запись на доске: «Мы будем делать игрушки своим маленьким сестрам и братьям. В школе мы будем шить куклы, делать мебель и другие игрушки». Сочинение переписывается детьми в тетради.

Счет: сколько маленьких сестер и братьев, мальчиков, девочек, сколько нужно изготовить игрушек.

III. Планирование работы.

5 день.

Задача дня—дать возможность детям проявить инициативу в организации работы и выбрать для своей работы то, что наиболее каждого интересует.

С утра приступаем к планированию работы. В обмене мнений намечаем прежде всего, какие игрушки будем делать. Наметив игрушки, обсуждаем, какой потребуется материал, инструменты. Выяснилось, что часть материала, инструментов дети могут принести из дома: лоскутья, картон, бумагу, иголки, нитки, молотки и пр. Но некоторые материалы, как цветная бумага, клей и др., потребовалось докупить. Решили на следующем уроке подсчитать расходы и разложить их на учеников.

Работу по изготовлению игрушек—распределили между детьми по их желанию: одни взялись делать—барабан, домики, лошадки—это мальчики, другие—шить куклы, мишку и пр.—это девочки.

Время на изготовление игрушек—определили в конце дня (3 и 4 урок).

Счет. Занялись составлением расчетов на покупку материалов. Выяснилось, что всего потребовалось 52 коп. Постановили эту сумму собрать завтра, поручив сбор денег и покупку материалов хозкомиссии.

6 день.

Задача дня—окончательно установить распорядок и приступить к выполнению намеченного плана.

Чтение. С утра решили почитать. Читаем статью: «Сиротка Ваня». Вопрос к чтению: «Хорошо ли жилось Ване?». После беседы читаем стихотв. «Я и Лена» с вопросом: «Как забавлял мальчик свою сестренку?». Стихотвор. читалось сначала мною, а потом детьми вслух, с «выражением». Всем понравилось.

Счет-письмо. Хозяйственная комиссия собрала 47 коп. Нужно было теперь составить список—чего и сколько купить. Подсчеты и запись проводим всем классом. После чего хозяйственная комиссия сразу направляется в магазин за покупками, а все оставшиеся учащиеся приступают к работе по изготовлению игрушек из принесенного детьми материала.

IV. Практическое выполнение проекта.

Труд. Сначала рассмотрели материалы, подсчитали инструменты. На всех учащихся ни того, ни другого оказалось недостаточно. Поэтому распределились звеньями по 3 человека. Ребята уже рвались к инструментам. Наконец, приступили. Дети пилили, строгали, вырезывали, стучали молотками, кроили, шили. Кипучее, жизнерадостное настроение царило в группе. То и дело учащиеся обращались за советами к учительнице, друг к другу—как лучше сделать. Смех, временами крик на мешавшего соседа,—все сливалось в общую гармонию творческого труда и мысли.

Вечно равнодушные ко всему в классе—Ворошилова и Новоселов,—приняли самое активное участие в работе.

7 день.

Занятия начинаются письмом. Детям дается задание написать названия игрушек в том порядке, как они нарисованы в книге («Живое письмо»).

После письма занимаемся счетом, используем материалы и предметы своего труда. Решаем примеры на деление с доски.

После двухчасовых занятий продолжаем изготовление игрушек. Барабан и куклы уже сделаны. Очень удачно выходит аэроплан из дерева и картона. Игрушки радуют детей.

8 день.

Письмо-чтение. Читанное ранее стихотв. «Я и Лена» переписываем в тетрадь для того, чтобы его заучить. Читаю стихотворение вслух, а потом читают дети по тетрадям. По частям хором заучиваем.

Труд. Работаем над игрушками. К концу занятий почти все намеченные игрушки готовы.

9 день.

Задача дня—выявить достижения, просмотреть и оценить качество работы детей.

Итоги работы. После обычных занятий письмом и чтением, приступаем к оценке сделанных игрушек. Большинство игрушек удовлетворяет детей, у многих игрушек замечены недостатки. Решили их исправить.

Смежный проект:

«УСТРОЙСТВО ПРАЗДНИКА ДЛЯ МАЛЕНЬКИХ СЕСТЕР И БРАТЬЕВ».

I. Постановка проекта.

10 день.

Задача дня—подвести учащихся к мысли об устройстве праздника для малышей.

Беседа. Как же мы передадим наши игрушки малышам? Дети предлагают пригласить малышей в школу и здесь им передать игрушки. Но как это сделать, когда, в какой день лучше? Дети оживленно обсуждают этот вопрос. В учебные дни находят неудобным, потому что можно помешать занятиям в других группах.

некуда собрать малышей—в классе тесно. Приходят к мысли, что лучше устроить это в праздничный день. Но как встретить, как лучше принять ребятшек? Дети подают мысль, что нужно с ними поиграть, занять их, угостить.

Так естественно встала перед детьми задача—устроить праздник для малышей. Дети радуются за себя и своих братишек и сестренек.

Письмо. Записываем сначала на доске: «Мы устроим праздник для наших маленьких сестер и братьев. На празднике передадим им игрушки». Запись очень интересная для детей.

Счет. Занимаемся упражнениями в счете. Решаются с доски примеры на все 4 действия.

II. Планирование проекта.

11 день.

Задача дня—дать возможность учащимся проявить инициативу в практическом разрешении вопроса об устройстве праздника.

С утра беседуем по вопросу: как же мы устроим для малышей праздник? Дети предлагают: декламировать стихи, устроить угощение, игры и во время вечера вручить гостям игрушки. Намеченный план записали в тетради. В целях подготовки к чтению стихов, дети намечают задачу: подобрать стихи для вечера из имеющихся книг и завтра их заслушать.

Чтение. Читаем статью: «Как жилось Федюшке и его заветное желание».

Счет. Решаем задачи на все четыре действия.

III. Практическое выполнение проекта.

Сегодня дети принесли книги, назвали ряд стихотворений для декламации. В течение первого часа заслушивали заученные ранее детьми стихи и читали по книгам вновь предложенные. Часть стихотворений читала сама учительница. Каждое стихотворение обсуждалось группой. В результате беседы наметили ряд стихотворений для декламации и выбрали итцев. Работа прошла оживленно.

Письмо. Записали в тетрадях названия стихотворений и имена декламаторов.

12 день.

Беседуем об устройстве угощения. Нужны для этого средства. В результате беседы дети решают: собрать деньги с родителей, для чего признают необходимым созвать групповое родительское собрание и сделать на нем доклад. На доклад выбирают 3 мальчика.

Особенно энергично обсуждался вопрос об устройстве чая. Высказывалось очень много детей. Бедных учеников нужно было освободить от взносов.

Письмо. Решение записывается в тетради с доски: «Мы хотим угостить наших маленьких сестер и братьев. Нам нужно собрать деньги. Мы сделаем доклад родителям о нашем празднике. Они нам помогут».

Счет. Занимаемся подсчетом, сколько надо собрать денег.

13 день.

Дети приготовили доклад на родительское собрание. Докладчики рассказывали его группе. Многие дети признавали, что доклад хороший, часть детей указывала на необходимость дополнений. В общем прений было не так много.

Чтение. Решили сегодня почитать. Читали статью: «Я делаю коня». Заслушивали декламаторов. Читали не одни только декламаторы, но и другие дети.

Пение. В конце занятий приступили к разучиванию песен: «Пионерская», «Смена смене».

14 день.

Родительское собрание. На собрание собралось 20 чел. Докладчики сделали доклад. Рассказали о том, что дети 1 гр. решили для малышей устроить праздник с играми и угощением. Для угощения нужны средства—10 руб. Родителями задавались вопросы, дети отвечали. В заключение родители постановили добровольно собрать деньги. Многие внесли тут же. От родителей выбрали комиссию в помощь по устройству праздника.

Собрание прошло весьма оживленно. Явились почти все дети. Несколько человек без родителей. Дети остались довольны.

15 день.

С утра подсчитывали, что нужно купить. Составили смету.

Письмо и рисование. Писали программу праздника, сначала на доске, а затем переписывали в тетради. Затем каждый ученик рисовал в своей тетради то, что бы он нарисовал на программке.

16 день.

Рисование-письмо. Перед письмом беседуем, кого нужно пригласить из праздник. Намечаем представителей от различных организаций. Составляем образец приглашения.

«Детсаду.—Первая группа 18-й совшколы приглашает вас на праздник в воскресенье 30 января в 4 часа дня».

Форма приглашения записывается на доске. После чего одна часть детей принимается за писание приглашений, другая—за разрисовывание программки. Работа продолжается до конца дня.

17 день.

Сегодня суббота. Завтра праздник. Нет желания заниматься письмом, чтением, да и некогда. Надо привести в порядок помещение, украсить его, разнести приглашения гостям и т. д. Всем этим занимаемся с утра. Работа проходит организованно. Дети учитывают все мелочи. Столько хлопот и деловитости. Создается настроение, что только в организации таких общественно-полезных проектов и жизнь, и труд, и ученье превращаются в нераздельный творческий процесс. Праздник для маленьких сестер и братьев явился хорошим примером того, что дети могут хорошо жить одними интересами, одними желаниями.

18 день.

Дети приходят рано. Помогают готовить угощение, расставляют столы, свертывают пакетики со сладостями. К 5 ч. вечера набирается масса детей, родителей, представителей от общественных организаций. Программа детских выступлений проходит с большим успехом. После спектакля приглашают гостей к чаю, а потом устраиваются игры. В заключение игр приглашают гостей занять места. Один из учащихся рассказывает малышам, чем они занимаются в школе, сообщает, что 1 группа решила сделать подарки малышам. Игрушки—плоды больших трудов и заветных желаний—вручаются детям. Момент, глубоко волнующий участников праздника.

Праздник принес большое удовольствие и организаторам и его гостям. Родители благодарили организаторов праздника за доставленное их детям удовольствие. Одна из родительниц заявила, что ее дочь с нетерпением ожидала этого праздника, и они обе уходят весьма удовлетворенные. Дети 1 группы ушли домой счастливыми: так хорошо они выполнили свою задачу.

19 день.

Дети делились впечатлениями от праздника. Все довольны и рады. Много рассказывали о том, как они играли, как рады были их маленькие братишки и сестренки. В заключение беседы составили коллективную запись: «У нас в школе 30 января был праздник для маленьких сестер и братьев. Мы им доставили много радости. После спектакля дети пили чай с печеньем. Дети получили подарки: пакеты с разными сладостями и игрушками, которые мы сами сделали».

А. Каторгин

Планирование и учет педагогической работы в школе I ст.

(В порядке обсуждения).

Мне кажется, что эти два вопроса являются особенно важными и нередко заставляют работников школы на них сосредоточивать особенное внимание. Если некоторые вопросы педагогической работы получили достаточно яркое освещение в педагогической литературе и по ним уже создано определенное представление у работников, то вопросы о планировании и учете до настоящего времени остаются проблематичными. Многие из работников «пробуют» планировать и учитывать, но часто эта проба отбивает желание и у работников и у детей лишь только потому, что работник не придавал существенного значения этим вопросам и не был подготовлен к их проведению. Часто работа школы страдает не потому, что там неквалифицированные работники, или в этом виноваты объективные условия, а главным образом, в виду неумения планировать или непридания вопросам планирования и учета должного значения. Вопросы планирования должны быть разбиты на две части: планирование работы учителем и планирование с детьми.

Планирование работы учителем.

Прежде, чем приступить к работе в школе, необходимо иметь такой план, который бы определял содержание всей школьной работы. Такой план принято называть производственным. Мне пришлось в школах в десяти видеть эти производственные планы, но они поражают своей схематичностью и являются просто перечнем ряда школьных работ, зачастую для села не имеющих никакого значения. Об изданном типичном рабочем плане работники нашего района представления не имеют, а это бы имело колоссальное значение. Правда, вопрос о составлении производственных планов стоял в повестке дня конференции и курсов, но тем не менее практического разрешения он еще не получил. Дело в том, что эти планы начинают всегда составляться в то время, **когда уже начинаются вести в школе занятия.** Обыкновенно, начало занятий у нас сопровождается ремонтом, а тут еще привлекает внимание учителя организационная сторона школьной жизни. Он должен быть всюду: и вести работу за дружное поступление детей в школу, и организовать школьную работу, и подталкивать ремонт. Конечно, справиться с такой работой как составление производственного плана, реального и с учетом местных условий, он не сможет. Президиум Б.-Реченского РИК'а, учитывая это, установил канцуклы только до 1-го сентября. Весь сентябрь месяц должен быть занят ведением подготовительных работ и, в частности, составлением производственного плана. Работники школ должны будут воспользоваться при составлении своего плана планами сельских организаций и должны будут наметить конкретно, что школа может сделать путем проведения общественно-полезной работы. Все данные—и сельского совета и, как результат работы школ в прошлом году, данные экскурсий, разведок,—должны быть использованы при определении задач школы и содержания работы. Если школа будет выполнять общественно-полезную работу, вытекающую из нужд и потребностей населенного пункта, если школа будет изучать окружающее, то и учащиеся будут к работе относиться с большим интересом. Если в производственном плане должно определяться содержание школьной работы во-

обще, то нужен еще какой-то план, детальный, в котором бы на каждый день указывалось, что нужно проработать с детьми. Этот план называют одни рабочим, а другие календарным. Я называю его календарным. Если есть неясность этого плана в названии, то большая неясность имеется и в том, что должен представлять из себя этот план. Прежде всего о самой форме. Что ни школа, то своя форма и свои особенности в составлении, но ни один из планов детально не дает указаний, как должна протекать работа. В Б.-Реченском районе осенняя конференция в прошлом году занималась составлением сетки часов. Отводилось время на тему, а потом разбивалось это время по видам работы. Эти сетки в работе применены не были, и время, потраченное на их составление, пропало бесполезно. Каждый день в календарном плане похож на другой, третий и т. д., ибо нужный план потом в школе работников составлялся наспех. Большая часть содержания плана представляет следующую схему: 1) беседа, 2) чтение, 3) письмо и 4) счет.

Тема беседы у большинства учителей указывалась, но о чтении говорилось так: «чтение соответствующей статьи», а какой—работник находил эту статью перед тем, как идти в класс или прямо в классе.

Какой вид письма будет проводиться и какую цель будет преследовать это письмо, работник не знает сам. Самое непочетное место занимает счет. В каком пределе, какую цель будет преследовать счет и на каком материале,—ни в одном плане неизвестно.

Мне кажется, что от планирования работы учителем зависит усвояемость учащихся и их общее развитие, а потому этому вопросу я придаю исключительное значение. Междурайонные конференции, пленумы райметодкомиссии должны обсудить этот вопрос; работники должны будут поделиться своим опытом и наметить более четкие пути проведения этой работы.

Я мыслю приступить к составлению календарных планов так. У нас все внимание сразу сосредоточивается на самом содержании, а формальные знания и навыки увязываются там, где это можно, а вернее, когда вздумает учитель. Мне кажется, что исходным моментом при составлении плана должны являться формальные знания и навыки. Каждый учитель должен разверстать формальные знания и навыки по подтемам, кладя в основу возможность увязки и имея в виду, что объем этих знаний должен быть дан учащимся в месяцы, наиболее благоприятные для посещаемости, и, главным образом, до весеннего выбытия из школы. Это наталкивает нас на перестановку формальных знаний и навыков из одной темы в другую. Иногда это вызывается несвоевременностью начала занятий в школе. Когда такие планы будут составлены, учитель может приступить к составлению календарного плана. Я считаю, что лучше составлять план по подтемам, так как учитель при составлении следующей подтемы учтет недочеты, имевшие место в проработке предыдущей подтемы и постарается их устранить. На мой взгляд, а с ним согласна большая часть учительства Б.-Реченского района, наиболее удобной и легкой является следующая форма календарного плана.

Время работы		Содержание работы и способы ее выполнения	Отметка о выполнении, с учетом результатов и особенностей работы
Месяц и число	Часы		

Название темы и подтемы можно указать в тексте. Все содержание работы указывается в графе 3; в ней же указывается и то, как будет производиться проработка и какой будет использован материал, например, чтение такой-то статьи из такой-то книги. Далее учитель, имея план формальных знаний на подтему, разверстывает его по дням так, чтобы у него было время на закрепление навыков, и указывает, на каком материале эти

навыки будут даны. Например, при письме коллективного сочинения о домашних животных обращается внимание учащихся на то, что после пишущих не пишется «ы», а пишется «и». Навыки по математике должны быть также указаны подробно и на каком материале они будут даваться. В общем, нужно добиваться того, чтобы в календарном плане на каждый день было точно установлено все содержание школьной работы за день. Распланировка формальных знаний и навыков вызывается еще и тем обстоятельством, что некоторая часть учителей Б.-Реченского района, гонимая за проработкой содержания тем, минимума формальных знаний и навыков, несмотря на то, что он является стабилизированным, учащимся в истекшем учебном году не дала. Это в будущем году не даст возможности сразу приступить к работе по программам и вынуждает закончить проработку объема за предыдущую группу.

Последняя графа должна заменить собою дневник. Если мы посмотрим на специальные дневники учителей, то увидим, что они являются точной копией плана и в большинстве случаев в них отмечается: «писали», «читали», «считали». Другими словами, ведя такой дневник, учитель как бы отбывает повинность, и «казенщина» не дает возможности судить о самой работе, об отношении учащихся к ней и степени усвояемости. Ценности в ведении такого дневника нет. Такого дневника, в котором бы учитель высказался откровенно о своей работе, мне видеть не пришлось. В Загайновской школе учительница I гр. Колмакова Е. А., работая по плану, составленному по выдвигаемой мною форме, ведет отметки, и надо сказать, что эти отметки значительно ценнее, чем записи в специальных дневниках, которые я видел. У нее есть такие отметки, когда она боялась за свою работу или, проверяя ход урока, находила, что учащиеся проработанное усвоили слабо. Я считаю, что замена дневника графой облегчает работу учителя, во-первых, потому, что содержание переписывать совершенно не нужно, и, во-вторых, ясно видно, что и как проработано. Не будет большой беды, если отметка будет не на каждый день. Вообще допустимо, когда намеченный на день план будет проработан полностью, но особенностей в работе не будет. Возможно, что часть намеченного плана не может быть проработанной, о чем необходимо сделать отметку и докончить проработку в следующий день. После проработки каждой подтемы необходимо отметить: а) к каким результатам привела проработка; б) как отнеслись учащиеся к проработке и в) степень усвоения формальных знаний и навыков. После каждого учебного года необходимо планы передавать для хранения в дела школы. Это сделает возможным взять из них ценное и включить в план работ следующего учебного года, даст возможность строить работу на основе уже имеющегося опыта.

Планирование работы с детьми.

Этому вопросу работники школ придают значение и порой за него берутся, но попытки их бывают зачастую плачевными. Часто планирование с детьми подменяется пространством докладом учителя на тему, выдвигаемую к проработке. Иногда же оно проводится беседой с записью, но сам учитель в этом вопросе чувствует себя нетвердо и порой вышибается детской активностью из тех рамок, которыми он предполагал ограничить проработку, и «плывет по воле волн». В силу этих причин часть работников начинает побаиваться планирования и считает, что оно отгрызает бесполезно много времени. Я хочу этим товарищам возразить. Планирование с детьми имеет громадное значение, и если продуманно подойти к его постановке, то оно явится не бесполезной затратой времени, да и у учащихся появится особенный интерес к этой работе.

Я вел планирование следующим образом.

Приступая к работе, я проводил беседу с учащимися на тему, о чем бы хотели узнать дети в школе. Обыкновенно, желания детей совпадали с темами Сибварианта. Это и являлось общим планом работы на учебный год. Из интересующих ребят вопросов мы брали один (тему), увязывающийся со временем, и расчленили его на ряд основных вопросов. Это были подтемы, а потом приступали к составлению плана на подтему. Каждую

подтему расчленили на ряд вопросов, которые записывали на доску и в тетради и определяли время, нужное для проработки. Дальше намечали, каким образом мы будем изучать или прорабатывать. Имея достаточно четкое представление о содержании работы, учащиеся указывали, что они могут узнать сами, путем экскурсий, разведки, беседы с очевидцами и что из книг и от учителя. В целях экономии времени, работу по подбору материала из книг необходимо распределить по звеньям, и учащиеся сами выбирают нужные статьи для чтения или подбирают книги. По программам ГУС'а на третьем году учащиеся должны научиться по заголовку определять содержание статьи и, надо сказать, что работа в этой области нами положительно не велась. Давая такое задание, а оно чрезвычайно интересно и для ребят, мы, вместе с этим, даем им и весьма ценные навыки. Когда подбор материала закончен, производится запись. Дальше можно с учащимися наметить, какие формальные знания и навыки они получают при проработке темы. Последний раздел планирования—это общественно-полезная работа, которую необходимо выполнить. Вот почему в календарном плане у меня не отводится места для общественно-полезной работы: ее намечают сами дети; они же под руководством своего класскома ее выполняют.

Итак, планирование с детьми должно состоять из следующих разделов: 1) содержание работы и время проработки; 2) способ проработки; 3) формальные знания и навыки; 4) общественно-полезная работа, которой должна завершиться проработка подтемы. Многие меня упрекнули в громоздкости этого планирования, но при умелой организации оно является живым и в высшей степени интересным. Это не пустая трата времени, а вид работы, имеющей громаднейшее воспитательное значение.

Другими формами планирования могут являться зарисовка основного содержания и план-плакат. Я думаю, что о планировании зарисовкой у многих имеется представление, а поэтому остановлюсь только на плане-плакате. Учитель, спланировав работу с детьми, предлагает им воспроизвести основное содержание рисунками. Если среди уч-ся нет детей, которые могли бы нарисовать картинки сами, можно воспользоваться вырезками из старых книг, газет и все эти картинки в порядке проработки наклеить на лист газетной бумаги. Такой план красноречиво говорит, что уч-ся будут прорабатывать, хотя он, надо заметить, и не охватывает всей работы с ними.

В Беловской школе Б.-Реченского района мне пришлось увидеть удачно выполненный план-плакат по подтеме: «Северные окраины». Там и картины природы, и занятия жителей, и быт туземцев. Своим содержанием он привлекает внимание и учащихся и лиц, посетивших школу.

Учет работы учащихся.

Если у нас неважно обстоит дело с планированием, то с учетом еще значительно хуже. Дневник учителя, пожалуй, является наиболее распространенной формой учета, но и он, как мною указано выше, должен быть заменен наиболее легкой и рисующей действительное положение вещей формой учета. В части школ можно встретить круговые тетради, но и они в некоторых школах по существу являются групповыми дневниками. Сами работы в них не помещаются, а кратко записывается вид их. Если учитель придает значение планированию, планирует сам и планирует с учащимися, то в равной степени должен проводиться и учет работы. Формами учета работы с детьми могут являться: круговая тетрадь, выставки, учетные собрания и групповой дневник. Круговая тетрадь по своему внешнему виду ничем не может отличаться от рабочей тетради учащихся. Если в рабочей тетради пишет один ученик, то круговая переходит от одного учащегося к другому. Учащийся в этой тетради за день делает положительно все, что приходится. Тут и письмо, и счет, и диаграммы, и зарисовка, и т. д. На следующий день круговая тетрадь находится у другого учащегося. Некоторые из учителей для того, чтобы в круговой тетради работы выполнялись лучше, остаются с учеником после уроков, который в их присутствии и под указку должен внести в тетрадь проработанное за день. В этом я усматриваю

обман и себя и того, кто заинтересуется этой тетрадью, ибо там помещены работы, большая часть которых принадлежит учителю, а не учащимся.

Пусть ученик выполняет работы в круговой тетради так, как он может. По круговой тетради учитель может всегда проследить, как у него проходит комплексирование материала, что и как проработано, а также за степенью продвижения отдельных учащихся.

Большая часть учащихся безусловно знакома с организацией выставок. Если с позитивной стороны выставок мы умеем справляться недурно, то разъяснительная заставляет ожидать много лучшего. Наши выставки редко сопровождаются беседами, без чего посетившие выставку не имеют представления о значении самой проработки. Эту задачу могут выполнить сами учащиеся.

После проработки темы, а весьма желательно, и после подтемы, необходимо провести учетное собрание.

Работая в прошлом году в Солонешенской опорной школе, я их проводил так.

За несколько дней до учетного собрания выделялся групповой докладчик и содокладчик, которые согласно плана готовились к собранию. В назначенный день председатель классного комитета открывал собрание группы, которое избирало председателя и секретаря. Заслушивался доклад, содоклад, задавались вопросы, а потом переходили к прениям. В прениях всегда выступало много эраторов. Тут говорилось и о самой работе, и о поведении учащихся, и о применяемых методах. Учитель на этих собраниях должен сидеть с карандашом в руках и ценное для него должен записать для того, чтобы улучшить работу, устранить недочеты и т. д. Эти собрания напоминают собой производственные совещания. Если часть общественно-полезной работы была не выполнена, то виновных «схватывали» как следует. Ребята любят, чтобы намеченный план выполнялся полностью. После заключительного слова мы всегда выносили постановления, включая в него наиболее ценные предложения из прений. Иногда и резолюция сопровождалась жарким спором. Если уж ребята принимали ее, то и требовали полного выполнения, не допуская никаких отклонений. Учитель на этом собрании присутствует на правах гостя, давая иногда справки и следя за принятием возможных к проведению в жизнь предложений. Принятое собранием предложение записывалось учащимися в тетради. Собрания всегда проходили весело, и учащимся они нравятся.

Групповой дневник может являться тоже формой учета. В нем пишет дежурный. Ведение каждым учащимся своего дневника я считаю вредным, главным образом, потому, что у учителя вряд ли будет время для их просмотра и проверки, а без проверки дневники у учащихся будут развивать неряшливость и увеличивать и без того большую безграмотность при письме. Я здесь остановился только на учете педагогической работы, не касаясь регистрации учащихся, их посещаемости и отчетности. Считаю, что об этом с достаточной ясностью говорится в инструкции Главсоцвоса «по учету и планированию».

В. Ф. Дягилев

Как строить работу по заданиям?

(В порядке обсуждения).

Задание должно занять центральное место в школьной работе. Применимость его далеко выходит за пределы классной работы. Он применим при экскурсионной работе, исследовательской, наконец, при обучении трудовым процессам. В виду этого, вопрос о педагогически правильной разработке заданий приобретает особенно важное значение.

Между тем, нужно сказать, до сих пор нет договоренности о том, что же такое задание, как его составлять и как проводить по нему работу. Мало того, можно наблюдать местами такое упрощенное понимание работы по заданиям, о чем речь ниже, которое всю работу сводит к нулю, понимание, с которым нужно решительно бороться, так

как одним из непременимых условий, чтобы лабораторная система была действительно лабораторной, а не сводилась к приемам старой школы, является умелая организация самостоятельной работы, а, следовательно, методически правильное составление заданий.

Как же составлять задание и как проводить по нему работу?

В дальнейшем я попытаюсь ответить на этот вопрос, главным образом, в применении к естествознанию (биология, химия, физика, физическая география), но, конечно, мои выводы будут приложимы и к другим предметам.

Если цель дореволюционной школы легко укладывалась в формулу: дать образование, т.-е. начинить определенной суммой знаний, то цели новой трудовой школы значительно усложнились.

Вот что мы читаем о целях современной школы в «Тезисах о самоуправлении», принятых Научно-Педагогической Секцией ГУС'а: «Воспитать полезного члена общества, жизнерадостного, здорового, работоспособного, проникнутого общественными инстинктами, обладающего организационными навыками, сознающего свое место в природе и обществе, умеющего разбираться в текущих событиях, стойкого борца за идеалы рабочего класса, умелого строителя коммунистического общества».

Следовательно, перед школой стоит задача не только сообщить определенный минимум знаний (это, конечно, само-собой разумеется), но—воспитать активную творческую личность с смелой самостоятельной мыслью, организаторскими навыками и т. д.

Каковы цели естествознания в школе?

Приведем выдержку из резолюции Ленинградского о-ва распространения естественно-исторических знаний 10 февр. 1928 г.

а) Задача курса естествознания в школе—дать учащимся правильное миропонимание, согласно с выводами опытных наук. Это понимание материалистическое, и основой его является эволюционно-биологический подход к явлениям окружающей жизни и к человеку.

б) Далее, естествознание должно воспитать личность человека, развить его мышление и научив его активно и с пользой действовать в окружающей трудовой среде. Для этой цели руководящее значение имеет метод естествознания, который можно обозначить, как исследовательский, в широком смысле этого слова.

в) Наконец, естествознание должно сблизить учащихся с практической жизнью и сообщить им сумму полезных производственных знаний, которые обеспечили бы школе прочную общественно-трудовую установку.

Мы видим, что цели естествознания совпадают с целями трудовой школы вообще.

Итак, задачи школы значительно усложнились. Не только сумму знаний, но ряд навыков и умений должна дать школа; выпустить не головастики, начиненные знаниями, которые скоро после выхода из школы будут забыты, а человека с организационными навыками, человека, привыкшего правильно мыслить. Правильное мышление это—каузальное (причинное) мышление. Это мышление, которое при объяснении явлений природы и общественной жизни ищет их причину. Причину ищет в фактах, а не пытается выдумать из головы. В выполнении этой задачи трудовой школой огромная роль принадлежит естествознанию.

Но и естествознание может выполнить эти задачи, лишь применяя определенные методы работы, которые делали бы установку на активность, самостоятельность, организовали бы самостоятельные работы учащихся,—методы, при применении которых учащийся, во-первых, получал бы знания, во-вторых, самостоятельно работая, приобретал бы организационные навыки и развивал свой мыслительный аппарат.

Методы работы должны определяться целями школы. Не словесные, пассивные методы, где действующей стороной является преподаватель, где «ученика учат», а действительные, активные, где работают и преподаватель, и ученик, последний, подчас, даже более интенсивно, чем преподаватель. При активных методах ученика не только

«учат», сколько он сам учится своими силами получить знания. Старую школу справедливо называют школой готовых ответов. Учащемуся сообщались готовые истины, разжевывались, и эти истины он должен был запомнить, выучить и ответить на следующем уроке. Новая школа—не школа готовых ответов, а школа вопросов.

Учащемуся предлагается ряд вопросов в определенной последовательности, ответ на которые он должен получить сам, проделав опыт, рассмотрев препарат, таблицу, географическую карту, сопоставив ряд фактов и т. д. Вывод из проделанной работы—ответ—он получает в процессе самостоятельной (иногда, творческой) работы, при чем работают не только его руки, не только память, но работает и самостоятельная мысль!

Вот при постановке вопросов для самостоятельной работы и решения их учащимся и нужна планомерная организация самостоятельной работы, нужно методически составленное задание. Ведь очевидно, что в этой работе учащийся не может быть предоставлен себе: он лишь учится работать, лишь вырабатывает навыки самостоятельной работы. Ему нужен путеводитель, как нужны карта и компас путешественнику в незнакомой местности. Задания и являются компасом, направляющим работу, но с препятствиями, которые могут встретиться на дороге, учащийся справляется сам. Преподаватель, дав задание, наблюдает со стороны за его выполнением. Задание—заместитель преподавателя, указывающий путь в работе, не мешая ее самостоятельности.

Задание отнюдь нельзя рассматривать, как только бумажку, выдаваемую на руки учащемуся.

Обычно, при распределении материала курса делится на части, отрезки. Каждый отрезок в свое время будет предложен для самостоятельной проработки в виде задания. Но предварительно этот отрезок методически обрабатывается, приспособляется для самостоятельной проработки, подвергается, так сказать, методической препаровке. Задание—это методически обработанный и приспособленный для самостоятельной проработки отрезок курса. Бумажка—лишь внешнее выражение этой работы.

Выше уже упоминалось об упрощенном понимании заданий. Некоторые работники школ, идя по линии наименьшего сопротивления, органичиваются тем, что дают учащимся бумажку с простым перечислением тем, вопросов и—только. Учи! Точно так же, как в старой школе, учитель отмечал ногтем или карандашом: «от сих до сих». В методах работы и способах ее выполнения учащийся предоставляется самому себе. Это также целесообразно, как если бы мы, пытаясь научить учеников плаванию, бросили бы их с берега в море: плавай! Авось, выплывешь! Возможно, что некоторые и выплывут, но факт, что большая часть потонет. Это—обучение на авось! Хаос в преподавании! Здесь не задание, а **задавание**. **Отличие задания** от задавания именно в том, что **задание** не только сообщает материал для проработки, не только задает вопросы, но **организует самостоятельную работу**. И работающие на «авось», идя по линии наименьшего сопротивления (чего много думать? стоит ли терять время на составление заданий), обнаруживают непонимание сущности самостоятельной работы по заданиям, непонимание задач трудовой школы.

Как же должна быть организована работа по заданиям?

Прежде всего учащимся должна быть ясна цель работы. Должен быть известен не только материал, подлежащий проработке, но и целевая установка, осмысливающая работу, одухотворяющая ее. Ведь очевидно, что всякая работа, и не только учебная, пойдет хорошо лишь тогда, когда исполнителю ее ясна ее конечная цель. Странно было бы, например, путешествовать без цели. Как исследователь, отправляющийся в незнакомую местность, ставит себе заранее определенную цель, так и учащийся, прежде чем приступить к работе по заданию, должен знать его целевую установку. Цель должна отчетливо, ясно, во весь рост стоять перед ним!

Целевая установка это—постановка проблемы! Делается она на вступительной к заданию конференции (коллективный урок). Поставив цель, нужно путем ряда вопросов убедиться, что проблема **освоена** всеми учащимися.

Вместе с тем вступительная конференция должна возбудить интерес к работе. **Педагогический интерес**—мощный двигатель учебной работы, и забывать об этом педагог не должен никогда. Случайная работа заранее обречена на неудачу.

На вступительной конференции дается также ряд указаний по технике выполнения работы. Здесь же могут быть затронуты трудные для самостоятельной разработки вопросы, которые преподаватель не находит возможным включить в задание-бумажку, но знание которых необходимо для выполнения работы.

После вступительной конференции раздается на руки задание-бумажка, в начале которой точно формулируется тема задания и кратко приводится целевая установка работы.

Но, конечно, одной целевой установки недостаточно для выполнения работы.

Нужен план работы. Как инженер, прежде, чем приступить к постройке моста, или архитектор—к постройке дома, вырабатывают план будущего сооружения, точно так же и пред учащимися, прежде чем они приступят к обработке задания, должен быть **план работы**. План работы разрабатывается преподавателем и указывается в задании в виде ряда подтем. План работы—это маршрут путешественника.

Если осознана цель работы и если имеется правильно разработанный план, то наличие верный залог успешности работы. Лучше и нужно стремиться к этому, чтобы план разрабатывался не только преподавателем, чтобы в выработке его принимали участие и сами учащиеся. Это повышает интерес к работе, дает новые импульсы к ее выполнению, делает работу более сознательной, но возможно это не при всякой теме задания.

Переходим к более сложному вопросу, в каком виде должна быть предложена каждая подтема, в чем, собственно, должна выражаться методическая преработка материала?

Самостоятельная мысль учащегося будет проявляться только при том условии, если усвоение материала не будет пассивным (усвоение готовых ответов), а активным, когда ответ находится учащимся самостоятельно в процессе работы. Отсюда требование: подтема должна содержать ряд вопросов, решить которые должен учащийся. Это вопросы, организующие работу, вопросы-путеводители, указывающие ход работы.

Приведем пример. Тема—«Реки». Подтема—«Направление течения рек». В учебнике находится готовый ответ: направление течения рек зависит от рельефа и притоков. Если учащиеся готовят задание по учебнику, эта фраза будет или механически взята ими на память, или даже пропущена при чтении.

При даче подтемы для самостоятельной проработки вопросы могут быть поставлены так: на физической карте Сибири найдите: Лену, Амур, Обь, Иртыш. Выясните, чем объясняется изменение направления течения Лены к северу от Якутска и Амура, к северу от Хабаровска. Для выяснения другой причины отклонения рек обратите внимание на изменение направления Иртыша у Тобольска и Оби у с. Самаровского.

Поставленные вопросы определяют ход работы, почему мы их называем вопросами-путеводителями, вопросами, организующими работу. Ответ на вопрос учащийся найдет сам в процессе работы. Усвоение будет действительное (активное).

В химии такими вопросами будут вопросы, указывающие ход опыта, после выполнения которого учащийся должен прийти самостоятельно к определенному выводу и т. д. Такие вопросы ставят учащегося «в психологические условия, при которых он может пережить радость самостоятельного открытия».

Метод работы, понимая под методом логический путь, которым учащийся приходит к познанию истины, исследовательский. По проф. Райкову «исследовательский метод есть метод умозаключения от конкретных фактов, самостоятельно наблюдаемых и изучаемых школьниками».

Итак, в каждую подтему должны быть введены вопросы исследовательского характера.

Введение исследовательских моментов диктуется еще следующим соображением:

Естественно-научное мышление исходит из данных, добытых опытом или наблюдением. Выводы, несогласные с опытом, отбрасываются, как бы красивы они ни были. Естественно-научный метод обязателен и для школьного естествознания. Желая приучить учащихся к естественно-научному мышлению, мы должны развивать в них привычку делать выводы и обобщения лишь на основании достаточного фактического материала... Поэтому подтемы должны содержать ряд опытов, наблюдений, которые дали бы учащемуся достаточный количественно сырой материал для дальнейших его выводов.

Схема рабочего процесса по заданиям должна быть такой:

1. Наблюдение, опыт (накапливание сырого материала).
2. Переработка (работа мозга).
3. Вывод.

Нужно сейчас же сказать, что, конечно, не все части курса, не все темы и подтемы можно проработать исследовательским методом.

При проработке, например, теории Дарвина, происхождения человека, преподаватель в постановке исследовательского характера вопросов часто встретит непреодолимые затруднения.

Исследовательский метод, конечно, отнюдь не может быть единственным методом работы.

Возможны другие методы, точно так же, как возможны и другие формы работы, помимо задания. Формой работы для некоторых тем может быть беседа, классно-демонстрационный урок.

Допустим теперь, что тема «Происхождение человека» прорабатывается заданием. Преподаватель, не давая организационных вопросов, просто предлагает прочитать определенные главы учебника, где даются готовые ответы, готовые выводы.

Разработка подтем в таком случае строится иначе. Точно указывается материал для чтения (главы, страницы), а затем—в конце подтемы—ставится ряд **контрольных** вопросов, цель которых—проверить результат чтения. Ведь чтение книги, особенно книги научного, в частности естественно-научного содержания,—вещь далеко не простая. Умение **читать**—удел сравнительно немногих. Учащийся же лишь учится читать книгу. Умение **читать** складывается прежде всего из механизма чтения, далее—понимания прочитанного и усвоения его. Понимание прочитанного—умение отделять главные мысли от второстепенных. Контрольные вопросы ставятся, чтобы организовать чтение естественно-научной книги, обратить внимание на главные мысли, на **квинт-эссенцию** прочитанного. Практика показывает, что сплошь и рядом учащийся обращает внимание на второстепенные вопросы, опуская главное.

Предлагая такое задание, мы приучаем к самостоятельному чтению книги, организуем работу над книгой, но исследовательского метода работы здесь, конечно, нет. Упускать из виду этого не нужно. Метод работы здесь догматический—усвоение готовых ответов, выводов. В данном случае мы применяем догматический метод, но наша цель здесь—приучить к самостоятельной работе с книгой.

Общая установка школьной работы должна быть на исследовательскую работу, но нужно сознаться, что пройти все отделы курса по всем предметам (1) исследовательским методом физически невозможно! Мы не выполнили бы и десятой доли программы (речь идет о школе 2 ступени). Мы возложили бы на учащихся непосильную тяжесть, дали бы непосильную работу мозгу и, как результат, получили бы отращивание учащихся к учебе.

Нужно отметить в заключение, что если в заданиях могут быть и исследовательский, и догматический методы, общая установка школьной работы все же должна быть на исследовательскую работу. Особенно, в младших группах должны преобладать исследовательские работы, в старших—меньше.

В конце каждой подтемы даются указания, что и как должно быть зафиксировано в рабочей тетради.

Рабочая тетрадь—необходимый элемент в работе по заданию. Она должна быть у каждого учащегося. Рабочая тетрадь—это документ, свидетельствующий и характеризующий работу, и каждое задание должно найти отражение в рабочей тетради. Выражение (фиксация)—неотъемлемая часть педагогического процесса, поэтому знание, хотя бы усвоенное, но не нашедшее выражения, не имеет значения: естественный процесс не закончен.

Способ выражения может быть различен: чертеж, диаграмма, зарисовка, записи в виде тезисов, плана и т. д. Важно, чтобы был указан способ фиксации, а также—что именно должно быть зафиксировано. Организация необходима и здесь. В противном случае получаются хаотические записи, сплошное конспектирование или даже простое переписывание книги. Очень часто приходится наблюдать у учащихся второй ступени сплошное переписывание книги. Списывают целые главы... Одна из причин так часто наблюдаемого переутомления школьников—неумеренное списывание с книг, бессмысленное, но отнимающее много времени.

После самостоятельной проработки задания учащимися следует его заключительный аккорд—заключительная конференция.

Здесь подводятся итоги работе, окончательная отшлифовка выводов, дается более широкое освещение вопросов задания, устанавливается связь данного задания с предыдущим. Возможна разработка вопросов, не вошедших по тем или другим причинам в задание, но связанных с темой задания. Демонстрируются, в случае надобности, сложные приборы, опыты... Здесь активная роль принадлежит преподавателю.

На заключительной конференции производится обсуждение процесса работы с методической стороны, указывается на более крупные неправильности в ходе работы... Методическое обсуждение процесса работы особенно необходимо при первых заданиях, когда у учащихся нет еще достаточно навыков.

Учет работы производится в процессе самостоятельной работы или после, но до заключительной конференции.

Исследовательский метод предполагает сосредоточенную, неторопливую работу. Поэтому задание не должно быть велико, соразмерно с силами и способностями учащихся. Срок для проработки должен быть достаточен. Число часов (дозировка) должно быть указано в начале задания.

В конце задания-бумажки указывается литература для внеклассного чтения по теме задания для тех из учащихся, которые, заинтересовавшись вопросом, пожелали бы более подробно ознакомиться с ним.

Продолжительность одного задания может быть различна, в зависимости от возраста учащихся, умения их самостоятельно работать, предмета и т. д.

Нужно сказать, что нет задания вообще, а есть задание в определенной конкретной обстановке. **Задание** мы должны рассматривать, как процесс, **диалектически развивающийся**. Даже для одной и той же группы продолжительность задания может варьировать в зависимости от ее навыков к работе. В начале года задания должны быть меньшей продолжительности, позднее—сроки их увеличиваются.

В I ступени задания возможны 1-2-3-х часовые... Во второй ступени продолжительность может быть доведена до 2 недель.

При твердой лабораторной системе задания по различным предметам имеют разные сроки. Одновременность задания при этой системе, когда учащийся не сам распределяет время, а занимается по расписанию, встречает большие трудности...

В заключение нужно указать еще раз, что задание, как форма школьной работы, должно иметь место не только при лабораторных занятиях в классе или лаборатории, но и на экскурсиях, будут ли эти экскурсии исследовательского характера в природу, будут ли эти экскурсии обследовательские (осмотр завода, фабрики, предприятия

и т. д. Наконец, задание необходимо и при проведении программы по труду. В инструктивно-методическом письме краевого методического совета мы читаем:

«Основные задачи, которые ставятся в связи с трудом в старших группах семилетки, сводятся к следующему: а) научить организованно подходить к труду, четко до выполнения трудового процесса ставить перед собой цель труда, намечать его план и учитывать все средства и возможности для более экономного в отношении времени и сил выполнения труда; б) дать в процессе труда технические умения, необходимые для работы в любой отрасли труда; в) привить навыки дальнейшей самостоятельной работы в области техники и труда; г) дать учащимся профессиональную ориентацию путем ознакомления их с основными профессиями, инструментами и материалами».

Здесь ясно выявлены те же основные моменты работы, которые развивались нами выше.

Наши выводы могут быть сведены в следующие положения:

1. Задание, как форма работы, должно применяться как при лабораторных работах в классе, так и вне класса—на экскурсиях в природу и производственных обследованиях. Задание применимо и при обучении труду.

2. Задание не только указывает материал для проработки, но дает целевую установку работе, указывает ее план и способы выполнения.

Фазы работы: вступительная конференция, самостоятельная лабораторная проработка, заключительная конференция.

3. Вступительная конференция является введением в проработку задания: на ней дается целевая установка работы, указываются приемы и способы ее выполнения, делается увязка задания с предыдущим. На вступительной конференции могут быть также затронуты вопросы и трудные для самостоятельной проработки.

4. Задание добивается активного усвоения материала учащимися. Достигается это соответствующей разработкой плана—постановкой вопросов, которые заставили бы учащихся глубже всматриваться в материал (при проработке опыта, при рассмотрении препарата, таблицы, географической карты), а не читать поверхностно, толково.

5. Постановкой вопросов вводятся в задание исследовательские моменты работы.

6. Исследовательский метод, являясь основным методом школьной работы, отнюдь не исключает других методов. Объективные условия работы, величина программ делают неизбежными и другие методы и формы работы—классно-демонстрационный, иллюстративный, лекции, беседы.

7. В задании должно быть указано, что и как должно быть зафиксировано в процессе работы. Фиксация выводов является обязательным элементом педагогического процесса.

8. Задание не должно быть велико и должно быть точно дозировано (указывается время вступительной беседы, лабораторной работы и заключительной конференции).

9. В начале заданий дается кратко, в письменной форме, целевая установка. Материал разбивается на подтемы (план задания). В задании точно указывается весь материал для работы (таблицы, параграфы, страницы книги и т. д.).

10. В конце задания даются контрольные вопросы не для письменного ответа, а для самопроверки учащихся. Указывается список литературы для внеклассного чтения.

11. При жесткой лабораторной системе одновременность срока заданий по всем предметам нецелесообразна.

В. Аристов

К основным задачам массовой школы на 1928-29 учебный год.

(О воспитательной работе школы).*

Подводя итоги работы массовой школы за истекший учебный год и намечая на основе их задачи для будущего года, необходимо остановиться на следующих основных моментах, которые можно было наблюдать в работе наших школ:

- 1) повышение уровня так называемых «формальных навыков и знаний» учащихся—как положительное достижение;
- 2) слабость или недостаточность воспитательной работы школы и
- 3) слабость связи школы с окружающей общественностью—организациями и населением—как недостатки, на изжитие которых необходимо обратить серьезнейшее внимание.

Остановимся сначала на вопросе о воспитательной работе школы.

Воспитательная работа школой ведется недостаточно—это несомненный факт; но имеем ли мы именно явление ослабления и падения внимания и усилий школы в этом отношении за последнее время по сравнению с предыдущими годами, или сравнительное благополучие других сторон школьной работы—в частности учебной—побудило нас—и всю советскую общественность сосредоточить наше внимание на этом участке?

Думается, что имеет место и то и другое.

Хотя воспитательная работа школы никогда не была вполне на высоте, однако, последний год показал особенно сильное увлечение ее «учебой» в ущерб развитию воспитательных моментов. Особенно характерными в этом отношении явлениями следует считать отказы ряда школ от ведения «клубных дней» и часов и замена их обычными учебными занятиями; можно проследить и некоторое ослабление работы самоуправления—в частности сокращение числа общих собраний уч-ся; уменьшение количества экскурсий, стремление перенести активные моменты работы с школьных часов на домашние задания (иллюстративные работы, обследования и проч.), формальное проведение общ.-полезного труда и др. Все это говорит о старании педагогов как можно больше времени выкроить для «прохождения программы», жертвуя всем тем, что они склонны считать «несущественным» (в особенности, в старших группах школ I ступ.). В результате мы имеем безусловное увеличение напряженности собственно учебной работой и сравнительно лучшее «качество продукции» в этом отношении, хотя, м. б., и не столь высокое, как кажется некоторым. Усиление и улучшение учебной работы, повышение

* ОТ РЕДАКЦИИ.—Редакция приглашает читателей начать обсуждение затронутых т. Аристовым вопросов на страницах нашего журнала.

уровня знаний и навыков уч-ся в свою очередь заставляет окружающую школу общественность считать этот участок работы более или менее благополучным и обращает внимание на выполнение школой ее задач в области общественно-политического воспитания детей.

Так или иначе, но школа переживает некий кризис в своей работе, и, чтобы он получил надлежащее разрешение, ей необходимо дать толчок в правильном направлении. Направление это можно мыслить только в развитии и усилении воспитательной работы.

Где находятся главнейшие тормозы?

— Конечно, есть объективные причины: недостатки оборудования, слабость предыдущей подготовки детей, недостаток времени, перегруженность программы, настойчивые требования родителей и школы повышенного типа в отношении «грамоты», фиксирующие поневоле внимание на моментах учебы и заставляющие пренебрегать воспитательной работой. Но не приходится закрывать глаза и на то, что само учительство еще не научилось придавать проблеме воспитания в школе должного значения. Задача «обучить» в их глазах имеет большее значение, чем «воспитать», в силу традиций и привычки, и потому что первая задача много, все-таки проще и знакомее второй. Воспитание в школе обычно проводится «постельку-поскольку», главным образом, в целях обеспечения правильного и бесперебойного течения учебных занятий: приучить детей к определенному поведению в школе, которое способствовало бы возможно большей успешности учебных занятий— вот основная цель школьной воспитательной работы, все остальное в этом отношении— уже на третьем и на десятом плане.

В сущности, задачи формирования «нового человека», подготовки будущего строителя коммунистического общества, как таковой, в полном ее объеме наша массовая школа никогда еще перед собою не ставила определенно и конкретно, практически: она ограничивалась лишь общими рассуждениями на эту тему. В особенности легко и ясно это можно проследить по годовым и др. производственным планам школы: это на 90 проц. планы учебной работы и административно-хозяйственного обслуживания школы, почти— а иногда и совсем— не отражающие в себе воспитательных задач и не являющиеся планами воспитательной работы. Как воспитать «нового человека» в реальной действительности той или другой школы и ее окружения; как конкретно построить этот единый процесс, используя имеющиеся возможности; какие частные задачи выдвинуть в этом отношении— наша школа задумывается очень редко и еще реже разрабатывает определенные планы этого. Возражая против положения о слабости воспитательной работы школы, обычно указывают на «воспитывающее обучение», на то, что изучение мира по программам ГУС'а уже воспитывает детей.

Это верно, конечно. Это было бы вполне верно, если бы мы могли утверждать, что сущность и принципы программ ГУС'а полностью осуществляются школой. Но, к сожалению, это— не так. Программу ГУС'а «проходят» в наших школах, но еще не научились организовывать детскую жизнь и деятельность на основе программ ГУС'а. Обучение еще не есть воспитание. Одни знания еще не определяют поведения.

Воспитывает— действие. Только организовав в определенном направлении активность детей, вводя в их жизнь определенные деятельности, мы воспитаем и разовьем в них соответствующие, нужные нам навыки поведения, стремления, интересы, идеалы; привьем им «условные рефлексы». Личность человека формируется через его действие. Воспитать— это значит привить упражнением и практикой навыки поведения, но, разумеется, усвоенные сознанием.

Уже одно то, что в нашей массовой школе все еще мало действия, мало активности, объясняет слабость воспитательной работы и соответствующих результатов. Дети пассивны. Они только, главным образом, воспринимают и запоминают знания. Положим даже, что часть этих знаний очень ценна и полезна и говорит о том, как надо строить новую жизнь и как бороться со старым; но довольно ли того, что дети узнают и запомят

это? Даже настолько хорошо, что смогут дать соответствующие «ответы» на вопросы ревизирующих школу?

Конечно, недостаточно. Ибо нет самого главного—нет **устремления и действия** в направлении этой борьбы за новую жизнь и нет навыков в этом действии и борьбе, которые могут быть даны лишь упражнением и практикой. Но крайней мере, этого действия обычно бывает крайне **недостаточно** для получения соответствующих воспитательных результатов.

Кроме того, и практикуемая школой активность детей не обеспечивает должного эффекта также потому, что она бывает недостаточно связана с изучением и с программами ГУС'а (общ.-пол. труд, работа самоуправления и школьных общественных организаций детей). Если мы приглядимся внимательно к осуществляемому нашей школой «педагогическому процессу», то убедимся, что он состоит из нескольких как бы параллельных и малосвязанных взаимно путей или частей, из нескольких отдельных и самостоятельных процессов. Так, мы увидим, что в школе ведется работа «по навыкам—как бы по особой программе и более или менее самостоятельная; далее — «изучение программных комплексов; затем — «общественно-полезный труд»; потом — работа самоуправления и различных детских организаций; далее — различные виды «клубных занятий», и т. п. В школе нет единого педагогического процесса, потому что нет единого общего плана, нет постановки общих, основных задач с соподчинением им ряда других, частных. Естественно, что воспитательная работа, осуществляемая раздробленно, без общего и детального плана ее—не дает должных результатов и не удовлетворяет самих учителей. Основное, что нам здесь нужно отметить, это то, что **программы ГУС'а не стали еще базой воспитательной работы**, что они все еще понимаются преимущественно, как **учебные программы**, и не используются в полной мере для организации единого педагогического прогресса, охватывающего и «**воспитание**» детей.

Между тем, программы ГУС'а—это, если можно так выразиться, универсальное руководство по организации всей школьной жизни, всех ее разделов и областей на основе общих задач, общих идей; это—руководство о том, как строить школьную жизнь детей на базе комплексов—явлений—«кусков жизни»—окружающей действительности. Говорить об усилении и укреплении воспитательной работы—это значит опять говорить о правильном понимании программ ГУС'а, их принципов и сущности и о правильном выполнении их.

В самом деле. Детей воспитывает действие—вернее скажем: осмысленное, целесообразное действие на основе изучения и знания. **Но какое же «действие» и почему** будем мы организовывать в школе?—Ясное дело, что эта деятельность детей должна быть в каком-то соответствии и связи с окружающей жизнью, ее явлениями и исходящими из нее влияниями и воздействиями. Детская жизнь и деятельность в школе должны быть **реакцией** на действие окружающей среды и жизни, но реакцией планомерной и организованной.

Программа ГУС'а вносит определенный порядок и систему в отношении школы с окружающей жизнью, выделяя из бесконечного разнообразия и кажущегося хаоса явлений последней определенные «кусочки»—комплексы явлений—и намечая постепенность и последовательность участия школы и детей в этих кусках жизни. Ведь те знаменитые программные «комплексы», которые все еще продолжают «мучить» учителей своей загадочностью и таинственностью, которые все еще «не разгаданы» значительной частью нашего уч-ва,—это же «кусочки жизни», области или стороны окружающей действительности, в тесное соприкосновение и в разностороннюю связь с которыми школа должна поставить детей. Проработать с детьми «комплекс»—это значит организовать взаимоотношение между данной детской группой—или всей школой—и соответствующим «кусочком» окружающей жизни, установить взаимосвязь между ними. Связь эта будет заключаться в изучении детьми этого куска жизни и в **воздействии** на него. Для того, и для другого понадобятся какие-то детские деятельности, какое-то **действие**, содержание и направле-

ние которого определится особенностями окружающей жизни и данного «куска» ее, характером исходящего из него влияния, которые поставят перед детьми соответствующие изучающие и действенные (трудовые) цели.

Для этой же деятельности потребуются организация детей и создание ряда различных органов и ячеек, содержание деятельности которых, таким образом, будет связано с основной изучающей и общественно-трудоуемой работой школы.

Такова схема построения педагогического процесса на основе проработки явлений окружающей жизни, руководясь указаниями программ ГУС'а как о направлении и содержании этой проработки, так и о самом выборе этих явлений. Остановимся теперь немного на рассмотрении круга тех деятельностей детей, которыми обеспечивается воспитание их в школе. Основными из них являются:

1) Исследовательские пути в изучении.

Что такое исследование? Это самостоятельный процесс изучения детьми того или иного явления или комплекса явлений, исходя из определенной цели и на основе особого плана. Как всем известно, исследовательские пути очень редко используются и применяются нашей школой, подменяясь «иллюстративностью» (иллюстративные экскурсии и обследования, подтверждение демонстрацией опыта учителем уже известных детям теоретически правил и законов и т. п.).

Почему это происходит? Во-первых, потому, что учительству слабо бывает знакома самая техника постановки исследовательской работы с детьми; во-вторых, потому, что, вообще прорабатывая программы ГУС'а формально, учитель часто не знает и не умеет организовать эту работу на основе постановки перед детьми жизненных, интересных и посильных исследовательских задач—в связи с проработкой программных комплексов; в третьих, потому, что исследовательская работа вообще сложнее, требует большего числа часов, и на нее «нехватает времени».

Невозможно отрицать громадной воспитательной ценности и значения исследований помимо того, что это повышает интерес к знанию и изучению вообще и самые знания делает более крепкими и конкретными—такая постановка воспитывает в детях навыки ставить и самостоятельно разрешать те или другие задачи в области изучения мира и его явлений, что постоянно требуется жизнью, привычку рассчитывать на свои силы и знать им цену; умение отыскивать естественные и простые причины наблюдаемых явлений.

В сущности говоря, все изучение окружающей жизни мыслится программами ГУС'а путем самостоятельных детских исследований (конечно, с помощью учителя, который должен помочь сформировать цель и наметить план), кроме того, эти исследования не предполагают приобретения знания ради знания, а имеют жизненно-трудоуемое и общественно-полезное применение узванного. Представляя себе весь педагогический процесс основанным на проработке программы ГУС'а, мы исследовательскую работу детей не можем мыслить оторванной от «комплексов». Темы для исследовательских работ мы должны находить, руководясь рамками того или иного программного комплекса, в особенностях и потребностях окружающей жизни. Начиная с простейших работ по исследованию прорастаемости семян в I и II группах, по изучению сезонных трудовых процессов в семье и в деревне в связи с изменениями природных условий, по исследованию различных сторон жизни населения, и кончая более сложными исследованиями—о более выгодных огородных и полевых культурах и лучших способах их выращивания в местных условиях, о борьбе с различными вредителями, о путях и перспективах развития местных кустарных промыслов, и проч.—в старших группах—вся работа школы по программам ГУС'а м. б. построена на исследованиях.

И так бы ее и следовало строить. Но... и недостаток времени, и некоторая перегруженность программ, и недостаточная подготовка учителя препятствуют этому. Что же? Тогда остается, учитывая общие потребности и нужды окружающей жизни и общества,

выдвинутые на основе их школою для проработки на год задачи, считаясь и с своими силами—стараться хотя часть всего намеченного изучения построить исследовательски, выдвигая для каждой группы несколько соответствующей трудности исследовательских задач. Положим, это будут вопросы огородничества или кустарных промыслов для III-ей группы (в связи с общим планом школы и планом ее общественной работы). Нужно наметить четко и конкретно цель обследования—при проработке соответствующего комплекса,—наметить детальный план его проведения, обсудить с детьми, распределить роли, сроки исполнения отдельных заданий.

Важно, чтобы цель исследования была проста, понятна и жизненно действенна, чтобы сама работа была посильнее детям. Основное планирование исследовательской работы—назначение тем, целей, сроков и проч. должно быть произведено и отражено в годовом производственном плане школы, и, как весь этот план, согласовано с местными особенностями и нуждами, желательно, совместно с общественными организациями.

2) Общ.-полезный труд.

Мы должны его рассматривать, как основной и важнейший фактор общественно-политического воспитания уч-ся в нашей школе, как момент **воздействия** на изучаемые «куски» окружающей жизни с целью ее улучшения и помощи в этом отношении населению и общественным местным организациям.

Как и исследовательская работа, общ.-пол. труд должен намечаться и проводиться школою в связи с проработкою программ ГУС'а и на основе изучения местных потребностей и нужд. Темы его могут быть бесконечно разнообразны. И улучшение различных областей сельского хозяйства, и улучшение благоустройства, и содействие развитию кустарных промыслов, и помощь в налаживании культ.-просвет. работы, и борьба за здоровье, и его охрана, и внесение элементов нового быта, и борьба с религиозностью и пьянством, и помощь местной кооперации, и участие в проведении различных кампаний и праздников и т. д. и т. п.—все это м. б. сделано школьной работой в связи с проработкою программ ГУС'а. Но, конечно, не все сразу и не в одной и той же школе! Учитывая местные нужды и потребности, учитывая свои собственные силы, помощь местных организаций и проч., школа, составляя свой годовой производственный план, намечает **несколько** (немного!) видов—задач—в области общ.-пол. труда, и, разбивая их на отдельные задания, увязывает с проработкою программ (отдельных комплексов).

Понятно значение общ.-полезного труда. Оно не только в развитии общей активности детей, но в привитии им навыков гражданственности, в воспитании стремления и привычки не проходить мимо общественной нужды, а приложить к ее изжитию свои руки и личные усилия; в развитии навыка **воздействия** на те или другие отрицательные явления общественной жизни, не дожидаясь пока «кто-то» или «что-то» сделается «само собой». Понятно и отношение общ.-пол. труда к программам ГУС'а: он составляет, наряду с изучением и исследованием, основной момент или путь их **проработки**.

Нужно сказать, что на практике дело с общ.-полезным трудом все еще не особенно ладится в наших массовых школах. Нет сомнения, что одною из основных причин этого является формальная проработка программ ГУС'а, в которых все еще не видят путь «вживания» детей в куски-комплексы окружающей жизни, которую только стараются «дройти» с детьми.

3) Детские общественные организации и самоуправление.

Общественная жизнь детей в школе представляет собою чрезвычайно важный и существенный фактор воспитания, развивая в детях организационные и коллективистические навыки, самостоятельность и инициативу, умение ставить для своих личных усилий общие с другими цели и координировать свою деятельность с действиями всего данного коллектива. Однако, с общественной жизнью наших уч-ся в школе и, в частности, с самоуправлением—дело определенно не ладится в большинстве случаев. Почти по обще-

му признанию как самих учителей, практически проводящих его в школе, так и лиц, наблюдающих за работою массовой школы, самоуправление обычно является маложизненным, слабо интересует самих детей, требует постоянного подталкивания, напоминания со стороны учителей и, в общем, не играет существенной роли в школьной жизни.

Где причины этого? Вдумчивыми педагогами эти причины давно открыты. В общем они сводятся к недостаточно интересному, действенному и богатому содержанию работы детских общественных организаций и самоуправления, к недостатку творческих моментов в этой работе. Самоуправление часто замыкается в узкий круг деятельности по поддержанию «дисциплины и порядка» или исполняет различные поручения по заданиям учителя и школьного совета, не принимая активного участия в общем налаживании школьной жизни и в повседневной работе школы. Работа для него частенько «изобретается» педколлективом, не имея в глазах самих детей, жизненного значения и ценности.

Это и естественно в школах, занимающихся чисто учебной работою, при том, исполняемой преимущественно пассивными методами, в работе которых чрезвычайно мало действенных моментов, в которых дети могли бы принять активное и самостоятельное участие. В сущности, в таких условиях самоуправлению почти нечего делать в школе, ибо основная ее работа организуется и проводится исключительно педколлективом, дети же только пассивно выполняют предлагаемые им планы. Дети в школе и их самоуправление д. б. поставлены в такие условия, чтобы они действительно могли строить свою жизнь, т.-е. прежде всего свою деятельность. А для этого прежде всего им нужно **дать эту деятельность!** Ведь естественно, что всякая общественная организация возникает тогда и там, где для этого имеется определенная **потребность**, обуславливаемая необходимостью организованно, коллективными усилиями, осуществить какую-то цель, одним словом, она возникает на базе деятельности.

Где же искать эти деятельности, эти действительные задачи, к воплощению которых д. б. привлечены общественные детские организации? Совершенно ясно, что в первую очередь их нужно искать там же, где мы ищем все содержание школьной работы: в программах ГУС'а или, вернее, в производственных планах по проведению в жизнь этих программ в данных местных условиях.

План работы школьного самоуправления и различных школьных общественных организаций (комиссий, кружков, артелей, обществ и пр.) должен вытекать из общего производственного плана школы, содержание его должно заимствоваться из участия в разрешении тех изучаемых общественно-трудовых, хозяйственных и проч. **задач**, которые намечаются школою в ее производственном плане. Положим, школа, учитывая местные потребности и общественные нужды, намечает ряд исследовательских и общественно-полезных работ в области огородничества, улучшения ухода за домашними животными, местного благоустройства, помощи в проведении кампаний и проч.; вполне естественно, чтобы сама детская масса и, в частности, органы группового и общешкольного самоуправления приняли бы сами активное участие в разрешении этих задач.

Таким образом, **основное** содержание работы самоуправления, несомненно, должно определяться содержанием школьных производственных планов и намечаемых в них исследовательских трудовых задач. Различные же «дежурства», наблюдения за «порядком» и проч. отойдут на второй план, будут занимать служебное место, а не составлять **все содержание** работы этих организаций.

Итак, увеличение действительных и творческих моментов вообще в работе школы и привлечение детских организаций вплотную к организации и строительству школьной жизни и к проведению соответствующих деятельностей—вот путь оживления и углубления общественной жизни детей в школе. Детей надо сделать сознательными и активными участниками педагогического процесса, приобщить их постепенно ко всему планированию и организации школьной работы и жизни и—прежде всего—к проведению в жизнь соответствующих действительных задач, вытекающих из плана проработки программы ГУС'а в местных условиях.

4) Клубная работа школы.

Клубная работа, как и самоуправление, является известным общественно-организационным оформлением деятельности и творчества детей. Педагогическое значение ее именно в развитии творческих способностей и наклонностей детей, которые часто находят слишком малое и слабое применение и удовлетворение в учебных занятиях и в воспитании организационных и коллективистических навыков. Клубная работа—это свободная деятельность детей, ведущая и к свободным их группировкам и основанная на интересе и на удовлетворении тех или других творческих и созидательных стремлений. Клубная работа до сего времени применяется далеко не во всех массовых школах, что объясняется, обычно, недостатком, якобы, времени и интереса детей к этим видам занятий, а в действительности чаще всего имеет своей причиной или неумение и незнание учителей, как поставить эту работу, или пренебрежительное отношение их к ней, как к несущественной и неважной.

Чаще всего клубные занятия проводятся в специальные «клубные дни» и часы, раз в неделю или реже,—но иногда они организуются—полностью или частично—по вечерам. По содержанию они чаще всего представляют собою работу кружков (рукодельных, драматических, хоровых, художественных и т. д.), организованных частью внутри групп, частью смешанных (в старших группах); в это же время проводят свою работу органы самоуправления, комиссии, редколлегии и проч.; устраиваются общие и групповые собрания уч-ся и проч. Редки сравнительно массовые формы клубной работы. Редко наблюдается и удовлетворение клубной работой как учителей, так и самих ребят. Часто клубные занятия посещаются значительно хуже обычных, бывают заявления, что дети требуют замены клубных работ—учебной, что клубные занятия плохо влияют на дисциплину и проч.

Все это и верно и неверно. К сожалению, действительно клубные занятия—как это ни парадоксально—бывают иногда совершенно неинтересны детям и скорее вредны, чем полезны, в педагогическом смысле.

Но почему? Полагаю, можно с уверенностью сказать: вследствие неправильной организации и постановки. Эта же последняя—благодаря, в большинстве случаев, формального отношения учительства, не желающего затруднять себя этой менее привычной и шаблонной работой, требующей большей живости и инициативы, воспитательного значения которой они иногда не понимают.

Всем соприкасающимся с этой областью работы известны многочисленные случаи, когда интерес детей к клубным занятиям сразу проявлялся или увеличивался, благодаря введению какой-нибудь действительно интересной деятельности, удачной постановки того или другого вида работы. Иногда это не только оживляло собственно клубные занятия, но иногда и классную работу, а также способствовало большей сплоченности детей и повышению их дисциплины. А часто бывает и так, что ребенок, хронически отстающий в учебных занятиях, вдруг «находит самого себя» в каком-либо виде клубной работы, заинтересовывается ею, нередко общее развитие его и академическая успешность начинают расти. Все дело именно в том, чтобы клубные занятия были действительно интересны детям, а так как дети не все одинаковы, то отличались бы разнообразием, способным удовлетворить склонности различных групп детей. Деятельность, способная удовлетворить детей, должна быть творческой, созидательной, простой и сильной. Больше и скорее всего детей интересуют различные виды физического «делания»—труда, который, кстати, сказать, большинство школ пока и в состоянии ввести лишь в порядке клубных занятий. Введение в школу—даже только в порядке клубных занятий для небольшого числа уч-ся (кружка)—того или иного вида труда иногда делает буквально чудеса в смысле роста интереса детей вообще к школе и улучшения их дисциплины и организованности.

Содержание работы кружков обычно бывает оторвано от проработки программ ГУС'а, что, между прочим, иногда мотивируется тем, что «комплексы» итак надоели

детям. Думается, что в этом есть ошибка. Не нужно, разумеется, чтобы клубные занятия были повторением классной учебы, но увязка по содержанию их с проработкой программ ГУС'а может только усилить интерес к ним и углублять их. Возьмем, например, работу сельско-хозяйственных школьных кружков; совершенно естественно, чтобы их организация явилась следствием проработки с детьми соответствующих тем и комплексов программ ГУС'а для более полного и углубленного осуществления задач, положенных в основу этой проработки. Или какой-нибудь кружок «моделистов», занимающийся конструктивными работами: поводом к его возникновению может послужить знакомство с с.-х. машинами, с мельницей, с заводом, аэропланом, автомобилем, радио и проч.—в связи с теми или другими комплексами. А разве тема «Кустарные промыслы» (III гр.) не может побудить—при правильной постановке ее проработки—к организации в миниатюрном масштабе какого-нибудь кустарного производства? И рукодельный кружок, и хорошей, и драматический, и художественный, и проч. содержание своей работы могут определять в связи с прорабатываемыми темами. Мало того, частичное осуществление тех изучающих общественно-трудовых задач, которые школа намечает в своем плане проработки программ ГУС'а, должно быть рассчитано путем клубно-кружковых занятий. Планы кружков должны строиться в соответствии с выдвинутыми школой задачами; иногда самое возникновение этих организаций д. б. подчинено необходимости разрешения школьных плановых задач и обуславливаться ими. И это не только не понизит интерес детей к клубным занятиям, а напротив создаст более глубокий и обоснованный интерес.

За недостатком места я не имею возможности остановиться на других путях воспитательной работы школы: на организации пионеров, связи с современностью и использовании газетного материала, на антирелигиозном воспитании и проч. Все это входит, как отдельные частные задания или как пути и средства в осуществление задачи общественно-политического воспитания наших уч-ся. Я лишь хотел показать, что программа ГУС'а может и должна быть использована, как стержень и как база всей воспитательной работы школы, что в нашей школе должен быть единый и цельный педагогический процесс, проводимый и организуемый на основе единого производственного плана школы, а не несколько самостоятельных и изолированных процессов.

Стремление к такому построению воспитательной работы—вот, м. б. основная и важнейшая задача школы на будущий и на ближайшие годы.

Но в связи с этим нужно заметить, что перед органами нар. образ. и перед методическими организациями возникают задачи оказания помощи школе в этом отношении.

В чем, главным образом, нуждается школа для осуществления и должной постановки воспитательной работы?

Во-первых, в правильном понимании сущности и принципов программ ГУС'а; во-вторых, в правильной локализации этих программ на основе учета и изучения местных особенностей и нужд; в третьих, в умении планировать работу, в частности, с детьми; в четвертых, в трудовых и технических знаниях и навыках. Это—главным образом.

Массовой школе нужно дать конкретные образцы и примеры построения воспитательной работы—всех разделов ее—на основе проработки программных комплексов применительно к местным особенностям. И это должны сделать методические органы.

Вторая задача школы—усиление связи с окружающей общественностью—тесно связана с развитием воспитательной работы и имеет громадное значение.

В сущности, то, что мы имеем сейчас—полный отрыв школы от населения или лишь формальная связь с представителями родителей и местных организаций—совсем не то, что нам нужно, что необходимо самой школе для правильного и полного осуществления ее задач.

То общественно-политическое воспитание, о котором говорилось выше, совершенно неосуществимо и невозможно при отсутствии прочной и многогранной связи школы с окружающей общественностью, немислимо тогда, когда школа, как коллектив и организация, стоит где-то в стороне и на отлете, не входя целиком в местную общественную

жизнь. Ныне же мы сплошь и рядом имеем положение, когда школа совершенно не имеет корней в этой общественности, что крайне затрудняет всю ее работу, а, в особенности, налаживание общественно-полезного труда, отзывается и на ее материальном состоянии и проч.

Я полагаю, можно определенно утверждать, что в настоящее время школа решительно не в состоянии двигаться вперед, осуществлять свои образовательно-воспитательные задачи, все более четко формулируемые и настойчиво ставимые перед нею, без активной и систематической помощи и поддержки окружающей общественности. Задачи общ.-политического воспитания «смены» не м. б. разрешены изолированными усилиями только подколлектива школы.

Нельзя воспитать людей-общественников вне общественной жизни, а для того, чтобы надлежащим образом использовать общественную жизнь, как фактор воспитания, нужно иметь корни в ней, тесную связь с нею; нужно, чтобы общественность—в лице населения и организаций—знала школу, знала ее работу, ставимые ею перед собой задачи, ее нужды и потребности и ценила бы ее и помогала ей.

Добиться этого—также важнейшая задача ближайших годов.

Что для этого необходимо сделать?

Помимо мероприятий по оживлению деятельности школьных советов и комсовдов, развития предпропаганды, постановки систематической отчетности школы перед населением, организациями и т. п., необходимо развитие **общественной работы** школы, необходимо ее **участие** и в жизни населения, и в работе общественных организаций (секций сельсовета и пр.). Только это—как бы ни было это сложно и трудно вначале—обеспечит постепенно другой взгляд на школу (не только, как на место учебы детей), и другое к ней отношение. Нужно добиться того, чтобы школу расценивали, как немаловажный фактор общественной жизни, ставящий себе цели и осуществляющий их в отношении улучшения различных сторон окружающей жизни, чтобы в ней видели культурную и общественную силу, откликающуюся на все запросы и нужды жизни, а не замыкающуюся лишь в свою педагогическую работу с детьми. Только тогда все двери этой общественной жизни откроются перед школой, и она свободно сможет использовать ее в своих педагогических целях.

Наконец, последнее, на чем я хочу остановиться, это на «достижениях» школы в области повышения уровня формальных навыков и знаний учащихся.

«Достижение это иногда вызывает сомнения в своей ценности. Во-первых, «навыки» поглощают все внимание подколлектива, и сами уч-ся приучаются расценивать свои успехи в этой области, как самое важное и основное в их работе в школе. Во-вторых, наблюдается—уже совсем, как «в старое время»—тренировка и натаскивание детей в навыках (место экзаменов заняли различные «контрольные работы»). В третьих, работа по навыкам становится самоцелью и совершенно отрывается от проработки программ. В четвертых, страдает общее развитие и воспитание детей. В пятых, усиленная трата времени и сил на навыки все-таки не оправдывает себя: «блестящие успехи» ко времени контрольной работы (экзамена!) весьма быстро снижаются, результаты «натаскивания» дают себя знать быстрой потерей усвоенных навыков и знаний.

Такое впечатление оставляет учебная работа школ, наблюдаемая в особенности в течение последнего года.

Необходимо предостеречь массовые школы от опасности чрезмерного—вне связи с остальной работой—увлечения навыками. Нужно внимательно руководить этой стороной школьного дела.

И опять-таки больше всего надо рекомендовать увязку работы по навыкам с проработкой программных комплексов—в смысле установления в сознании детей связи, отношения приобретаемых знаний и навыков к разрешению вытекающих из проработки программ ГУС'а задач. Нужно понять, что это требование—не какого-то методического

фокуса, не формальность, а весьма важный в общем воспитательном и педагогическом смысле момент, связывающий формальные знания с практикой, с жизнью и с применением этих знаний, осмысливающий их приобретение, делающий этот процесс сознательным и целесообразным.

Заканчивая на этом краткое рассмотрение основных задач школы на следующий год, необходимо в центре их, как важнейшую, поставить задачу развития и усиления воспитательной работы.

Пора сосредоточить на ней все внимание как массового учительства, так и методических органов и всей советской общественности: дальнейшее движение вперед нашей школы должно осуществляться по этому направлению, под этим флагом и лозунгом.

И. Лесков

Наша работа на 1928-29 год.

(К плану работы по ликвидации неграмотности в крае).

Наступающий учебный год должен стать переломным для работы по ликвидации неграмотности. Перед нами настоятельная необходимость увеличить количественный охват неграмотных и улучшить качество работы в обстановке неоднократно констатированного упадка внимания к работе по ликвидации неграмотности.

В борьбе за грамоту, за выполнение нынешнего плана по ликвидации неграмотности перед нами стоит задача не только привлечь внимание общественности,—но и более тяжелая задача—привлечь это внимание **преодолением создавшейся косности**, наплевательского отношения, которое гнездится частенько во многих и которое так дорого стоит.

Примеров таких настроений много. В свое время мы их называли (см. «Сов. Сибирь» № 173 от 27 июля 28 г., № от 4-5 августа и др.). Сейчас нет надобности останавливаться на этих примерах. Каждый сможет, осмотревшись вокруг себя, найти их достаточно. Нужно с новой силой ударить именно в этом направлении в работе предстоящего 1928-29 года, чтобы осуществить постановления XV парт'езда и мартовского пленума Крайкома ВКП(б) в отношении создания основных посылок проведения культурной революции в крае.

Нужно создать определенный **перелом** в настроении, в подходе к делу ликвидации неграмотности со стороны общественного актива и руководящего состава работников.

Условия, благоприятствующие этому, налицо. Мы имеем ряд фактов, указывающих на начавшийся сдвиг в этом отношении в других областях РСФСР, наша пресса уделяет внимания несравненно больше, чем это было в прежнее время.

Данные, указывающие на развертывание работ в нашем крае, дают основание полагать, что мы этого перелома тоже достигнем, если только не ослабим, а усилим нашу работу.

Для этого необходимо напряжение всех сил и использование всех возможностей. Усиление ассигнований по бюджету, мобилизация внимания руководящего состава и, главное, мобилизация общественности—вот по какой линии нужно идти.

Комсомол первым откликнулся и первым обещает идти в нынешнем году в рядах борцов за грамотность, за культуру.

Его мобилизация лучших комсомольцев на постоянную работу по ликвидации неграмотности, его план участия в индивидуально-групповом обучении, его, наконец, месячник по ликвидации неграмотности, есть большое начало большой работы.

Нашим общественным организациям (ОДН, профсоюзам, кооперации, женделегаткам) следует брать пример с комсомольцев и не отставать от них.

Надо сказать прямо—нашим профсоюзным и кооперативным организациям следуют много поработать в данной области. В прошлом за ними не числится достаточной доли участия. Напротив, до сих пор еще среди некоторых профсоюзов и кооперации (в целом) не изжито представление о том, что ликв. негр. дело только отделов народного образования, а не их.

До сих пор слабо участие в ликбезе, между прочим, союза работников просвещения. С его стороны не проявлено даже и по сие время намерения взяться за дело.

* * *

Количество взрослых неграмотных в крае велико (в возрасте от 15 до 35 лет в Сибирском крае 1.300.000 неграмотных). Нужно точно определить первоочередность охвата неграмотных. Она (первоочередность) устанавливается в разрезе двух требований: выдвижение на первое место тех групп трудящихся, которые по классовому своему признаку в социалистическом строительстве наиболее нужны и неграмотность которых наиболее остро чувствуется в процессе производства, и второе—учет экономического признака, сосредоточения большого внимания в тех районах, экономика которых требует наиболее быстрой ликвидации неграмотности населения.

Количество неграмотных, предположенных к обучению в 28-29 году, равняется 150.000 человек по всему краю.

Не менее 25.000 человек (17 проц. к общему количеству обучаемых) должно быть обучено из числа неграмотных батраков, пастухов, лесорубов и остальных сельхоз. и лесн. рабочих.

Обучение всех допризывников рождения 1907 г. и др. возрастов. Обучение женделегаток нового состава в количестве не меньше 50 проц. всех неграмотных; обучение горняков, строителей, членов профсоюзов, наконец, комсомольцев и членов партии. Если все это перевести на цифровые исчисления, получится большой процент к общему количеству, обязывающий в этом году все свое внимание сосредоточить на этих первоочередных группах.

В этом году необходимо обучить:

Батраков	25.000	челов.
Допризывников	29.000	»
Горняков	3.000	»
Женщин (делегаток, батрачек и пр.)	23.000	»
Прочих членов профсоюзов	10.000	»
Нацмен и др. неграмотн. первоочередной группы	25.000	»
	<hr/>	
	115.000	челов.

Итак, количество неграмотных первоочередных групп (если принять поправку на повторяемость), подлежащих обучению в этом году, будет равно приблизительно 90.000 человек.

Остальная масса обучаемых должна идти за счет бедноты и середняков.

Большого напряжения потребует к себе эта работа.

В обеспечении ее нужен ряд мероприятий организационного и методического характера, а главное—подкрепление денежными средствами,—одних ассигнований по бюджетам совершенно недостаточно. Поэтому здесь определенный расчет на ОДН (20-ти процентном соотношении к бюджетным средствам), на кооперативную и профсоюзную помощь. Степень материального их участия определена крайними руководящими их аппаратами.

Опыт работы прошлых лет показал, что одним отпуском средств дело не делается, поэтому часто средства остаются нереализованными. Объясняется это тем, что ор-

гайзационная наша работа слаба. По невниманию к работе часто оказывается, что или работник плох, или нет нужного количества учащихся (никто не позаботился вовлечь их), и в результате распадается ликпункт или совсем не открывается, а деньги остаются.

Качество работы имеет большое значение, а потому обеспечение работы в методическом отношении дело первостепенное. Укомплектовать литературой, наладить инструктаж, кружковую работу ликвидаторов—вот первое, что надо упорядочить.

Взять хотя бы обучение батраков. В 1927-28 году обучено 14-15 тысяч, а в нынешнем году нужно охватить уже 25 тысяч. Выполнение этой задачи требует большой организационной гибкости. Ведь сети ликпунктов будет далеко недостаточно. Большинство батраков, допризывников, женделегаток и пр. разбросано и в малонаселенных пунктах, и одиночно.

Нужно широкое применение индивидуально-групповой системы обучения, организация ее во-время, планирование ее. Непроработка во-время этих вопросов грозит срывом работы.

Выполнение задачи по обучению первоочередных групп населения осложняется еще тем требованием, что учебный материал нужно строить применительно к социальным и производственным особенностям той или иной группы. Особенно в отношении батрачества. Создание батрацких ликпунктов и школ малограмотных, учение по специальному батрацкому букварю—все это обязывает к некоторому обособлению учащихся.

То же в отношении женделегаток. Правда, по отношению к ним нет надобности создавать специальные ликпункты, но учебный материал строить на учете их плана и их профессиональной учебы надо.

Успешное выполнение плана кроется в наших организационных работах. Заключок успеха—в той кампании, которую мы проводим сейчас. Пусть это не кампания, в обычном понимании. Основная задача состоит в том, чтобы суметь «поставить на ноги» наш общественный актив и провести планирующие и организационные мероприятия по линии **всех** организаций и учреждений, заинтересованных в ликбезе, и этим подготовить успешное начало и проведение работы. Потом уже через подготовленный актив вести работу в массах.

Нам кажется, общественность, так охотно откликающаяся на призыв к работе по ликвидации неграмотности (кампания комсомола, ОДН), будет служить достаточной гарантией значительного оживления в работе этого года.

Задача будет выполнена наполовину, если мы работу ограничим только областью ликбеза (ликпункт, инд.-групп. обучение). Большое зло—рецидив неграмотности. Организация школ малограмотных, кружков и пр. мероприятий должны найти пути его предупреждения.

И главное—увязка работ по ликбезу с политпросветработой. Забыть об этом, значит, забыть целевую установку всей работы—на базе поднятия общей грамотности и культуры рабочей-крестьянской масс приобщать их (активизировать) к общему социалистическому строительству.

КрайОНО и крайвыми организациями прорабатываются в данный момент практические мероприятия по обеспечению действительного перелома в работе по ликвидации неграмотности и в отношении к ней со стороны общественности.

На этих мероприятиях мы остановимся подробно в следующий раз.

И. Нерод

К предварительным итогам приема.

Задачей приема в высшую школу в текущем году было—повысить удельный вес рабоче-крестьянского состава, не понижая, а, напротив, повышая в отдельных частях требования академической подготовки поступающего. Предварительные итоги приема показывают, что эту задачу в значительной своей части удалось разрешить, что видно из следующей таблички:

ГО Д Ы	Всего принято	СОЦ. СОСТАВ ПРИНЯТЫХ В % %					
		Рабочих и их детей	Крестьян и их детей	Служ. и их детей	Лиц инт. труда и д. спец.	Куст. и их детей	Прочих
1925 г.	1630	31,1	29,9	30,5	5,7	2,4	0,4
1926 г.	1479	19,2	20,4	42,2	14,0	3,8	0,5
1927 г.	1341	31,3	25,9	28,3	13,4	1,1	—
1928 г.	1449	45,1	26,5	22,8	4,9	0,6	0,1

Данные приведенной таблицы показывают, что имеется повышение удельного веса рабоче-крестьянской группы. Это положительное явление объясняется: повышением качества работы учреждений, ведущих подготовку рабоче-крестьянского молодняка в высшую школу, улучшением работы местных приемочных комиссий и усилением общественного внимания около дела пролетаризации высшей школы.

Но все ли в этом отношении сделано? Могут ли нас удовлетворить полученные результаты?—Нет. Если мы в отношении пролетаризации высшей школы достигли того, что процент рабоче-крестьянского состава в приеме текущего года доведен до 71,6, то в отношении академической подготовленности поступающих необходимо еще много сделать. Необходимо с определенностью констатировать, что несмотря на значительные улучшения подготовки поступающих, она остается низкой, что несомненно отрицательно отражается на качестве ВУЗ'овской продукции; увеличивает процент отсева студенчества до окончания высшей школы.

Прошедшие приемные испытания по ВУЗ'ам показывают, что наибольший процент невыдержавших падает за счет обществоведения, и что характерно, так это наличие формального отношения к обществоведению со стороны поступающих. Стараясь запомнить даты, имена, схемы, многие поступающие не отдают себе ясного отчета в важности запоминаемых экономических, исторических или общественно-политических явлений, подчас не понимая их действительного смысла. Еще хуже обстоит дело с знанием основных моментов текущей общественно-политической жизни.

Все это заставляет предполагать, что с предварительной подготовкой будущих организаторов—строителей социалистического хозяйства и культуры—не все обстоит благополучно. Действительно, краткосрочные курсы по подготовке в ВУЗ, кроме того, что

они имели преимущественно служилый состав, организовывали свою работу так, что главным образом, старались «натаскать» кандидатов в высшую школу по математике, физике и другим дисциплинам.

Учитывая, с одной стороны, необходимость дальнейшего улучшения социального состава высшей школы и повышения академической подготовки поступающих и, с другой—рост стремлений получить высшее образование со стороны рабоче-крестьянской молодежи—необходимо в предстоящий год улучшить работу по подготовке в ВУЗ. Конкретно: необходимо ставить вопрос об улучшении работы школы второй ступени и организации длительных курсов по подготовке в ВУЗ, организуя эти курсы, главным образом, в рабочих районах края. Нам думается, что только курсы, строящие свою работу не по принципу «натаскивания», а на основе максимального развития общественно-политического и образовательного кругозора абитуриента, могут явиться солидным, дополнительным к рабфакам, средством пролетаризации высшей школы и повышения качества подготовки идущей в ВУЗ рабоче-крестьянской молодежи. Необходимо резко бороться с развившимся за последнее время репетиторством; практически разрешить вопрос продвижения книги к рабочему и крестьянину, готовящемуся поступить в ВУЗ.

Но всего этого недостаточно. Курсы, заочное обучение, индивидуальная самообразовательная работа—временный паллиатив. Необходимо ставить на практическое разрешение вопрос о школе второй ступени; улучшить ее социальный состав, повысить качество ее работы, ее воспитательную роль.

Нельзя обойти молчанием и вопрос продвижения партийно-комсомольского состава в ВУЗ'ы. Работа, проведенная в текущем году в этом отношении, крайне мизерна по своим размерам и низка по качеству. Местные организации почти ничего не сделали. ВУЗ'ы партийно-комсомольским составом комплектовались неорганизованно. Необходимо поставить вопрос об усилении продвижения членов ВКП (б) и ВЛКСМ через все виды подготовки в ВУЗ. Ко всему этому необходимо добавить—сибирские рабфаки должны дать значительно большее число студентов в сибирские ВУЗ'ы, а местные общественные организации уделить большее внимание отбору и продвижению в них кандидатов из среды культурно-отсталых национальностей.

И, наконец, очень важное значение в деле повышения качества работы по отбору в ВУЗ'ы имеет усиление общественного внимания делу пролетаризации высшей школы, установление более ранних сроков приема заявлений о поступлении в ВУЗ и усиление участия в работе местных приемочных комиссий общественных организаций.

* * *

Дети и детдома.

I.

Борьба с беспризорностью и советская общественность.

Задача ликвидации беспризорности, тяжелого наследия войны и голода, далеко еще не разрешена.

На этапе хозяйственного и культурного роста края совершенно необходимо скорее покончить с социальным наследством прошлого, скорее добиться полной ликвидации беспризорности.

Перед органами советского просвещения и всеми органами, помогающими и содействующими делу борьбы с беспризорностью, и поставлена задача проведения полной ликвидации беспризорности в ближайшее трехлетие.

Эта задача может быть осуществлена путем: а) ликвидации уличной беспризорности; б) организации и укрепления работы детдомов; в) развития широчайшей работы по предупреждению беспризорности и по борьбе с безнадзорностью детей, имеющих родителей.

Задача поставлена большая. Разрешить ее силами и средствами одних органов народного образования невозможно. К ней должна быть активно привлечена широкая советская общественность (партийные, комсомольские организации, профсоюзы, женотделы, кооперация, ККОВ'ы, о-ва «Друг Детей» и пр.).

Помощь советской общественности может идти как по пути оказания материального содействия органам, ведущим борьбу с беспризорностью, так и по пути фактического участия общественности в работах по борьбе с беспризорностью и ее профилактике.

Полная ликвидация беспризорности потребует некоторого расширения детдомов и радикального улучшения их обстановки и работы (организация мастерских, школ и пр.).

От редакции. С 23 сентября с. г. во всех округах Сибирского края будет проведен широкий двухнедельник по борьбе с беспризорностью и продолжен общественный смотр работы детских домов.

Помещая в настоящем номере журнала статьи т.т. А. Полякова, Д. Усачева, В. Першина и С. Шупова (все статьи идут в дискуссионном порядке), редакция выражает уверенность, что широкая общественность, комсомольские и пионерские организации, просвещенцы и сами воспитанники детских домов откликнутся на наш призыв и осветят на страницах журнала во всех деталях жизнь, быт и работу детских учреждений в крае.

По вопросу дискуссии о детдомах (начата в № 6 журнала) в № 11 «Просвещения Сибири» будет помещена заключительная статья одного из руководителей работы детдомов в крае.

При теперешней нищенской учебно-производственной обстановке детдомов правильно воспитать и перевоспитать в них беспризорников—становится делом невозможным.

Расширение детдомов и улучшение их обстановки требуют громадных средств.

Средства из местного бюджета уделяют детдомам большую долю, но все-таки потребности фронта беспризорности так велики, что этих средств совершенно недостаточно.

Нужна организация широкой материальной помощи советской общественности: кооперации, ККОВ, профсоюзов, о-ва «Друг Детей», трудящегося населения. Об этом нельзя сейчас забывать ни на минуту, если мы всерьез беремся за ликвидацию беспризорности.

Но не в этом **только** задача общественности. В наших детдомах, помимо их нищеты, поставлена чрезвычайно плохо и их работа. Об этом говорят факты барнаульского дела, Кольванского детгородка и др.

Детдома все еще замкнуты, далеки от общественной жизни, от строительства, бесконтрольны. Общественность слабо заглядывает в детдома, слабо наблюдает за воспитанием в них детей.

А ведь она не только должна заглядывать и наблюдать, но и **контролировать** и **помогать** работе детдомов, **связывать их с общественно-политической средой**, **налаживать в них трудовую подготовку ребят**, **помогать ребятам-подросткам устраивать для работы на производство.**

Нужно шире раскрыть двери детдомов для советской общественности; нужно и общественности через своих представителей в советы детдомов, через прикрепленных делегатов, через прикрепленцев к комсомольским ячейкам, пионерским отрядам и просто путем посещений детдомов—ближе подойти к жизни и воспитанию детей детдомов.

Не меньше роль общественности в деле профилактики (предупреждения) беспризорности.

Беспризорность часто является результатом тяжелого материального положения той или иной семьи, обремененной детьми. «Нечем кормить детей»,—и дети идут на улицу нищенствовать, чистить обувь, торговать. Надо в противовес этому поставить шире **материальную помощь на-дому**. Для этого нужно создать фонды; нужно из представителей общественности создать по примеру ВЛКСМ «легкую кавалерию» для производства обследований нуждающихся в материальной помощи семей. Без этого помощи на-дому не наладить. А без помощи на-дому—завтра или послезавтра сотни и тысячи детей будут выброшены на улицу...

Нужно поставить на высоту **дело с опекой** над сиротами. Не во-время назначенная опека над ребенком, отсутствие **общественного** контроля за положением и воспитанием подопечных сирот—все это поводы к увеличению кадра беспризорных. И здесь для советской общественности и ее отдельных представителей широкое поле общественно-обязательной работы.

Необходимо улучшить дело с **патронированием** детей. Мы не одну тысячу ребят поместили в крестьянские семьи. Но ведь задача состоит не только и не столько в том, чтобы «сбыть» с детдомовской «шеи» беспризорного. Мы отдаем детей в крестьянские семьи для трудовой подготовки и воспитания.

Как ведутся они и ведутся ли вообще, как живется ребятам в крестьянских семьях—все это надо проверять. Ибо не редки случаи эксплуатации патронированных детей, ломки их начавшего формироваться в детдоме мировоззрения...

Проверять положение патронированных—**наша общественная задача**. Органы ОНО с этой задачей не в силах справиться. Нужно участие и помощь общественности: комсомола, пионеров, женотдела, просветителей, секций по народному образованию при сельсоветах и РИК'ах.

Без нашего внимания к положению патронированных—«убеги» от крестьян в город, а, следовательно, и рост беспризорности будут неизбежным явлением.

Очень важным профилактическим мероприятием в деле борьбы с беспризорностью является **устройство на работу** в производства и учреждения **безработных подростков.**

Безработица среди подростков—мать беспризорности. В этом деле большая роль падает на профсоюзы и их местные ячейки, на комсомол. Только с их помощью биржам труда удастся выявить потребность в рабочей силе подростков и устроить в первую очередь на работу тех, которые стоят на грани беспризорности.

Громадное значение сейчас приобретают для предупреждения беспризорности такие мероприятия, как организация мастерских для детей и подростков, детских столовых, клубов, кино, уголков, площадок, помощь детям бедноты в школах учебниками, одеждой, обувью.

Ведь у нас, кроме беспризорных детей, колоссальные кадры детей безнадзорных. Родители целые дни на работе, ребята предоставлены самим себе. Школа пока охватывает не всех, да и те, которые посещают школу, проводят в ней несколько часов. Остальное время они на улице, подвержены часто нездоровым влияниям этой улицы.

Детские массы безнадзорны. А от безнадзорности к беспризорности—один шаг.

Надо бороться с безнадзорностью, надо принимать меры к созданию организованного разумного быта и досуга наших детей.

Путь к этому: общественными усилиями, усилиями органов ОНО надо наладить внешкольную работу с детворой—организовать детские клубы с мастерскими, с кино; организовать детские столовые с читальными и библиотеками, устраивать детские уголки, комнаты при жилтовариществах, рабочих клубах.

Нужно и внутри школ добиваться усиления воспитательной, клубно-кружковой работы, организации мастерских, читален, библиотек.

Такова в общих чертах роль советской общественности на фронте борьбы с беспризорностью и ее корням.

Роль работников просвещения—учителей, воспитателей детских домов, сотрудников СПОН, инспектуры, политпросветработников—в проводимой работе по борьбе с беспризорностью и безнадзорностью очень велика.

Все без исключения работники просвещения должны напрячь усилия к организации общественности около вопросов борьбы с беспризорностью. Просвещенцы, работающие непосредственно на фронте борьбы с беспризорностью, кроме этого, должны максимально повысить качество своей работы и добиться наибольших полезных результатов в детдомах, в работе аппаратов СПОН, комсомола.

Мы уверены, что мобилизация общественного внимания в идущем сейчас двухнедельнике по борьбе с беспризорностью поможет ликвидировать остатки беспризорности и поможет преодолеть в нашем быту такие явления, которые порождают новые кадры беспризорников.

Г. Новосибирск.

А. Поляков.

II.

О работнике детского дома.

Может быть, не так нужно было озаглавить заметку, но читающий наш журнал поймет суть и озаглавит по-своему.

Заметка не охватывает всех сторон быта работника детского дома, сторон этих много, и все они обширны.

Коснемся поверхностно лишь главного.

Заведующий детдомом. Молодой... но уже состарившийся. Беспоконный взгляд, бледное осунувшееся лицо, давно небритый.

Канун праздника. В детдоме кипит все. Уборка, ренетиция, стенгазета, страпня—песни, крик, беготня...

Каждый пустяк, каждая мелочь, начиная от дров и кончая пуговицей на пальто, ложится тяжелой заботой и отдается в мозг. Поэтому-то и неудивительно, что когда подходит праздник, в квартире работника детского дома нет этого праздника.

За суетой, за приготовлением к празднику для ребят забывается свое личное.

А наступил праздник—разве отдохнешь? Нет! В праздники-то самая работа.

Вот пример. Вечер в детском доме. Сколько суеты, сколько волюнки с его приготовлением?! И когда наступит сам вечер, придут гости, начинается крошечный ад.

Туда—сюда, того приветь, этому улыбнись, с тем потолкуй!

Шум, крики, жалобы! Все это надо вместить в голову, ко всему этому надо быть готовым. А потом, под конец вечера, когда гости начинают позевывать, истерзанный зав встает на приспособленную из столов сцену и через великую силу начинает воодушевлять смешными рассказами публику. Корчит хохочущую рожу, когда в башке и в теле одно желание: отдохнуть, свалиться и отдохнуть!

Но вот гости уходят. Одни довольны, другие нет. На всех сам черт не угодит. Вот одному все понравилось, другому тоже все, но, прощаясь, зав. смотрел в другую сторону.—«Какой нелюбезный!»—слышишь потом отзыв о таком педагоге.

Гости ушли, давно снят с улыбкой, вспоминая про вечер,—а работник детдома? О, он еще разыскивает куда-то задевавшуюся Колину подушку, ее брали на сцену, и Коля требует ее. Педагог еще бегаёт, прибирает, укладывает ребят в постели, и голова его уже намечает работу завтрашнего дня.

Конечно, от такого праздника впечатлений много в голове, но впечатлений, плохих, утомляющих.

И серьезно, когда где-либо говорят о празднике, у работника детского дома (главное у заведывающего) появляется тоска и радость. Радость, что доставит удовольствие ребятам, тоска—от предстоящей суматохи и обузы.

А то вот еще пример, хороший такой,—это когда мы находимся между двух огней, и оба тебя обжигают.

Сметы наших детских учреждений очень узки, и вот тут-то получаются целые трагедии, неизвестные тем, кто не работает с ребятами.

Ребятам говоришь—«береги здоровье, не ходи раздетый, закрой шею». Заботишься, думаешь о них.

Прибегают ребята из школы. Плач, стоны, жалобы. В чем дело? Ноги отмоззли, руки озябли—и плачут, а плача причитают: «Где жалеют, а где хоть подыхай».

— Ребята, да ведь денег нет на рукавички да пимы... Ведь говорили—или сапоги, или пимы...—урезониваешь ребят.

Или:

Тоже плач, тоже стоны:—«Вот, заставляете учиться, а учебников нет... ругают в школе»...

— «Холодно, печи надо топить, огня надо, уроки делать!».

Санки надо! Карандаша нет! И тысячи других просьб, средств на удовлетворение которых нет.

А от начальства строгие приказы: «сверх полученных 10 к. с., дрова отпущены не будут». Ужас!

По городу scarlatina. Ребята плохо одеты и в школу им нужно, и думаешь: а вдруг захворает! И вот тут-то в такие моменты много переживаешь, на много стареешь.

Многие работники не выдерживают и бегут из детского дома, а те, кто остается, безусловно любят свое дело, любят ребят,—но мало таких. Некоторые работают из-за денег, а больше из-за того, что съюзились, сжались с детьми, и без них для таких работников жизнь становится пустой, незаполненной. Для таких работа еще трудней, еще хуже. Такие, подбадривая ребят, доказывая им все наши недостатки, терзаются в «душе» сами больше ребят.

Вот кусочек работы и быта работника детского дома.

Детдом и обывательщина.

Работникам детского дома (в отличие вообще от работников с детьми, которые должны быть спокойны и выдержаны) необходимо иметь крепчайшие нервы и сдержанность. Многие это имеют, но еще больше не выдерживают и уходят с ответственной и тяжелой работы с детьми.

Не говоря уже о том, что само непосредственное соприкосновение с полонителем ребят основательно мотает нервы воспитателя-педагога и утомляет его психику,—обывательщина, а с нею нередко и часть нашей советской общественности, своим неправильным суждением, вконец убивают инициативу в работнике детского дома.

Примеров издевательства (иначе нельзя назвать. Д. У.) над работниками с детьми очень много. Но я возьму факты лишь из практики своей работы, и несколько таких же от соприкасающихся со мной педагогов.

Приходят в ночлежку женщины-делегатки, осматривают помещение, хотят побеседовать с ребятами.

Ночлежка для беспризорных организована недавно, ребята с улицы, еще крепко связаны с ней, с ее подонками, с преступным миром.

Делегаткам это известно,—СПОН им объяснял про это, познакомил с этим и заведывающий.

Осмотрев помещение, не сумев побеседовать с ребятами, которые к тому же «изматерились» при женщинах,—делегатки рассердились и приступили к невозмутимому и опытному, к счастью, заву.

— А почему они у вас курят?

— А почему они у вас воруют?

— Безобразие, дети сквернословят!

И еще ряд восклицаний-вопросов.

Не внимая убеждениям зава, что сразу детей нельзя «перевоспитать»—делегатки ушли, уверенные в одном: «Воспитание ни к чорту!».

Те же делегатки в другом детучреждении, послушавшись от ребят о том, что их плохо кормят, плохо обращаются, вместо выяснений и расследования жалоб, начали говорить воспитанникам:

«О, мы этих ваших воспитательниц прижмем, мы им зададим, как вас притеснять и плохо питать... зададим!».

Ребята бунт устраивают, воспитательниц не слушают и, конечно, кричат, что вот вам попадет и т. д.

А у женщин-делегаток мнение: «Воспитание ни к чорту!».

Мнение такое выносятся часто и случайными посетителями детского учреждения, выносятся на суждение советской общественности, а оттуда передается обывательщине, которая подхватывает всякие слухи и, конечно, о детском доме ходят ужасные новости.

Какие-нибудь хулиганы украдут, надобоширят в клубе, на толчке—обвиняют ребят детского дома, «изматерится» кто-нибудь из катающихся на катухе—обвиняет ребят детдома, и много таких случаев.

Однажды приходит ко мне с двумя малютками возмущенная мать. По всему видно, что она не из трудящихся и очень не любит «ублюдков», т.-е. воспитанников детского дома. Пришла и строго, крикливо так:

— Какое безобразие! Ваши «ублюдки» отняли у моего Вовочки хорошенькие санки!

Предупредив вежливо об осторожности насчет «ублюдков», я задал ей вопрос:

— А почему вы думаете, что **вашего Вовочку** ограбили **мои дети**?

— Гм... а потому, что у того мальчишки шапка **ваша**... т.-е. такая, какие носят **ваши у—у... дети!**—с трудом ответила мамочка Вовочки...

В это время наши ребята привели парнишку, который лез к девочкам. У парнишки сзади на веревочке тащились действительно хорошенькие саночки.

— Вот, Митрич (так меня зовут ребята. Д. У.), он все к нашим девочкам пристаёт!...

— Я же говорил, что ваш!—обрадовалась женщина...

Сударыня (иначе не мог назвать ее. Д. У.), шапка-то действительно похожа на нашу, но мальчик не наш.

Отняв санки, «сударыня», даже не извинившись, ушла.

Прочитав «не нашему», но «в нашей» шапке парнишке нотацию, я его отпустил и призадумался.

Даже шапки смогут послужить клеветой на детский дом.

Много есть еще примеров, когда ни за что ни про что льют помой на детское учреждение, на его работников.

Хочется сказать нашей общественности: «Как ни крепки нервы у работников с детьми, но от клеветы, от обывательской грязи они лопаются. И часто хорошие, ценные работники уходят от дела, так нуждающегося в них».

Пусть же хоть наша общественность, наши организации не мешают нам, а помогают делать дело.

Мы не против здоровой критики. Наоборот, мы, работники детских домов, очень ценим, когда нам указывают на ошибки посторонние граждане, но мы против обывательских слухов и небывлиц о наших детях, о наших детских учреждениях.

Г. Томск.

Д. Усачев.

III.

Первый выпуск из Красноярской детской трудкоммуны.

Трудовая детская коммуна организовалась осенью прошлого года. Детский состав ее во всех отношениях представлял из себя довольно нестройный конгломерат.

Насколько трудно поддавались ребята (в особенности младшие) педагогическому воздействию, можно судить по следующему: в I-й группе за зиму переменилось пять учителей и четыре воспитателя. Коммуна к осени 1927 года характеризуется следующим: крайне недисциплинированностью ребят—открыто ругаются, курят, таскаются с т. н. «перьям» (ножи), дерутся; неприязненным, а порой просто вызывающим отношением к сотрудникам (идет сквозь зубы слова, или наоборот—говорить громче, чем это нужно, грубо отвечать или совсем не обращать внимания на то, о чем говорят старшие); отсутствием навыков самостоятельной работы и привычки трудиться; слабой организованностью; отсутствием чувств товарищества и т. д. и т. п.

Разумеется, что этим далеко не исчерпывается все то, что носит название так называемых условий работы: текучесть детского контингента, отсутствие стабильности и несработанность коллектива сотрудников, сравнительно слабая квалификация части воспитательского персонала, недостаточность и непригодность помещения под школу и интернат, нехватка квартир для сотрудников и проч. Все это, конечно, не могло не сказаться на снижении результатов работы учебно-воспитательского порядка и трудовой подготовки воспитанников. Но все же, внимательно следя за динамикой роста трудовой детской коммуны, можно с чувством удовлетворения констатировать несомненный факт продвижения вперед, правильность курса в организационной структуре и работе детской коммуны.

Мы имеем такие факты, которые с очевидностью доказывают жизнеспособность подобной формы организации детучреждения интернатского типа, учреждения общественного воспитания подрастающего поколения.

Выше, в части характеристики условий работы в коммуне осенью 1927 года говорилось о взаимоотношениях между некоторой частью воспитанников и сотрудниками;

кроме того, нам не известны и те тревожные факты в жизни нашей советской школы, на какие указывал в своей речи на съезде зав ОНО нарком просвещения т. Луначарский (весна 1928 г.). Явления такого порядка, о которых говорил т. Луначарский («Вы не уверены, что ребенок не запустит в вас камнем, когда вы пройдете мимо его, или не воткнет булавку в стул, на который вы собираетесь сесть»—из речи т. Луначарского, номер 18 «Учительск. Газеты»), у нас в трудовой детской коммуне сейчас нет, и мы уверены, что и в будущем не будет. Правда, и сейчас бывают еще случаи (хотя очень редкие) мелкого воровства или каких-нибудь нарушений известных общепринятых в коммуне норм, но теперь это уж не так страшно потому, что другая часть воспитанников ведет с этим самую решительную борьбу. Второе—ребята начинают сживаться друг с другом, привыкать и любить коммуну. Недавно было получено предложение от окрОНО отправить к родственникам 26 воспитанников с единовременным 50-ти рублевым пособием, и желающих пойти добровольно—ни одного. В третьих—ребята, хоть и медленно, но начинают приобретать столь необходимую для трудовой детской коммуны—привычку к труду. У нас прилично работают звенья в столовой и кухне, хорошо работают коровники; произвели за весну очистку двора, парка; провели водопровод (для нужд хозяйства и огорода—с «первого ручейка» воду по желобам); загордели для свиней двор и телятник; были заняты работой на поле, а, примерно, через неделю трудкоммуна приступит к уборке силами воспитанников покоса в 75 десятин. Правда, хоть здесь и не все еще благополучно—привычка и любовь к труду имеется не у всех, и частенько приходится «загонять» на работу ребят, но мы твердо уверены, что лето с его интересной работой на поле, огороде и покосе эту привычку привьет.

И последнее—трудкоммуна 17-го июня произвела выпуск из 7-ми летки 19-ти воспитанников. Верно, что из окончивших большинство имеет устремление учиться дальше (ФЗУ, рабфак, техникумы), и что данный выпуск не может быть типичным выпуском для трудовой детской коммуны, так как коммуна работает первый год. Но и этот выпуск имеет некоторый интерес. Типичное, как будто бы, для выпускников старого детдома: непри приспособленность к жизни и упадочное настроение ребят—здесь отсутствует.

Настоящий выпуск, в силу целого ряда причин, из которых наиболее важными являются некоторая материальная обеспеченность (воспитанники выходят вполне экипированными и с наибольшим, рублей в 60, «приданым») и положительная настроенность в отношении перспектив в жизни по выходе из коммуны (двое из воспитанников уже определились в ФЗУ, выдержали приемные испытания), не может не быть характерным для трудовой детской коммуны.

Г. Красноярск.

В. Першин.

IV.

О выпуске детей из детдомов.

Несмотря на то, что мы имеем все директивы о порядке выпуска переростков из детдомов на производство, все-таки до сих пор эта работа не налажена. Имеются следующие ее недостатки:

1. **Бессистемность.** Выпуском (скорее «разгрузкой») мы занимаемся лишь тогда, когда в детдом поступают малыши, и количество воспитанников начинает превышать «положенное по штату». Не прорабатывается заранее вопрос, сколько в следующем году будет переростков в детдоме, в каких организациях должны быть забронированы для них места.

2. **Неорганизованность** выпуска, с одной стороны, и частое непонимание значения его—с другой. Часто приходится, что называется, упрашивать хозяйственников о приеме наших ребят на работу; иногда мы детей просто «всучиваем» им.

3. **Искажение направления**—готовим в детдоме портных, а посылаем в маслоделы; готовим слесарями, а посылаем приказчиками и т. п.

4. Мы не создаем общественного мнения вокруг прибывающих на производство переростков. Мы не передаем детей под опеку общественных организаций (особенно комсомольских ячеек). Хорошо, если производственники смотрят на детей, как на рабочих; иногда бывает хуже; их упрекают в том, что они из детдома, бывшие беспризорники и т. п. На почве этого мы имеем значительный процент побегов с производств разгруженных из детдомов детей. Иногда подростков подводят на производстве под сокращение штатов. Тогда эти «сокращенные» или «торчат» на бирже труда, или же хуже того—идут по скользкому пути преступности и стоят на учете адмотделов и «филевщиков» (людей, занимающихся перепродажей краденого. С. Ш.).

Характерен, как опыт, выпуск детей из Кемчугского городка. Первый выпуск был проведен в октябре 1927 г. (24 человека). Предварительно вопрос о выпуске мы проработали с хозяйственниками на заседании окрдеткомиссии. Долго нам пришлось доказывать хозяйственникам о необходимости перевода детей на производство и **разубеждать в их боязни взять таких детей.**

Ведь общественное мнение вокруг детдомов, как известно, до сих пор в большинстве отрицательное.

Зная количество мест в организациях, мы на педсоветах, в присутствии детей-подростков, распределяли эти места.

Предварительно было разъяснено значение выпуска, описали, что из себя представляет то или иное производство (плохо то, что мы живем далеко от города и не имеем возможности проводить экскурсии в производства. С. Ш.) и его значение в хозяйстве Союза. Ребята сами изъявляли свое согласие пойти в то или иное производство. Педсоветы или соглашались с этим желанием, или же, зная психические и физические особенности подростка, рекомендовало ему другой вид производства. Нужно отметить, что из 24 чел. только трое не удержались на работе. В то же время некоторые ребята, как будто «имеющие склонности» к бродяжничеству и хулиганству, ужились на месте,—больше потому, что руководители учреждений и обществ. организаций работали над ними. Хозяйственники потом заявляли комиссии от Ач. окрОНО по обследованию, что ребята уж не такие «сорванцы», как про них думали. Подростки на производствах получали зарплату от 18 р. 50 к. до 35-36 руб. при готовых квартирах.

Вторичный выпуск детей (в 1928 г.) из городка прошел комом. Получили распоряжение о «разгрузке» от окрОНО. Послали ребят на производство. (Каким образом распределяли детей, мне лично не удалось проследить. С. Ш.). Результат—из 12 человек осталось на местах 4-5. Некоторых сбежавших приняли обратно в городок рабочими на совхоз.

Также остро стоит вопрос с выпуском—патронированием детей в крестьянские семьи. Средства отпускают. ОкрОНО не может расходовать эти средства не по назначению.

В каждом окрОНО, однако, были казусы с патронированием, в роде того, что через неделю (или немного больше) крестьяне привозили ребят обратно, а то и сами дети от них убегали. Такая форма «воспитания» вкорме противоречит нашим задачам. Надо раз навсегда отказаться от такого «патронирования» детей в крестьянские семьи.

Нужно было бы стараться патронировать подростков в хорошо организованные совхозы и коммуны. Все льготы и средства нужно тогда предоставить этим коммунам, взявшим детей на воспитание.

Также слабо обстоит дело с направлением ребят из детдома в профшколы и техникумы. (Не знаю, как в других округах, а в Ачинском за два года была отправлена учиться в семилетку только одна девочка. С. Ш.). Говорят, что грамотность у детей детдомов ниже, чем у других школьников. Верно. Но ведь в детдомах есть и выдающиеся дети. Нужно хотя бы им дать возможность в дальнейшем учиться и развивать свои способности. Нужно научиться продвигать способных. В Кемчугском городке есть воспитанник Ни-

кита А., 14 лет. Любит механику. Способен. Он великолепно управляет двигателем в 12 л. сил, динамо-машиной, камероном. У него никогда не было поломок и порчей. Взял ведро, несколько трубок, деревянный ящик в $\frac{1}{2}$ кв. метра и устроил пихтовый завод. В сутки выгонял полбутылки масла. Или вот интересный момент. Приезжает заокрОНО Застает воспитанника А—ко И., 12 лет, за игрой на пианино. Прислушивается. Дает ему новые мотивы. Минут через 5-10 он подбирает. ЗавОНО записал и положил в портфель. Ребята говорят: «Ну, Кеньча, учиться поедешь». Кеньча был доволен. Целую неделю ходил, спрашивал—куда, как, скоро ли? Но, быть, видно, Кеньче совхозником (он работает на совхозе. С. Ш.),—летом пасти лошадей в ночном и слушать по зорям трели сибирских пташек; зимой, убирая конюшни, слушать музыку равномерного жевания и побрякивания удила у своих любимцев—«Пузатых», «Дружек», «Шинек». Был еще один способный музыкант—беспризорник Сазонов. Отравили его на центральный рудник. Сбежал. Все эти «Кеньчи», «Никитки» подростут, в «разгрузке» попадут наверняка не по стремлениям и способностям.

Все сказанное приводит к выводу, что мы до сих пор больше заботимся о детях—как их **нанормить**, сделать им уют и т. п. Заботы эти ограничиваются рамками детдома. Но мы мало **воспитываем** в детях сознание будущих строителей социалистического государства. А между тем, как нигде, в детдоме мы можем скорее изучить ребенка, выявить его способности, определить место в той части нашего строящегося социалистического государства, где бы он мог принести нам большую пользу.

Нашей окружной инспектуре СПОН'а нужно ближе подойти к детдомам. (Инспектор СПОН'а Ачинского окр. ни разу в течение года не был в детдоме, несмотря на то, что он единственный в округе. С. Ш.). Инспектуре необходимо заняться следующими вопросами.

1. В партийных, советских и общественных организациях надо создать общественное мнение вокруг детдомов и детей, прибывающих на производство из них.
2. В округе—по предприятиям и организациям—добиться твердой брони для подростков из детских домов. Заполнение этих мест надо проводить планоно.
3. В профтехнических школах, ФЗУ, ШКМ, курсах и др. иметь ежегодно места для детей из детдомов, хотя бы по 2-3.
4. Инспектору СПОН'а, а в районах—инспектуре, вскоре же после выпуска непосредственно производить обследование жизни этих детей. Иногда с этой целью полезно составлять комиссии из представителей окрОНО, ВЛКСМ, деткомиссии, охраны труда. Работу проводить планоно.
5. Предсовещаниям детдомов следует больше заниматься изучением ребенка, в частности—вопросами их профессий.
6. Если дети работают вблизи своего детдома, приглашать их на собрание детколлектива. «С воли» они принесут в детдом оздоровляющую атмосферу.

Нужно поставить себе задачу—не выпускать детей из детдома, «разгружая» его, как бы от лишнего балласта, а передавать ребят в надежные руки воспитателя—общества.

Ачинский округ.

С. Шупов.

Факты, требующие расследования.

ОТ РЕДАКЦИИ. В ответ на наше обращение в № 5 журн. „Просвещение Сибири“ (заметка „Не взирая на лица“) от просвещенцев края редакцией получен ряд материалов. Ниже мы помещаем из этих материалов ряд фактов (число их можно было бы умножить) недопустимого и безобразного отношения к работникам просвещения со стороны инспектуры просвещения, рик'ов и др. организаций на местах. Обо всех этих фактах нами своевременно поставлены в известность соответствующие окрОНО с просьбой расследовать по существу и принять меры к устранению. Мы уверены, что виновные будут найдены и понесут должное.

Наша просьба ко всем просвещенцам края—и впредь не замалчивать подобного рода факты и писать о них в свой журнал.

1.

Сразу пятком.

«1) О составе учителей на следующий учебный год.

1) Уволить от службы учителей с 1 августа следующих: т. Переверзеву, Почекотову и Смиренскую, как слабых работников, Вазингера, как политически неблагонадежного, и Волкова, В. Д., как не принимающего участия в общественных работах, уделяющего больше внимания своему хозяйству, и имеются негодования со стороны населения д. Бушуй»,—так написал Пировский рик от 19 июня 1928 г. за № 49 п. 1 и молчит. Даже не счел нужным уведомить уволенных. Прошел июнь, и только болтливая радость секретаря сельсовета д. Большой Кеты, где служила Почекотова, выдала риковскую тайну, а потом уже уволенные, не веря болтовне, явились в рик к секретарю Скурату и спрашивали: «Скажите, пожалуйста, я уволен?».

— Да, кажется... Вам выписочку? Садитесь, пожалуйста...

Не более чем через полчаса, т.-е. без всякой волокиты, вы слышите:

— «Вот вам выписочка».

Пировский рик с его карающим придатком Пировским месткомом, во главе которого стоит зав. Пировской райшколой Глазков, очевидно, решил «огоронить» извещением уволенных не ранее августа месяца...

Три первых учительницы работали, работали, и вдруг увольняют—«за слабую работу»... Ну, а райметодкомиссия какие меры принимала в устранении недочетов в работе этих учительниц? Разве на весенней конференции поставлен был доклад этих учительниц о их работе? Разве перед просвещенцами были вскрыты недочеты работы учительниц в целях устранения, может быть, подобного же рода недостатков и в остальных

школах? Разве посещение школ зав. райшколой Глазковым являлось вполне исчерпывающим обстоятельством для оценки труда уволенных трех учительниц?

Учитель Вазингер уволен «за политическую неблагонадежность». Что? Агитация против советской власти? Надо было расследовать дело и предать т. Вазингера суду. Подунамеков тут не должно быть.

Чем же руководился Пировский местком, во главе с Глазковым, увольняя т. Вазингера и так его опорочивая—просвещенцам неизвестно. Пока мы, учителя, знаем лишь только то, что Вазингер на каждой конференции является серьезным оппонентом Глазкова.

Пятый учитель—Волков—уволен по трем пунктам. Это старый матерой учитель: одним пунктом его не свалишь—по зверю и рана.

Пункт 1—«безучастие в общественных работах».

Пять лет состоял председателем ревизионной комиссии Бушуйской потребиловки и только в связи с развитием операций потребиловки должен был оставить это дело, так как оно стало отнимать немало времени и у школы. Теперь состоит секретарем рев. ком. охотничьего коллектива. Три года состоял (до апреля мес. 1928 года) уполномоченным созданного им в 1925 г. машинного т-ва.

В мае месяце прошлого года, получив полуразвалившуюся ячейку Осоавиахима в 13 человек, довел ее к настоящему моменту до 70 членов при 70 дворах населения. Ячейка давала десятками рублей в фонд «Наш ответ Чемберлену» и на постройку самолета «Сибирячка на страже». Бушуйская школа два раза принимала участие в с.-х. районных выставках и получала за экспонаты хорошие награды.

Пункт 2-й—«уделяет больше внимания своему хозяйству».

В хозяйстве работает не учитель Волков, а его сын, которому, кроме этого, одна дорога в батраки. О целях этого хозяйства в этой краткой заметке не место распространяться.

Школа в прошлом году имела 175 учебных дней. Вопрос Пировскому риву: «сколько учебных дней в году пропустил учитель Волков в интересах своего хозяйства?».

3-й пункт—«негодование населения».

20 лет живет учитель Волков в д. Бушуге. С 1928 г. работает в Бушуйской школе и по своему адресу ни от кого ни словом, ни делом не получал выражений какого бы то ни было «негодования» в любой отрасли работы.

Нет, не в этих пунктах кроется причина увольнения Волкова. Причина—в «негодовании» группы лиц, пролезающих так или иначе по служебной лестнице, лиц, предписывающих свой образ действий в школьной и общественной работе. Все предлагают учителю работать «в контакте», вплоть до ареста учеников на целую ночь при канцелярии сельсовета. Ну, а если и в последнем случае учитель протестует, то идут соответствующие доклады в соответствующие учреждения, работа представляется каждым со своей точки зрения, и учитель вылетает,—не ярушай, мол, «контакт».

Все, кому не лень, треплют человеческое достоинство учителя, в недрах учреждений родится мнение о нем «по докладам с мест», и угодливое «рад стараться» месткома выбрасывает работника за борт. И выбрасывают так легко только за то, что ты человек, а не подхалим, что ты затрачиваешь все на воплощение в жизнь идей советской школы, что ты не «в контакте» с головами.

С «волчьим билетом» Пировского рива, куда денешься.

II.

Сорвана работа школ.*(Мало-Красноярский район, Барабинского округа).*

Сразу же после начала учебного года рик начал переброски учителей. Небывалая волна перебросок разрослась в массовое увольнение просвещенцев. В районе функционировало 22 школы с 29-ю работниками. Переброшено 11 учителей. Уволено семь сразу и по одной причине: «не имеют педагогического образования». Это ошеломило остальных. Местком бездействовал. В результате 5 школ закрылись, а две сократили работу. Такая работа рика никуда не годится. Произвол, бюрократизм проявились в полной степени. У учителей один разговор—бежать из района, а то уволят. В этом они, конечно, не правы, потому что бегство—плохой выход. Но ведь трудно ожидать разбора дела несколько месяцев и неприятно быть выброшенным за борт советской общественности.

Я уверен, что совласть разберет нити этого дела, потому что жена пред рика оказалась зав. райшколой, а жена секретаря райкома—учительницей в том же районе.

Просвещенец.

III.

Мена просвещенцами.*(С. Громовское, Братского РИК'а, Тулунского округа).*

Хотя я и не просвещенец, но все же решил поделиться своим мнением о постановке школьной работы и кадре учителей нашей деревни.

С самого первого дня революции у нас не могут прожить учителя более года. «Что за причина? Не стоят у нас хорошие учителя, хоть подкову к воротам прибивай,—так часто говорят в деревне. Назначили учительницу З. Х. В.—своей постановкой работы она сбита с толку даже мало-мальски понимающих учеников, в общественную работу только дезорганизацию ввела, бросила школу, не сдавши ее никому, уехала и, к счастью, не приезжала больше. Прислали своего учителя С. С. Г. Близко сошелся с населением, хорошо поставил работу, организовал ячейку ОДВФ, во всех общественных организациях был хорошим работником. Побежали ученики в школу... Но... попрощался, уезжая весной... Как досадно было... Чесали многие головы, узнав, что опять хорошего учителя переводят в другое село за 50 км. ниже по Ангаре. На место переведенного назначили учителя М. И. М. Это—педагог старого времени, житель этого же села. Но и тут несчастье... Он снят с работы за одно нехорошее хулиганское дельце (выпивши, опалил одному крестьянину голову). На 1927 г. назначают двух учительниц—зав. школой Е. К. М. и другую Г. А. Ф. Быстро школа была приведена в полный порядок, и начались занятия. Немало трудов было положено новым составом учителей для того, чтобы изжить гадкие привычки у детей, привлечь их прилежность. Дети привязались к своим учителям, у них сразу же повысилось желание учиться. Зав. школой повела первую работу женорганизатора. Сразу увидели женщины, что учительница—свой брат; они перестали смотреть на учителей, как на каких-то чуждых гордых людей, и быстро сжились с ними. Работали учителя и в красном уголке, и в стенгазете (членами редколлегии); ученики стали выписывать газеты, юнкорствовать...

Организовали ячейку ОДН. Учительница Г. провела подготовку организации отряда ЮИ (его не разрешили только организовать). Проведены занятия в ликпункте.

По должному оценило население работу своих учителей. Во всех резолюциях собраний, на которых ставились отчетные доклады о работе школы, оно приветствовало работу и желало в дальнейшем видеть ее такою же.

А в результате? Уже известно, что рик перебрасывает зав. школой т. Е. в другую местность. Что за немилость такая? За что? За хорошую работу или просто так. Я думаю, что, кому следует, «обратят» внимание на указанные факты и обсудят—прав ли Братский рик в такой переброске учителей?

Селькор 2567 с. п.

IV.

Письмо в редакцию.

Недавно автор настоящего письма явился жертвой капризов гневного предрика и получил отставку,—и вот за что.

Я учительствовала три года, окончив в 1925 году школу II ступени. Последняя моя школа—Ново-Илийская—была в Куйтунском районе, Тулунского округа. По прибытии в с. Ново-Илийское, я сразу же почувствовала нечто неприязненное ко мне со стороны местных организаций, которые на занятую мной вакансию прочили местную жительницу—жену зажиточного кр-на Тугарину. Против меня пошли разного рода козни, нервировавшие меня.

Наконец, 17 марта с. г. меня вызывают в сельсовет и объявляют, что я уволена по постановлению РКК за **пьянство**. Такая неожиданность и клевета крайне поразили меня. Имея от роду 24 года, я никогда не напивалась и всегда была врагом пьянства. Я обжаловала дело. Выяснилась вся ложь и ни на чем необоснованные обвинения. Как-будто я должна была быть восстановлена в работе, но мое место тотчас же было замещено указанной гражданкой. Я ходила в местком, в рик, но никто не оказал мне содействия. Обратилась в школьный совет, который дает мне справку, что причиной увольнения было мое неверное состояние и разлагающая политика во время реализации крестьянского займа, а также действия против пионерорганизации.

И здесь ложь... От подписания справки отказались члены шк. сов.—секретарь ячейки ВКП(б) и представ. от населения.

Я просила завшколой т. Словецкого дать мне справку о моей работе и поведении в школе; просила его созвать родительское собрание для выяснения моего дела,—но т. Словецкий сказал: «Если я вам дам справку и если созову родительское собрание, то меня тотчас же уволят. А я человек семейный».

Итак, мне не удалось реабилитировать себя в последнем обвинении, не удалось получить работу, не удалось и добиться хоть сколько-нибудь человеческого обращения со мной в рике. Обращалась я и в инспекцию охраны труда. Последняя меня восстанавливает. Обращаюсь снова в рик и опять мой голос—голос вопиющего в пустыне. В качестве последней надежды, я, в интересах истины, в интересах прав учителя, решила обратиться в наш учительский орган.

С. Тулюшка, Куйтунского р., Тулунского окр.

Т. Любина.

V.

В редакцию журнала „Просвещение Сибири“.

Я молодой работник со стажем в 8 лет. Приехал в Сибирь два года тому назад из России не для того, чтобы посмотреть, как странствующий гастролер, эту далекую окраину, а поработать в ней, отдать свои силы и знания делу народного образования и в то же время поучиться и самому.

Обычные нелады с секретарем местной ячейки партии из-за помещения 2-го здания школы, занимаемого им зимой каждое воскресенье под собрания, но не оплачивающего сторожу за уборку и проч. В центральной школе, где я заведую, партийка-учительница—слабый педагогический работник, нередко манкировавший занятиями и родительскими собраниями. Другой школьный работник—учительница-комсомолка не вела рабо-

ты в отряде ЮП, организованном по моей инициативе. На этой почве создалась склона и всяческие подвохи под меня, увеличившиеся еще больше благодаря вмешательству мужа учительницы центр. шк., тоже зам. секретаря партии. И в результате—на заседании рика от 27 февраля—постановление: **«Вынести строгий выговор с предупреждением о снятии с работы»**, и добавочное постановление уже местной ячейки партии от 29 апреля: **«Ходатайствовать перед РК партии об увольнении завшколой Павельева и т. п.»**. Мотивы: недостаточное ведение общественной работы, неконтактность с местными общественными и партийными организациями, **грубость с детьми и выгон батрачки**. О последнем я уже дал объяснение в окрОНО и в суд, разрешившими этот вопрос в положительную для меня сторону.

Немного о себе лично и о школе. Занятия начались с 10 октября и продолжались до 15 июня. В летнюю школу засеяли с детьми огород. Помимо заведывания школой, я нес обязанности упол. местного коллектива рабпрос, ликвидатора негр., занимаюсь с II и IV гр. гр.

Несу все виды общественных работ, которые зафиксированы в особую тетрадь по учету выполнения этих работ с самой осени. Распространил займа на 42 р. 50 к., купил сам на 35 руб. Школа также проводила общеполезный труд, который зафиксирован в тетради учета школьных работ. Два раза постановлением школьного совета работа школы признана удовлетворительной (на совете был, конечно, и секретарь ячейки). И вот, в результате работы, вышеуказанные постановления и заметка в окружной прессе от 22 марта с эпитетами **«Не угадать, кто он: во всяком разе фараон не нужен нашей школе»**. Это плоды травли, вместо здоровой критики, за добросовестный мой труд советского учителя. Я хочу быть не только под общественным контролем нашей окружной газеты, куда вместе с этим я послал еще более полную заметку о работе своей школы на обсуждение нашей Славгородской печати,—в то же время я хочу, чтобы обо мне сказала свое слово и наша краевая печать, ибо меня никто еще не знает, инспектора в нашем районе нет, и я отдаюсь весь на суд общественного мнения. Я вовсе не желаю этим сказать, что я хорош, не хочу разыгрывать из себя какого-то страдальца. Я бы тревогу для того, чтобы с меня сняли позорное пятно и все оскорбления, незаслуженные по моему честному отношению ко всякому делу.

Надеюсь, что это будет и долгом нашей краевой печати.

Учитель В. Павельев.

С. Камышенка, Родинского р-на, Славгородск. окр.

VI.

В чем дело?

(Из письма к завкрайОНО).

...«Еще зимой прошлого учебного года уполномоченными по хлебозаготовкам в наш Рождественский район был командирован завокрОНО—Сидоров, И. П. Нашего район-инспектора в это время переводили на работу в окрОНО, и вот Сидоров «выдвинул» мою кандидатуру на освободившуюся должность. После довольно долгих «согласований» я должен был все-таки начать работу инспектора, хотя в то же время заявил т. Сидорову, что, подчиняясь этому решению, напоминаю, что это дело для меня новое и что у меня будут вполне возможные ошибки и прорывы в работе. Тем более, что с бывшим моим предшественником мы расходились во взглядах и мнениях по целому ряду методических вопросов и педагогических приемов работы. Сидоров счел за нужное успокоить меня, сказав, что и лично он, завокрОНО, и райком партии и, наконец, лично предрика, заметив мои ошибки в области организационной и методбюро округа в области методической, во-время сумеют и должны будут поправить меня, предостеречь. Короче—уверил меня, что я не буду оставлен без помощи. Я начал работу, хотя мне и не хотелось в то же время оставлять школу. Я там ввел «метод заданий», работа меня завлекла, и хотелось этот опыт проверить на практике. Должен сказать, что и инспекторская работа в свою оче-

редь заинтересовала меня, и мне, как педагогу, имеющему спец. подготовку и 10-ти летний стаж, хотелось дело народного образования в районе поставить на нужную высоту. Я видел, что и районное учительство, за редкими исключениями, оценивает меня, как нужного для него работника, видит во мне старшего опытного товарища и чувствует мои планы развития дела. Впоследствии об этом мне говорили сами учителя. Все это поднимало меня, заражало энергией и заставляло работать, не считаясь с нормами. (Для пользы дела я из своего очередного отпуска возвратился на 18 дней раньше срока его истечения, договорившись с предриком о том, что использую эти дни в рабочее время, пропуская иногда по 1-2 дня в неделю, смотря по ходу работы и не в ущерб делу). На это есть формальный документ, хранящийся в делах рика. Кроме этого, в момент разбора моего «проекта производственного плана на 1928-29 учебный год», в марте месяце, зав. окрОНО Сидоров работу мою одобрил. От работников рика я слышал, что моя работа Сидорову нравится (А нужно сказать, что Сидоров страшно скуп на похвалы, а скорее отмечает одни недостатки). Дело шло как-будто бы хорошо. Рик по моему докладу «об итогах учебного года» в заседании от 25 июня с. г., между прочим, отмечает: «заметен значительный сдвиг в области улучшения педагогического процесса по сравнению с прошлым годом»... Я не стеснялся предполагал, что это отчасти и моя работа, как организатора по народному образованию в районе. События же медленно и верно назревали и вдруг... 25 августа, согласно отношения окрОНО от 22 августа с. г. за № 2179, президиум рика меня отстраняет от должности, заменяет другим работником, мотивируя свое решение: «окрОНО находит целесообразнее использовать тов. Шенвальд в ШКМ, а потому поручить ему сдать 27 августа дела и иметь в виду при комплектовании ШКМ». И все! Отношение же окрОНО гласило: «Рождественскому рик. Предлагается использовать на работе в качестве районного инспектора тов. такого-то». Я передал 27 августа дела, теряясь в догадках, что же заставило окрОНО сделать это распоряжение?

*Бывший инспектор просвещения Рождественского района,
Канского округа, Сибиряк Шенвальд.*

VII.

Зачем это сделано?

Завьяловский рик, Каменского округа, имея в нынешнем году 60 учителей в своем районе, оставил из этого количества на старых местах всего лишь 12 учителей, а остальных, не считаясь с их образованием и стажем, перебросил. Когда учителя спрашивают, почему их переводят, — рик отвечает, что он (рик) этим проводит культурную революцию. Между прочим, рик переводил учителей без их согласия. На проведение подобного рода «культурной революции» рик затратил не менее ста рублей.

Делая это, рик допустил громадную ошибку в том отношении, что школы с большими коллективами имеют слабых и неавторитетных руководителей, как, например, Романовская школа, заведывающий которой Ионов учителствует всего лишь второй год и мало подготовлен, как зав.

От переброски просвещенцев рик хотел получить большую интенсивность общественной работы учительства. Но этого ожидать теперь трудно, так как большинство учителей недовольны своей новой работой. Учительство, съезжая на конференцию, надеялось, что его работу ценят и бросаться им, как вздумается, не будут. Когда же каждому в отдельности рик вручил перевод, большинство оставшихся учителей говорило: «в Завьяловском районе нет возможности работать спокойно. Ведь для того, чтобы перевести, рик всегда найдет причину; надо уезжать поэтому заранее по-добру по-здорову». Большинство стажистов говорят, что последний год будет в этом районе. И действительно, из прошлогодних 54 учителей осталось на нынешний год не более 28 человек. На следующий год и эти раз'едутся. Подмечать эту ошибку рик не допускает.

Завьяловский район, Каменского округа.

Просвещенец.

Чулымский просвещенец

Несколько замечаний о работе одного учителя с 2 и 3 группами.

(Опыт двух школ Чулымского района, Новосиб. окр.).

В настоящей статье я хочу поделиться впечатлениями, полученными при наблюдении за работой школ однокомплектных — Каянской и Павловской, которым методкомиссией было дано задание учесть опыт работы одного учителя с 2 и 3 группами.

Для школ, где один учитель работал одновременно с 2-3 группами, неизменным условием ставилось составление производственных, рабочих и календарных планов (как, впрочем, и для всех школ в районе). Но если производственные и рабочие планы во всех школах имели общие места, то календарные планы, составляемые учителем, занимающимся с 2-3 группами, оттеняли более подробное содержание работы по группам, с согласованием занятий в них (в группах данной школы) до 1 часа. Правда, такое точное, определенное и подробное планирование проводилось Каянской школой, одной из лучших школ в районе, в Павловской же (и других) это условие не выполнялось или не носило систематического характера.

Обычно календарный план строился так: материал (подтем) разносился по двум (Каянская школа — II и III гр.) или трем (Павловская — I, II и III гр.) графам, т. е. для каждой группы отводилась отдельная графа. Как правило, эти графы помещались рядом на развернутом листе бумаги для более удобного сличения комплексного материала в группах. В эти графы вписывался: а) объем по формальным знаниям и навыкам, соответственно теме и времени ее проработки в порядке последовательности; б) статьи из книг для чтения; в) трудовые процессы и г) способы проработки материала. Все это записывается с подразделением по часам на каждый учебный день.

Календарный план составляется на неделю (6 дней).

Надо отметить, что календарные планы носят ориентировочный характер; в процессе работы неизбежны те или иные отступления вследствие пропуска занятий учениками, недостатка учебников и учебных пособий, неправильной дозировки материала и пр. Таким образом, ломка и переработка недельного плана все-таки неизбежно вызывает ежедневную подготовку учителя к занятиям.

Наряду с таким планированием непременно велся ежедневный учет проделанной работы по журналу функционирования школы, что, конечно, для учителя значительно облегчало возможность заметить отклонения от намеченной в плане работы по дням и за целую неделю, и поэтому при сравнении пройденного за неделю с предстоящими занятиями на следующую неделю, не упускались из виду эти отклонения при составлении нового календарного недельного плана.

При просмотре календарных планов замечалась, к сожалению, необдуманность их составления: материал вносился несоответствующий по темам и подтемам, непоследовательный в отдельной группе и несогласованный (где это возможно) по группам, — вследствие чего результативность в таком случае снижается и получается, что в одной группе ведется мин. 15-25 беседа или разъясняется правило, или даются работы по письму и счетным упражнениям, а другие группы в лучшем случае в это время «хлопают ушами». Это, правда, организационная часть работы, но календарный план и эту сторону дела не может выпускать из виду.

Обычно при занятиях одновременно с 3 группами учитель уделяет больше внимания I и III группам. Примерно, уроки с учителем в группе распределяются так: I гр.—2 урока, II гр.—1 урок и III гр.—1½-2 урока, при чем иногда за счет III гр. один-два урока в неделю переносятся во II гр. В эти дни на долю III гр. приходится один урок занятий с учителем.

Очень хорошие результаты получаются при начале занятий с I гр. на 7 дней раньше (Павловская шк.), когда при постоянном руководстве учителя дети смогут ознакомиться со школьной обстановкой и приучатся к порядку.

Комплексный материал проходил по Сибварианту, но в значительно сокращенном виде. Местного производственного, бытового и краеведческого материала в планы почти не вносилось (исключая Каянскую школу) и если таковой прорабатывался, то без заранее определенной цели и без надлежащих выводов. Причин этому много. Можно отметить некоторые: неопытность учащихся, незнание местных условий, непригодность помещения, недостаток литературы и пр.

Львиная доля в занятиях с детьми в классе падает на упражнения по усвоению знаний и навыков (75-80 проц.); остальная часть приходится на беседы. Более активные методы—исследовательский, лабораторный и экскурсионный—имеют самое незначительное место в работе школ.

Беседы в некоторых случаях объединяют различные группы, иногда все три. Беседа с последующими выводами и проработкой знаний и навыков имеет мало увязки по своему содержанию.

Учащий после беседы обычно спрашивает у группы:

— Ну, чем, ребята, будем заниматься?

Несется гром возгласов:

— Задачи решать!

— Писать!

— Читать!

Учащий, сосредоточив внимание, подчиняется большинству выкриков и дает группе соответствующую работу, но делает это чисто механически—или пишет на доске столбики для решения задач, или дает читать первую попавшуюся статью и т. п., при чем без различных пререканий у учащего с учащимися и здесь дело не обходится. Конечно, не везде так. Вот выписка из акта инспекторского обследования Каянской школы:

«Учебная работа поставлена на должную высоту. Занятия в классе идут ровно, ученики втягиваются в работу все, вопросы обсуждаются спокойно—без выкриков учеников и окрика учителя» и т. д.

А есть и вот что:

«Статьи читаются по порядку страниц, несмотря на прорабатываемую тему...» (Лежневская школа).

Экскурсии, как указано выше, имеют мало места. На обследование обычно выделяется часть ребят из группы (звено).

За исключением немногих школ, исследовательский метод почти не применялся.

Привлечение к работе врача (были лишь беглые, ничего не дающие обследования), кооператора, избача и других нигде не встречалось, отчасти потому, что эти лица не знают сами, как осуществляются задачи, поставленные перед трудовой школой, отчасти потому, что они не имеют подхода к детской среде и потому еще, что таких лиц во многих районах школ нет.

На дом во всех школах района даются обычные задания—решение примеров, списывание, заучивание стихотворений. Детям иной раз поручается вести наблюдения и производить по ним запись. Надо признать, что наблюдения и экскурсии при работе одного учителя с 2-3 группами смогли бы более правильно поставить и оживить занятия, но только при соответствующих условиях, а именно: надо иметь несколько комнат

в школе, минимум учебников и пособий и соответствующую помощь школе при экскурсиях и наблюдения со стороны населения, организаций и учреждений. В одной комнате, в которой обычно занимаются сразу 3 группы, как это есть в большинстве школ, при всем желании и правильном подходе к организации занятий по этим методам, эти занятия комкаются, т. к. в одном классе разработать материал по наблюдениям и добытый на экскурсии не представится возможным. Работа по обобщению материала для подведения итогов и заключений весьма кропотлива, достаточно сложна и бывает продолжительна (вместе с процессом наблюдения), чтобы ее можно было производить в одной комнате-классе, не мешая другим группам заниматься в то же время своей очередной работой. Учащий, убедившись в этом на опыте, допускает только самые необходимые экскурсии и поручает учащимся наблюдения, чтобы иметь возможность проверить их потом и вывести соответствующие заключения совместно с детьми.

«Перекрестный огонь» при трех группах неизбежен. Даже если на это не вызывают учащиеся, то сам учитель обращается к занятой чем-нибудь без него группе с вопросами и разъяснениями, необходимыми по ходу урока и проведению задания. Редко бывает, чтобы учитель мог обойти все три группы, занятые каждая своей работой, и не проронить ни слова, что, конечно, у учителя, занимающегося с одной группой, бывает часто.

Учет работы детьми ведется через круговые тетради. Как ведется запись — общеизвестно. Круговые тетради введены с начала учебного года. При занятиях одного учителя с 2-3 группами этот способ учета считается наилучшим, но с оговоркой: надо поставить дело так, чтобы очередное дежурство по записи не считалось непонятной повинностью, а вызвало бы у детей сознание о необходимости записи с пробуждением в них интереса в смысле коллективного участия в постановке занятий в группе.

Главные виды самостоятельной работы в группах таковы: I гр.—коллективное сочинение фраз, списывание с доски и текста книги, чтение, решение задач и примеров; II гр.—коллективное сочинение небольших рассказов и переложений, списывание с доски и текста книги, небольшие индивид. переложения (редко), решение задач и примеров, заучивание стихотворений (редко) и чтение; III гр.—списывание с доски и текста книги (редко), выписка ошибок, коллективное сочинение и решение задач, индивидуальное переложение и сочинение (по беседе, по картинкам и т. д.), чтение.

Естественно, что по сравнению со школами, где на одного учителя приходится одна группа, формальные знания и навыки в однокласснике стоят ниже.

В наступающем учебном году и дальше однокласснику-учащему надо оказывать больше внимания и подавать своевременную помощь, чем это было до сего времени, как в смысле материального обеспечения и оборудования школы, так и советами и литературой по методико-педагогическим вопросам.

В. Митрофанова

Общественно-полезный труд в связи с комплексом „Охрана здоровья“.

Прорабатывая тему «Охрана здоровья» во II группе, я затронула вопрос о знахарстве, которое сильно развито в нашем селе. Почти все ребята стали уверять меня, что «знахари» приносят пользу в селе, что они «помогают». Ребята спорили со мной, говорили обратное.

Стали разбирать факты и, наконец, пришли все к заключению, что да, действительно, «шепотки», святая водичка и кресты не помогают, а если и бывали случаи, когда спадала опухоль от «наговоренного масла», то причиной этому масло и тепло, а «наговоры» не при чем. Из беседы был сделан вывод—не ходить к знахаркам, а ездить к доктору в районное село. После такого вывода один мальчик заметил: «ну, с каждым пустяком за 35 верст не поедешь!». Все с таким доводом согласились. Но что же делать?—встал перед ними вопрос. Ребята задумались. «Лучше совсем тогда не лечиться, если к доктору ехать нельзя!».— «Ну тогда в лавку пойти, там бывают лекарства».— «Ишь, лекарь! А ты знаешь, какое лекарство от какой болезни?»—раздавались голоса со всех сторон.

Я прислушивалась; мне казалось, что кто-нибудь да скажет то, что мне нужно.

Приступая к проработке темы «Охрана здоровья», я долго думала над общественно-полезным трудом.

Привитие санитарно-гигиенических навыков семье, плакаты—все это меня не удовлетворяло. Мне хотелось чего-либо большего, мне хотелось заметного дела школы для населения; хотелось показать гражданам, что школа—частичка общества, стремящаяся сделать что-то для всех. И вот уже в процессе работ пришла мысль организовать при школе аптечку, которая вначале снабжала хотя бы только детей села. Своею мыслью я поделилась с другой учительницей. Ей эта мысль тоже понравилась, но у обеих были сомнения.

Решили сделать сбор добровольных пожертвований, осветить этот вопрос на заседании школьного совета и на родительском собрании. Все это должны были, конечно, сделать ребята.

И вот теперь на уроке я с трепетом ждала чего-либо от ребят.

— А вот у нас был доктор, надо было у него попросить лекарств,—говорит один ученик. В его голове жалость, что поздно додумались до этого.

Я насторожилась. Хотелось подыскать, но и хотелось чтобы мысль ребят работала сама, тем более было видно, что они заинтересовались этим вопросом.

— Ну, будет тебе доктор даром давать лекарства! Ведь нас вон как много...

Больше я не выдерживаю—«Конечно, Вася, ребята правы. Можно было б у доктора попросить лекарств, но не даром, а за деньги!». На этом я умолкла, так как ребята уже поняли все. Многие говорят враз, и я ловлю фразы:

«Надо нам собрать между собой деньги и купить лекарство». «Лечиться самим и другим давать».

Вот на этом месте и разворачивается живая большая работа. До сих пор тема тянулась вяло. Плакаты, правила о здоровье уже стали надоедать. В кооперации уже были розобраны учениками зубные щеточки, порошок, дешевые кусочки мыла, уже вошло

в привычку ежедневно умыть младших братьев и сестер, и работа в школе не стала давать ничего интересного. И вдруг такая неожиданность... Ребята в восторге! В этот день засиделись в школе до потемок, все обсуждали, что и как мы сделаем. Всех разбирало нетерпение. Детям хотелось как можно скорее сделать это дело.

Решили написать в стенгазетах (издается уч. III группы и школой-передвижкой) заметочки о том, что при школе открывается аптечка, объяснить ее задачи и просить всех помочь этому начинанию. Между собою сговорились, завтра же всем принести деньги; выбрали двух учеников, которые пойдут в I-ю группу объяснить значение аптечки. Тут я сказала о подписном листе. Ребята ухватились сразу за это: «Мы и в контору сыро-завода сходим! Пусть нам помогут!». Разошлись по домам оживленные.

На другой день почти каждый принес кто копейку, кто две, а кто и гривенник. Мне интересно было узнать, как реагируют на наше дело родители. Спросила. Почти все говорят одно и то же: «Это хорошо, да только ничего у нас не выйдет!».

Эта фраза подействовала не только на меня, но и на ребят. «Нет, сделаем!» — был дружный ответ.

И действительно сделали. Не буду описывать подробно дальнейшую работу; слишком много было мелочей, которые, безусловно, интересны каждому учителю, но я боюсь, что редакция не напечатает такой маленький, может быть, факт, написанный слишком подробно*).

Родительское собрание, на котором должен был выступить ученик с докладом об аптечке, не состоялось. Откладывать — нехватало терпения.

Члены школьного совета по докладу по этому вопросу постановили повесить разъяснительную работу перед населением. Такое постановление влило в ребят еще больше энергии.

По подписному листу через два дня было собрано 4 рубля. Можно было бы собрать еще, но детям хотелось скорее и скорее увидеть результат своей работы.

Решили пока послать собранные деньги, а сбор продолжать. Написали коллективно письмо доктору. Выбрали одного ученика, который вместе со мной должен был идти на почту, заполнить переводный бланк и посмотреть, как «отправляют» деньги.

Теперь ребята с нетерпением ждут посылку от доктора. Мастерят шкафчик для аптечки, обсуждают, кого выбрать заведывать ею.

По получении аптечки постановим вывесить объявление в сельсовете, в конторе завода и в лавке: «Не ходите к знахаркам, а поезжайте к врачу, если сильно больны»; «Не лечитесь шепотками знахарок и святой водицей, а идите в школу за лекарством!».

Много спорят ребята о том, как давать посторонним лекарство — за деньги ли, или бесплатно, но пока к определенному решению не пришли.

Село Половинка, Бийского окр.

М. Елкин

Роль родительских собраний в жизни школы.

(В порядке обсуждения).

В статье т. Башина роль школьного совета вполне правильно очерчена.

Связь школы с населением — отличительная черта нашей советской школы. Если дореволюционная школа отторжалась от населения, дети которого в ней воспитывались, то наша школа стремится не замыкаться в своих четырех стенах — дости-

*) Опасения автора напрасны; все ценное и интересное для учителя редакция помещает в журнале охотно.

жения и недостатки ее работы выносятся на обсуждение самых широких масс, население участвует в работе школы, помогает советами, помогает материально.

Связующим звеном между школой и населением является школьный совет, построенный по принципу коллегиальности. Пункт 22 Устава Единой Трудовой школы гласит: «Заведующий школой, в случае своего несогласия с постановлениями Совета, имеет право приостанавливать исполнение этих постановлений, при чем право окончательного разрешения вопроса принадлежит ОНО». Таким образом (грубо сравнивая), школьный совет—это как бы наркомат в миниатюре, где должность наркома выполняет заведующий школой.

«Школьный совет это—организация, создаваемая в школе в помощь заведующему школой, направляющая работу школы, разрешающая все большие принципиальные вопросы, связывающая школу с жизнью и населением»,—заканчивает свою статью т. Кашин.

Все это правильно, против этого возражать не приходится. Но взгляд автора на роль родительских собраний приводит в недоумение. Он пишет: «Со времени оформления работы школьных советов, родительские собрания, как самостоятельные собрания, надо изживать».

Так ли это? Родительские собрания, где сами родители, сама масса населения, непосредственно не только знакомятся, а дает ряд подчас ценнейших предложений по работе школы,—являются не только жизненной, а совершенно необходимой формой участия широких трудящихся масс в работе школы.

Школьный совет—это орган управления школой. А разве наши советские органы (возьмем хотя бы сельсовет или райисполком) не отчитываются перед населением? Разве при этом отчете, где проведенная работа выносится на обсуждение широких трудящихся масс, кто-нибудь испугается, если на собрание явится нежелательный в социальном отношении элемент? Почему же школа должна бояться «граждан, далеко не сочувствующих советскому строительству?». Волков бояться—в лес не ходить.

Напротив—работа школы в виде отчетов и докладов должна быть известна населению. Формами здесь являются:

- 1) доклад о работе школы на общегражданских собраниях, делегатских женских собраниях, собраниях бедноты и т. д.;
- 2) родительские собрания.

Не всегда и не везде представляется возможным отчитаться школе о своей работе на собраниях, указанных в первом пункте, иногда потому, что вопросы школы зачастую относятся на конец повестки дня, когда публика уже утомлена. Естественно, что в данном случае школьные вопросы прорабатываются плохо, комкаются. Так дело обстоит с отчетными докладами школ вообще, а о частных вопросах, как-то: общественно-полезная работа школы, обучение грамоте и т. д.—можно и вовсе умолчать; обычно в своих общих докладах о работе школы, докладчик только скользнет по ним. В этих случаях даже в прениях многого выявить нельзя, так как если даже вопрос о школе и стоит нервным, то в виду предстоящего разрешения на данном собрании еще нескольких вопросов президиум, а иногда и граждане торопят, стремясь скорее покончить с ним.

Где же прикажете знакомить население с педагогическими, методическими вопросами школы?

Возьмем школьный совет. Положим, что он все эти вопросы прорабатывает. А дальше? Ведь школьный совет—десяток, самое большее, пятнадцать человек. Эти люди ознакомятся, будут разбираться в работе школы, население же знать, что творится в школе, не будет. Никто же в самом деле не будет проводить специальных собраний граждан по вопросам школы. Следовательно, почти единственной формой участия широких трудящихся масс в работе школы—родительские собрания. Родительские собрания сближают население со школой, на них идеи трудовой школы вос-

принимаются широкими слоями трудящихся, создается общественное мнение вокруг школы, методы работы попадают под обстрел беспощадной критики, замечаний.

Поэтому, как бы идеально ни была поставлена работа школьного совета—родительские собрания необходимы. Вся беда в том, что мы не отводим очень часто должного внимания родительским собраниям; это ценнейшая форма связи школы с населением у нас остается как-то в тени. А от такого непонимания значения родительских собраний страдают и школа, и население: школа—потому, что, не имея здоровой критики со стороны, не получая необходимых советов, подчас варится в собственном соку, не находя нужных форм своей общественной работы, встречая иногда даже противодействие окружающего населения в разрешении общественно-полезных задач; а население, не имея понятия о работе школы, по ученикам—своим детям—вкривь и вкось истолковывает иногда полезные методы работы; отсюда—непонимание задач школы, недовольство ее работой.

Тов. Кашин в своей статье отмечает, что «школьные советы во многих случаях неработоспособны», а «родительские собрания наиболее регулярно собираются». Не говорит ли это о жизнестойкости родительских собраний?

Прав автор, говоря, что «работа родительских собраний строится от случая к случаю, без всякой увязки с общественной работой».

В этом-то и беда наша, что, не придавая родительским собраниям большого значения, мы часто только отбываем номер, чтобы в годовом отчете школы значилось столько-то проведенных родительских собраний. Внимание необходимо направить не на ликвидацию живой связи с населением, родительских собраний, а на правильную постановку их работы. Родительские собрания по практике многих школ, да и сам автор вышеуказанной статьи не отрицает, выявили большой интерес населения к школе.

Как же проводить родительские собрания?

Первый вопрос—количество собраний в течение учебного года. Можно не ошибиться сказать, что, как правило, каждая школа должна созвать четыре родительских собрания в год. Первое собрание—спустя несколько дней, максимум две недели после начала занятий. Созыв данного собрания в особенности важен. Школа только что начала работать; зачастую из-за недостатка места некоторая часть ребят школьного возраста осталась за бортом школы, часть учащихся второй и выше групп еще не приходила в школу, справляя свои домашние дела, хотя очень часто и без них великолепно обойдутся дома—здесь невнимательность к школе самих родителей (с перваками этого не случается: родители, боясь оставления их детей вне школы, стремятся как можно скорее записать); вопросы топлива, учебные пособия, распорядок дня и т. д.—разве родители не должны принять участие в устранении трудностей в работе школы, разве их эти вопросы не интересуют?

Один вопрос, влияющий на работу первой группы, зависящий всецело от семьи ученика, необходимо осветить на первом родительском собрании. Речь идет о подучивании первогодников на-дому грамотными членами семьи.

В прошлом году в Ужанихинской школе резко бросалось в глаза следующее явление: учащиеся первой группы, которых родственники подучивали на-дому, отстали в технике чтения и письма от других, не имеющих дома таких репетиторов. Вопрос разрешается так: в деревне еще сильны корни буквенного и звукового методов обучения, а у нас в школе—метод целых слов и слогов; в школе—целые фразы, слова, а дома ученик, благодаря такому репетитору, «пыкает» и «мыкает».

Родителям необходимо раз'яснить, что они в данном случае оказывают школе медвежью услугу. Наконец, вопрос об общественно-полезной работе школы должен быть также всесторонне рассмотрен. Меньше тогда будет противодействий со стороны родителей по мероприятиям детей на-дому с целью улучшения хозяйства, например: выращивание молодняка, культурное кормление и уход за молочным скотом, утепление

скотных дворов и т. д. Население ко всему этому будет подготовлено, работа школы облегчится.

Следующие два собрания можно устраивать через каждые три месяца работы, примерно, в январе и апреле месяцах. К этим собраниям, если представляется возможным, следует приурочить небольшие школьные выставки; пусть сами родители посмотрят работы своих детей, оценят их.

На этих собраниях нужно потолковать о посещаемости школы учениками в связи с обилием в это время религиозных праздников, свадеб и разных пирушек до поста; о дисциплине в школе (большой вопрос—большинство жалоб населения на школу идут по этой линии; «строгости нету, разве без строгости учить можно»—обычная фраза); о выполнении и результатах намеченных ранее общественно-полезных задач; о работе школьного самоуправления; о работе пионеров и т. д. Кроме того, на апрельском родительском собрании необходимо ставить вопросы, связанные с началом полевых работ (посещаемость в это время начинает падать); разъяснять значение летней школы.

Наконец, последнее собрание—по окончании или, вернее, при окончании учебного года. Здесь можно поставить доклад о работе за год, устроить внешкольную выставку, обсудить вопросы, касающиеся летних каникул и работы детей летом.

Конечно, приводимые выше вопросы, подлежащие обсуждению родительских собраний, нужно считать общими для всех школ и как ориентировочные. Каждая школа, в зависимости от местных условий, может поставить и другие вопросы, являющиеся в том или ином селе наиболее актуальными.

Вопросы общеполитические и общепедагогические (напр., «Цели и задачи трудовой школы») ставить на родительских собраниях нецелесообразно. Для освещения населению общеполитических вопросов у нас проводятся общие собрания, делегатские, бедноты, наконец, читки, кружки и так далее, а теоретическое рассуждение о педагогических вопросах, кроме сонливости аудитории не дает ничего.

Педагогические вопросы должны оттеняться и в докладах, и в выступлениях, как итог применения тех или иных методов школьной работы. Например: говоря в докладе о том, как в школе обучают грамоте, необходимо сказать, как раньше обучали, почему эффективность метода целых слов или Шапошникова выше применявшегося ранее буквенного или звукового; говоря о проделанной работе школы в области общественно-полезного труда, сказать, как старая школа старалась китайской стеной отгородиться от общественной жизни. На живых примерах работы школы и их сопоставлении с методами работы дореволюционной школы населением уясняется превосходство советской системы обучения.

В практике случаются такие казусы: на повестку дня родительского собрания ставятся следующие вопросы:

- 1) Международное и внутреннее положение СССР;
- 2) Парижская коммуна;
- 3) отличие советской трудовой школы от царской;
- 4) доклад о работе школы (наконец-то!).

Пример взят из практики одной школы за прошлый год. Конечно, при такой постановке родительских собраний население уже казачком не заманишь на них. К слову сказать, докладчиком по всем указанным четырем вопросам был сам учитель.

Демонстрация учащихся достижений в своей работе не только желательна, но, по-моему, обязательна. Мало потолковать с родителями по душам, пусть объект занятий будет живым свидетелем работы.

Каждая школа, в зависимости от местных условий, может применять различные формы выступления перед родителями учащихся. Можно указать на несколько форм, общих для всех школ и вполне доступных: 1) небольшие доклады учащихся о том, что они узнали в школе или что сделали в области общественно-полезного труда;

2) хоровое исполнение песен; 3) инсценировки; 4) декламация; 5) спортывыступления. Последний вид выступлений всегда возможен, хотя бы в силу того, что зачастую и сам учитель не знает спорта, а то просто и помещение не позволяет.

О том, как взрослые реагируют на выступления учащихся, приведу реплику на одном родительском собрании: «вот это хорошо,—и на собрании побывли, и на спектакле, молодцы, и все ведь сами».

Созывать собрания больше указанных четырех раз в год едва ли целесообразно. Ведь школа должна родителям показать свою работу, а какой же опыт накопится в школе в месяц или три недели?

Помимо общешкольных родительских собраний, можно практиковать собрания родителей по группам, наконец, посещения родителями школьных занятий, индивидуальные и групповые. Эти чисто товарищеские посещения, помимо своего прямого назначения—связи школы с населением,—благоприятно влияют и на учащихся, некоторые ученики после этого заметно подтягиваются. Вообще нужно применять все доступные формы привлечения населения в школу, а не отгораживаться от него китайской стеной. Родительские собрания носят совещательный характер, а не решающий, и поэтому, кроме пользы, ничего не дадут. Школьный же совет нельзя рассматривать, как комсод, в чем как-раз и путается тов. Кашин; школьный совет—орган управления школой.

Школьный совет и родительские собрания не исключают, а взаимно дополняют друг друга, вовлекая широкие массы трудящихся в строительство советской трудовой школы.

В. Федотовский

Наш праздник.

(Бийский округ Сростинская райшкола).

Всем известно, как редки случаи одновременного прихода детей в школу в начале учебного года. Это явление наблюдается не только в школах массовых, но и в школах озорных. Чуть ли не в течение полуторых месяцев ребята в одиночку и группами заполняют школу,—такое явление, конечно, ненормальное, с ним нужно бороться и бороться настойчиво.

Вопрос о несвоевременном заполнении школы детьми в течение целого ряда лет был большим вопросом. Школа вела с этим борьбу, но все способы ее давали мало результатов. Зло оставалось злом. Ребята все также продолжали заполнять школу постепенно и несвоевременно.

В начале настоящего учебного года перед работниками нашей школы встал вопрос о необходимости введения в способы борьбы чего-то нового, что дало бы более реальные результаты. Решили остановиться на устройстве школьного праздника. При чем провести его решено было так, чтобы он в одно и то же время был и праздником для ребят и кампанией за своевременный приход детей в школу, а также популяризацией идеи новой школы.

К участию в кампании были привлечены ребята. Они с радостью ухватились за эту мысль. Была избрана комиссия и составлен план, который, после живейшего обсуждения на общем собрании школьного коллектива, был принят в следующем виде.

1. Подготовительная часть.

1) Украшение школы и общественных учреждений зеленью, лозунгами и плакатами.

2) Заготовка и расклейка по селу агит-плакатов.

2. Проведение праздника.

- 1) Манифестация по селу.
- 2) Торжественное заседание.
- 3) Литературное утро.
- 4) Ч а й.

Здесь же решено было издать посвященную этому дню газету-плакат «Наш праздник».

На следующий день ребята приступили к выполнению плана. Часть пошла за зеленью, девочки занялись окраской бумаги, выделкой флажков и цветов. Остальные стали писать лозунги, плакаты. Работа закипела во-всю.

Сначала работников очень смущал вопрос, где взять средства на чаепитие. Было собрано расширенное заседание шк. совета, где, после доклада о целях праздника, учреждения и организации постановили выделить для этого необходимую сумму в 40 руб. (смета была составлена раньше). Делегатки и крестьянки взяли на себя страпню.

Так как времени до праздника оставалось мало, то было решено в последний перед праздником день занятия производить только в двух первых группах, остальные же группы привлечь к украшению здания.

Наконец, все приготовления были кончены. Школа снаружи и внутри была украшена зеленью, флажками, лозунгами, плакатами и имела вполне праздничный вид. Хорошо удалась и газета. В ней, кроме передовицы и двух статей, освещающих цель и задачи праздника, были помещены составленные ученицей к этому дню частушки.

1. Не кукушечка кукует,
Не соловушка поет,
Ученица то горюет:
Тягька в школу не ведет. 3. Как у нас-то в пегребу,
Вода дошла до полу,
Мы родителей просили
Отпустить нас в школу. | <ol style="list-style-type: none"> 2. Я поймаю голубка,
Посажу на койку.
Тягька «седня» в школу
Посылает Польку. 4. Я поймаю голубка—
Посажу на парход,
Бедноте одеждой мы поможем,
Чтоб учились без хлопот. |
|--|--|
5. Продырявился сапог,
Ходила я по камням.
За учебный длинный год,
Многим нас научат знаниям!

Утром, в день праздника, школьники совместно с комсомольцами и отрядом Ю. П., с пением революционных песен и плакатами, двинулись по улицам села. По плану намечалось устроить в трех пунктах села летучие митинги, но холодный ветер со снегом не дал возможности довести эту часть программы до конца. Ребята прошли только по улицам и вернулись обратно.

К этому времени в здании РИК'а, где предполагалось провести торжественное заседание, собрались представители организаций, учреждений и родители.

Заседание открыл школьник—член комиссии. Первым с речью выступил зав. школой, который, объясняя цель праздника, указал на необходимость одновременного сбора учащихся и удлинения учебного года. Представители от районного комитета партии и РИК'а провели параллель между старой и новой школой, указали на необходимость содружества в работе между учащими и учащимися. Комсомол и Ю. П. в своих выступлениях заострили внимание присутствующих на необходимость помощи детям бедноты. Ответной речью представителя коллектива учащихся и пением детского интернационала торжественное заседание закрылось.

После небольшого перерыва была проведена литературная часть, которая заключала в себе декламацию и пение.

Пока шло торжественное заседание и литературное утро, комиссия вела подготовку к чаепитию.

За стол пускали по очереди. Прежде, чем идти в столовую, каждый должен был вымыть руки, за чем внимательно следила санитарная комиссия. Несмотря на небольшое количество собранных средств, угощение вышло на славу.

Результаты не замедлили сказаться в первые же дни. Если до праздника в школе было только 150 детей, то через неделю после праздника их насчитывалось уже 320 чел. Особенно заполненными оказались первые группы (110 чел.) и вторая (87 человек). Пришлось открыть вторую параллельную. Средства на это (5 проц. с налогового рубля) дало население. Увеличилось в школе и количество девочек (с 20 проц. прошлого года до 37,5 проц. ныне). Сократились и пропуски занятий учащимися.

Кроме этого, как подготовка, так и проведение праздника способствовали развитию у ребят навыков коллективизма и организованности; дали возможность проследить, насколько закреплены организационные навыки у санкомиссии и, наконец, элементы общественно-полезной работы, заложенные в цели и задачах праздника, привели ребят к выводу, что и они, по мере своих сил, могут способствовать культурному строительству села.

Село Сrostки, Бийского окр.

Н. Б.

Физкультура в нашей школе.

...Нужны не только умные, но и здоровые дети.

ГУС.

У многих учителей существует мнение, что для правильной организации физкультурных занятий нужна подходящая обстановка, т.-е. более или менее приспособленное помещение, наличие хотя бы некоторых гимнастических приборов и специальная подготовка самого учителя.

В текущем году мне захотелось выяснить, насколько можно внедрить физкультурные начала в занятия и быт ребят, находясь в условиях типичной массовой школы, пользуясь, так сказать, подручным материалом. Дело началось с осени.

К началу занятий, получив от РИК'а 7 р. 50 к., я наладил вентиляцию, устроив в классной комнате два створчатых окна, форточку и вентилятор. Последние были прорезаны в стене на соответствующей высоте. Таким образом, чистый воздух был обеспечен. Ток воздуха в теплое время при открытых окнах, а зимой—при открытых форточках, расположенных в трех углах комнаты (считая печную форточку), был достаточно сильным, чтобы за 15 минут перемены освежить класс. Затем мы с ребятами точно установили время для занятий и для перемен. «45 минут урока и 15 минут для перемен»—было боевым лозунгом осени. И нужно сказать, что это не совсем простая вещь; нужно было с недельку усиленно тренироваться, чтобы точно соблюсти время, пока не выработалась маленькая привычка. С тенденцией затянуть урок, особенно на интересном материале, пришлось бороться не менее, чем с желанием продлить перемену. Влияние прошлых лет, когда занятия велись по солнышку, тоже сказывалось. Мы приобрели часы, торжественно повесили их в классе и научились быстро собираться по звонку. Дней через 10-15 дело вошло в колею. Всем становилось как-то не по себе, когда стрелка отмечала хронологическую погрешность.

Вспомнили и освежили выработанные в прошлом году правила. Плакат—«А ты ноги вытер?»—с громадным красочным знаком вопроса появился не только у каждой школьной дверной ручки, но и у домашних дверей, возбуждая усмешки родителей, но тем не менее, побуждая лишний раз шаркнуть ногой о солому у крыльца. Школьное крыльцо обзавелось парой скобков для вытирания ног; появились два мата из хвороста, сиделенных наманер днаца корзины. Тряпка в раздевальне замыкала круг чистилищ-

ных действий, и дежурному в дверях пред'являлся все более и более высокий процент чистых подметок. Стоимость перечисленных средств производства чистоты выражалась суммой в 75 копеек.

Оставалась последняя и самая важная работа—проведение в жизнь другого лозунга нашего уголка здоровья: «Беги за здоровьем на свежий воздух!». Хорошая погода сама по себе располагала ребят к его выполнению. Но осень, сибирская зима и весна не могут похвалиться обилием хороших дней, а нам, поскольку физкультуру нужно было ввести в систему, нельзя было рассчитывать на улыбку солнца, а найти кое-что посущественнее. Вывод напрашивался сам собой; требовалась организация интересных игр и упражнений, чтобы ученика выводил из класса не теоретический лозунг а практический интерес—удовольствие от игры.

Но интересы разных возрастных групп детей не одинаковы. Между ребенком 10 лет и четырнадцатилетним подростком—дистанция почтенного размера. На игру «маленьких» смотрят в лучшем случае снисходительно, поэтому пришлось вводить сразу несколько игр и вместе с тем искать удобоприемлемую для всех. Нас выручила эстафета. В момент подбирались пары одинаковых бегунов—больших и маленьких, палка или кольцо из ивового прута всегда были под руками, и начиналась потеха. Иногда тесным казался школьный двор для расходившихся ребят, тогда ареной становилась улица. Ставили препятствия: обруч, скамейку, еще более оживлявшие игру. Смех, шум, азарт, возгласы, разочарованья проигрывающих. 4-5 секунд выигрыша возбуждали неистовую радость, требование реванша...

Увлечение эстафетой длилось недели две, затем потребовалось новое. Перешли к бегу и прыжкам. На уроках физкультуры, которые проводились с осени два раза в неделю, я нарочно избегал занимать ребят эстафетой и прыжками, предпочитая устраивать бег, фигурную ходьбу, прогулку. Мое внимание было устремлено на то, чтобы использовать перемену, увлечь ребят на свежий воздух, а за это время проветрить класс. Поэтому через две недели картина приблизительно была такова: после звонка ребята по собственному почину бегут, кто на прыжки в длину, кто к веревочке, кто составляет партию для эстафеты, а завязанные бегуны—по кругу.

На поленицу дров затасили тяжелую дверь. Я показал как надо выпрыгнуть на нее сразу обеими ногами. Понравилось, особенно, подросткам. Новое увлечение недели на две. Таким образом, получалась пестрая картина: бег, прыжки, эстафета, а по звонку сразу в рассыпную—к крыльцу. Дежурный звонил за две минуты до начала урока, давая время привести в порядок ноги и одежду.

Только сильная грязь связывала ребят. Хорошо, что поросший травой школьный двор был достаточно чистым, но все-таки количество игр и участников безусловно сокращалось. Но таких дней было за всю осень до самого снега не больше десятка.

Вечером ребята сходились на подготовку к празднику Октябрьской революции. Сумерки вызвали новую очень оживленную игру—пряталки с маскировкой. Кустики травы, дрова, уголки, канавки, бугорки, иногда только неподвижное положение на подходящем фоне использовались играющими во-всю. Игра понравилась всем и вошла в обиход всей деревенской детворы.

Само-собой разумеется, что поддерживались и культивировались местные игры в роде «гусей-лебедей», «палочки-постукалочки» и т. п.

Так прошла осень.

В течение первого месяца зимы пришлось отыскивать новые формы игры, такой игры, которая опять-таки увлекала бы всех на улицу. Прыжки, бег и фигурная ходьба, помимо того, что они приелись, были не понутру ребятам еще и потому, что зимняя одежда стесняла их движения. Пришлось порыться в памяти и припомнить самые интересные из своих детских игр. Несколько из них не понравились детям и были забракованы. Наконец, попали в точку.

Я обратил внимание на то, что совершенно отсутствует катание с горы на скамейках. Салазки имелись у редких ребят, а скамеек совершенно не было. Я рассказал, как делать скамейки, описывал, какое удовольствие получается от катанья. Не пошло. Тогда в ближайший праздник пришлось смастерить своему шестилетнему сыну небольшую скамейку и заморозить ее. Через неделю штук 15 скамеек стояло у крыльца. Поднялся вопрос об организации катанья и конкурса. Трем звеньям дали задания сделать скамейки из старых поломанных школьных скамей. Началось увлечение катаньем.

В перемены, особенно в большую, в классе оставались только дежурные, остальные бежали на гору, на пологий берег реки, которая протекает в 70 метрах от школы. Увлечение оказалось длительным и всеобщим. Даже наши смиренницы—три девочки—не отставали от других и энергично отвоёвывали себе право на школьную скамью. Ребята постарше понаделали себе по нескольку скамеек, вырабатывая в них большую быстроту, устойчивость и более удобную для управления форму.

Увлечение в значительной степени подогрелось конкурсом.

Совет вожатых постановил провести конкурс с денежными премиями в 70, 20 и 10 копеек. В комиссию по проведению конкурса выдвинули двух родителей, которые вполне добросовестно выполняли свою обязанность.

В назначенный день и час, несмотря на холодную погоду, 30 участников открыли состязания на следующих условиях: нужно было проехать с горы 10 раз, и длина проезда, отмеченная цветными флажками, каждый раз записывалась. Езда по горе, богатой выбоинами, с поворотом под тупым углом, требовала известного искусства, выучки, поэтому недели за две перед конкурсом (как раз во время зимних каникул) началась усиленная тренировка и уход за своими скамейками. Некоторые из ребят обратили особенное внимание на лед скамеек, замораживали их водой из растаявшего льда и даже натирали салом. В лунные вечера катальщики не уходили с горы часов до 10 вечера.

Конечно, и детвора дошкольного возраста не отставала от старших—число скамеек в деревне росло.

Конкурс прошел на славу. Премии получили самые искусные ездоки. Увлечение катаньем несколько ослабло, но было и осталось сильным до конца февраля, пока на смену ему не выплыло новое развлечение—футбол.

На него натолкнулись случайно. Мячик, принесенный учеником в школу, нельзя было пустить в ход, так как поднималась беготня и пыль. Для игры на улице мячик не годился, так как ловить его на морозе в 30 градусов плохое удовольствие. Пара ребят начали гонять мячик ногами: кто дальше угонит. Я предложил обшить мяч тряпками и гонять его целой партией. Понравилось. Появились другие мячи. Тогда я приступил к организации игры, похожей на футбол. Ребята натащили конского волоса, обмотали им резиновый мяч и сделали ему оболочку из материи. Подбирались партии человек по 5-8, делали ворота—все это в течение первых двух минут, а в остальные 10 минут перемены шла отчаянная возня.

Футбол помог окончательно наладить зимние перемены. Мальчики постарше гоняли мяч, остальные же убегали на катушку, и, таким образом, все ребята втягивались в игру.

Было положено начало правильной организации кружка. Любители разделились на красных и синих. Выбрали распорядителей и решили достать средства на покупку настоящего мяча. Месяца два готовили лучшую пьесу нашего репертуара. Сбор дал 7 р. 45 коп.

Увлечение футболом распространилось на подростков и молодежь. Частенько приходилось видеть, как 18-ти летние парни охотно вставали в игру. Весна и настоящий футбольный мяч обещают возможность организации футбольного кружка, даю-

щего исходную точку для дальнейшего развития физкультуры среди молодежи.

Так постепенно, шаг за шагом, развертывалась работа, имевшая определенную цель,—вырвать школьника из душного класса на свежий воздух для интересной игры. Средства для достижения данной цели требовались самые небольшие, достать их может каждая школа. Самое ценное—это затраченное учителем время, но оно с лихвой окупилось. Точно установленное время для занятий и перемен, постоянные и регулярные порции свежего воздуха, чистый воздух класса—все это дало заметный результат. Работоспособность и усвояемость у ребят по сравнению, например, с прошлым годом была значительно большей, и к концу учебного года у нас в деле учебы не было того резкого снижения энергии у ребят, которое я ежегодно за все время своей практики подмечал и которое начал было считать законным и неизбежным.

Дер. Каяк, Чулымского района, Новосибир. округа.

От редакции. Статья Н. Б. весьма ярко и убедительно свидетельствует о том, чего можно достичь в деле культивирования детского досуга и физического оздоровления детей без всяких материальных затрат, располагая лишь любовью к делу и желанием работать в этой области.

Однако, мы должны предостеречь товарищей от некоторых видов спорта, которые могут привести к обратным оздоровлению результатам. Так, например, увлечение футболом—спортом не для детей—безусловно нельзя было культивировать в школе.

К. А.

Полугодовой отчет школы перед родителями и населением.

(Пос. Михайловский, Рубцовской округа, Курьинского района).

Наша школа отчитывалась в своей работе перед населением поселка и родителями учащихся. Этот день был днем народного образования в нашем захолустном поселке. В школу собрались не только родители учащихся и ученики, но и другие граждане, а также ребята из соседней Горловской школы, расположенной в двух верстах от Михайловки.

К отчетному собранию школа готовилась: ребята устраивали выставку, резвешивали по стенам «комплексную» проработку, начиная с осенних тем; совместно со школьным советом принимали участие в разработке плана выставки и отчетно-итогового собрания и сами внесли предложение, чтобы показали перед родителями их знания: устроили уроки чтения, счета и показали бы их тетради.

Собрание граждан и коллектива школы было открыто торжественным заседанием. Заслушан был краткий доклад завшколой о работе 1 и 2 группы и всей одноклассной школы в целом. Учеником III группы в порядке содоклада было сообщено, что ребятами пройдено и усвоено за полгода. Доклады демонстрировались выставочным материалом. Далее собрание увидело результаты работы новой школы на выступлениях своих детей: ребята свободно читали, писали и считали; на вопросы о прочитанном свободно и толково рассказывали, не извращая основной мысли автора. Чтение велось по книгам: «Сибирская Деревня», «Новая Деревня» и «Мы в школе».

Декламировали пройденные стихотворения и, наконец, инсценировали: «Мужичок с ноготок» и «Две старушки в кооперации».

Такая живая демонстрация результатов школьной работы вызвала у присутствующих живой обмен мнений и много вопросов: «Почему дети читают, а когда спро-

сишь буквы, они не знают?». «Почему нет наказаний?». «Зачем при школе организуется пионеротряд?». «Зачем школа вникает в хозяйство?».

В прениях, которые сводились к одобрению новой школы, выступил с характерным рассказом гр. Зимин. Он привел ряд отрицательных фактов из жизни старой школы и рассказал, как учился у дьячка.

«С трудом к концу года научился читать и писать свою фамилию—надо было суметь сложить: «Земля, иже-ж, мыслете, иже-наш-мин: Зимин!». Не давала старая школа ничего полезного, кроме как читать, писать, да считать!».

Нет и помина о законе божием, недоверия к новой школе. А ведь еще год тому назад один из делегатов на районном съезде советов из нашего поселка вносил предложение отменить в школе рисование, как никчемное новшество в школах!

Дети из соседней школы, при разборе выставочного материала, обменивались своими впечатлениями и все сравнивали со своей работой. Они в прошлом году учились в 1 группе у нас, нынче ходят в свою, вновь открытую школу; но не забывают нас и до сих пор поддерживают свою детскую дружбу.

Приятно смотреть на детскую дружбу, скрепляемую школьной скамьей!

Дети иногда и в рабочее время обмениваются у нас своими работами по школе. Михайловцы пишут горловцам в школу плакаты к праздникам и кампаниям, работают при их красном уголке, проводят громкие читки, участвуют в спектаклях...

Хорошо, если бы такая связь и дружба были среди учительства, тогда можно было бы смело сказать, что трудовая школа скоро оправдает свое назначение.

Увязка двух школ между собой и с населением была ясна присутствующим. Вынесена была резолюция по отчету школы, в которой говорилось:

«...Усилить через школу работу красной уголка, культсекции сельсовета; в нынешнем году обязательно построить школу; постараться ликвидировать неграмотность среди девушек через втягивание их в кружок рукоделия; удлинить учебный год до 1 июля с месячным перерывом для пахоты с 1 мая по 1 июня; без разрешения учителя не отрывать детей от занятий, следить за детьми, чтобы в школу ходили чистыми, а также соблюдать чистоту дома; с преподаванием по новым программам вполне все согласны».

Эти пожелания еще раз свидетельствуют о том, как школа вращается в общественную работу и быт деревни.

Собрание кончилось. Все довольны. В заключение—красная вечеринка: игры, несколько номеров гимнастики, хор...

А. Макаров

Работа с беднотой.

(Из опыта Мало-Имышенской избы-читальни, Ужурского р., Ачинской окр.)

Работа с беднотой, являясь одной из важнейших работ избы-читален, все же до настоящего времени ведется плохо.

В настоящей статье я поделюсь своим опытом за период с 1 октября 27 года по 1 мая 28 года. Сначала заведывающим избы-читальней была проведена подготовительная работа, заключающаяся в том, что была выявлена экономическая мощимость всего села и экономическая мощимость бедноты отдельно. Был учтен культурный уровень отдельных групп населения. Выявление проходило путем ознакомления с поселенным списком, через индивидуальное изучение бедняцких хозяйств и через актив избы-читальни. В результате проведенного учета выявлено, что в с. М.-Имыш, из 244 хозяйств—бедняцких 75, или 31 проц., середняцких—139, или 57 проц., и 30 хозяйств зажиточных, или 12 проц. На 75 дворов бедноты имеется всего сенокоси-

лок—6 (или на 15 дворов одна сенокосилка), плугов—48, лошадей—120. Из этого приходилось делать вывод, что беднота недостаточно обеспечена с.-х. машинами и живым рабочим инвентарем.

И в культурном своем развитии беднота отстала от других слоев населения. Это видно из следующих данных: неграмотных из зажиточных тридцати человек 3 человека, или 10 проц., из 139 середняков неграмотных 20 человек, или 11 проц., а из 75 человек бедняков неграмотных уже 45 человек, или 60 проц.

На основании проведенного изучения и был составлен план работы с беднотой. План носил следующие практические задачи:

- а) организация машинного товарищества;
- б) организация комитета взаимопомощи;
- в) проведение землеустройства;
- г) ведение культурной работы с беднотой.

Формами работы с беднотой избрали: проведение участковых и общих собраний бедноты. Село (75 дворов бедноты) разбили на 3 участка и к каждому участку прикрепили представителей ячейки партии и совета избы-читальни для руководства участковыми группами бедноты. Беднота на участковые и общие собрания вызывалась путем посылки приглашительных повесток, через школьников и актив избы-читальни. Местом проведения собраний служили крестьянские избы.

С 1 ноября 27 года по 1 мая 28 года проведено 14 участковых собраний бедноты. На них были разрешены, примерно, такие вопросы: а) организация машинного товарищества; б) организация льномяльной артели; в) вопросы кооперативов.

Общих собраний за этот же период проведено 12. Разрешены вопросы: а) проведение землеустройства; б) хлебозаготовительная кампания; в) самообложение на культурные нужды; г) организация комитета взаимопомощи и ряд других вопросов.

Как проводилась работа? Предварительно все вопросы прорабатывались на активе избы-читальни, а потом поручалось какому-либо товарищу подготовиться и подготовить материал. На собрания ставят доклад минут на 10-15, потом вопросы и доклад развертывается в широкую беседу. В конце—докладчик делает вывод. Как правило, на собраниях больше одного-двух вопросов на обсуждение не ставилось.

В избе-читальне для бедноты проведено 8 бесед и 10 громких чток по разным вопросам.

Результаты работы: а) организовано машинное товарищество, в состав коего вошло 8 бедняков; б) организовано свиноводческое товарищество, в состав которого вошло 6 бедняков; в) организована женская льномяльная артель; г) организован комитет взаимопомощи, который в посевную кампанию 1928 года организовал прокатный пункт с.-х. машин, посеял 8,74 гектара (8 десятин) посева и роздал бедноте 300 пудов (около 5 тонн) семян; д) самообложение проведено в размере 35 проц. к налоговому обложению; е) организовано 2 агитобоза с хлебом.

В обществе потр. на 1 мая 28 г. из 75 дворов бедноты состоят 75, или 100 проц., в кредитном т-ве 75 проц. и 50 проц. в маслоартели. Должен заметить, что работа избы-читальни не ограничивалась одной только формальной организацией бедноты; им и в дальнейшем была оказываемая требуемая помощь. Активность бедноты мы можем видеть из следующих сведений: в с.-х. кружке бедняков 15 чел., в драматическом 11, в селькоровском 8 и 4 человека в совете избы-читальни.

В бедняцкий поселок Ямки была выделена библиотечка-передвижка; там же было организовано групповое обучение неграмотных.

М. Суслов

Долой учительскую.

Читателю покажется смешным и наивным выдвигаемый мною вопрос: «Долой учительскую». Но если всмотреться в него глубже, то этот вопрос является одним из основных практических вопросов нашей стройки новой трудовой школы.

Старая школа широко применяла приспособление детей к школьным порядкам. Как средство поддержания авторитета, учитель всегда был от детей **изолирован**.

Классная система в старой школе требовала чиновничьего подхода к делу. Всем это известно. Поэтому там необходима была эта комната—**учительская**.

Отсюда, ясно, вытекает вопрос о переменах, об отдыхе учителя, о смене одного учителя другим, даже в однокомплектных школах.

Надо ли нам, строителям новой школы, придерживаться изоляции учителя от учеников? Нет, не надо. Новой школе учительская, как таковая, не нужна.

В самом деле. Всмотритесь хорошенько в школьную обстановку. Вам сразу бросается в глаза обособленность детей от учителя. Не будем говорить о школах повышенного типа. Я имею в виду только школу 1-й ступени.

Школа, где учитель является воспитателем, не должна представлять собою театра, с антрактами и кулисами. Учитель должен быть все время с детьми.

Загляните на минуточку в мою рабочую комнату N школы, сядьте вот тут, в сторонке. Сейчас придут дети... Вот уже первые ласточки здесь... вот еще и еще... Вы удивляетесь, как вежливо они здороваются с вами, как внимательны они к вам.

Пришел и учитель. Дети обступили его со всех сторон, стараются наперебой рассказать ему о своих впечатлениях. Учитель ловит... поймал общий интерес учеников, знают и дети, что учитель сегодня им расскажет много интересного о шумной и бурной Оби, о ее песнях и льдинах, стремительно несущихся куда-то вдаль.

— Почему это? Отчего она так освирипела, взломала лед, залила берега?!!

Учитель начал было рассказывать, но дети не дают ему сказать ни одного слова, они сами наперебой рассказывают о причинах... Их мысли также стремительны, как порывы бушующей Оби... учитель только, как берет, как русло, направляет эти потоки по желаемому пути. Дети уже красят, рисуют, пишут...

Нашлись смельчаки, желающие ехать в экскурсию: вычисляют стоимость билета, решают, умножают. А вон шустренькая девчонка роется в шкафу, ищет книжку. Нашла. Замолчала, слушают: она читает рассказ «На льдинах».

— Скоро ли перемена?—недоуменно спрашиваете вы у рядом сидящего вьюна.

— Перемена?... ее не будет до самых каникул!—ухмыляясь во всю рожицу, отвечает вам вьюн.

Вы видите, как дети усердно работают. Один начинает, другой уже кончает... Вот он соскочил с места, посмотрел, подтрунил над товарищем, подсказал другому и убежал из класса.

Учитель ходит от стола к столу, отвечает на вопросы, дает указания, где найти материал по интересующему ученика вопросу.

Вы приходите в ужас от беспорядка в классе. Никакой дисциплины, никакого внимания. Один закончил работу, куда-то сбегал, почитал, пописал... повертелся... соскочил с места, подбежал к окну и остолбенел.

Прошла минута, две, три... он все еще неподвижно стоит у окна, на его лице нет никакого выражения. Это момент умственного отдыха. Это инстинктивный акт самосо-

хранения. Успокоились анализаторы... Утихли доминанты... Мозговая система снова свежа и готова к восприятию сложнейших апперцепций. Это забвение было для ребенка естественной переменой.

Вот он снова в кругу детей. Снова принимает горячее участие в споре о прилете птиц, о гнездах и оперениях... о том, как он с отцом в прошлое лето на озерах много набрал гусяного пуха, и как дорого этот пух ценится на рынке... Прошло четыре часа, материал уже весь проработан; дети собираются домой. Одни—собирают кисти, краски, мел, книги в шкаф, другие—регистрируются, третьи—отмечают температуру. Так кончается трудовой день. Учитель встречает своих коллег, делится с ними своими успехами, недостатками. И, конечно, нет в этих мнениях разговоров о том, что у Педагег Ивановны курицы начинают класть яйца... что у Сидора Ивановича была милиция и вылила три ведра самогонки...

Вы разводите руками, тяжело вздыхаете и идете домой, проклиная свою инертность, косность и бессознательный консерватизм... Вместе с тем, вы не верите в успех пролетарской педагогики и педагога-педолога... Но вы готовы крикнуть: «Долой учительскую»!

Нельзя ради формальности бороться с законами педологии. Убивая интерес ребенка, мы этим самым убиваем «доминанту», нарушаем дифференцировку условных рефлексов. А ведь весь педагогический процесс есть последовательный процесс высших рефлексов, который основан на наиболее ярком очаге возбуждения.

Вот почему мы должны изжить перемены и главную виновницу их—старую кулсу—учительскую.

Г. Камень.

От редакции. Автор только затронул интересную тему о «внешкольной работе» с детьми, наметив один из небольших путей разрешения, далеко не исчерпывающих вопроса и несовершеннолетних. Ждем мнения читателей как по предложению автора, так и по сему вопросу.

Ф. Я. Бложис

„Островки чтения“ в деревне.

(Из практики Варюхинской школы 1 ступени, Коларовской района, Томского округа).

Кто будет оспаривать то положение, что ученики даже старших групп школы I ступени, в особенности в деревне, не умеют, в большинстве случаев, читать настолько хорошо, чтобы извлекать из этого чтения для себя пользу или, по крайней мере, получать при этом удовольствие?

Процесс чтения совершается у них обычно так трудно, что все внимание учащегося уходит на техническое преодоление текста, а содержание, суть прочитанного еле улавливается сознанием ребенка.

В то же время всякому понятно, что одна из самых первых задач школы—это научить ребенка пользоваться книгой, привить ему навыки находить в ней ответы на все интересующие его вопросы во всех обстоятельствах жизни, а главное в условиях деревенской школы—научить его извлекать из книги полезные и нужные сведения для улучшения своего хозяйства.

Если ученик по выходе из школы порвет связь с книгой или вообще с печатным словом; если он не вынесет из школы стремления пополнить свой небольшой запас знаний об окружающей жизни из доступных его пониманию книг,—в этом, несомненно, большой недостаток школы.

Если учащиеся выходят из школы с небольшим багажом знаний и навыков—это еще полбеда: при желании и доброй охоте полученное в школе зерно знаний можно взрастить путем самообразования (в наиболее простой и доступной его форме—чтения книг) в более или менее полный колос.

Но вот в чем сущая беда—и этой бедой так была богата старая школа: кончает ребенок начальную школу, приобретает кое-какие знания и навыки, а вместе с этим приобретает если не отвращение, то, по крайней мере, полное безразличие к хорошей и полезной книге.

Я подчеркиваю это—и хорошей и полезной книге, так как чтение каких-нибудь сказок, в роде «Бовы-королевича», «Конька-Горбунка» и других в этом же духе (а они кое-где в деревнях еще и теперь читаются) считаю делом не только бесполезным, но даже вредным.

Итак, школа должна привить учащимся интерес к книге, должна научить ребенка смотреть на книгу не только, как на средство развлечения, но и, как на средство к улучшению своей духовной и материальной жизни.

Одним словом, книга должна стать для него необходимым спутником и товарищем всей его дальнейшей жизни. Без этого невозможна культура широких народных масс, без этого школа не разрешит своей главной задачи—научить учащихся пользоваться данными науки и техники для построения своей и окружающей жизни на социалистических основах.

Но ведь беглое и сознательное чтение дается только в результате непрерывных, систематических упражнений в этом направлении в течение большого или меньшего периода времени.

Замечено, что те из учащихся, которые больше читают, не только овладевают лучше техникой чтения, не только пишут грамотнее других, менее охочих до книг, но и общее их развитие стоит выше последних.

Но тут-то мы, сельские учителя, при разрешении задачи—научить ребенка систематическому толковому чтению—и наталкиваемся на немалую помеху, заключающуюся в том, что в сельских школах детских книг бывает всего раз-два, и обчелся, а то даже и совсем их нет. Тут-то вот как быть!?

Варюхинская школа в отношении обеспеченности детской литературой не представляет исключений из общего ряда нормальных школ подобного ей типа, т.-е. в ней имеется десяток-другой книжек для чтения, более или менее отвечающих детскому пониманию и интересу.

Вместо того, чтобы распределять эти немногие книги для чтения между отдельными учащимися, я решил сделать попытку организовать детей для коллективного внеклассного чтения на-дому учащихся.

Для этой цели с согласия родителей учащихся было намечено в селе несколько «островков чтения», т.-е. домов учеников, куда мог вечером притти всякий желающий принять участие в чтении школьник.

Вот на эти-то «островки» я и давал материал для чтения, обыкновенно не больше одной книги на каждый.

Вскоре практика показала, что «островки» полезно бывает время от времени перемещать. Перемена обстановки, окружающей среды, при таком перемещении много способствует поддержанию интереса к вечерам чтения у детей, внося в работу разнообразие и новизну, что так отвечает детской психике.

Впрочем, чересчур частое перемещение «островков чтения» вредно отражается на их работе. Здесь, как почти везде и во всем, нужно соблюдать меру.

Порядок занятий в «островках» таков: дети выбирают из своей среды руководителя на данное собрание, который поддерживает во время чтения порядок, руководит очередью чтецов между участниками в чтении. На обязанности руководителя лежит, наконец, запись сведений о проделанной работе. В записи указывается, когда,

где и что прочитано (краткое содержание статьи, ее план или только просто название и автор—в зависимости от подбора учащихся в «островках»), а также фамилии и имена (для не школьников желательно еще и возраст) участников чтения. В записи принимают участие все дети.

Дети очень охотно посещают такие «островки», даже те, которые у себя дома в одиночку не имеют обыкновения брать книгу в руки.

Товарищеская среда, коллективная работа, непринужденность, царящая в «островках» (не в проницательном смысле этого слова, разумеется),—все это как нельзя лучше располагает ребят к такому вечернему времяпровождению. Даже такие, обычно малоинтересные для детей, книги, как, например, по сельскому хозяйству, читаются довольно добросовестно в «островках чтения». Таким образом, «островки» могут оказать ценную услугу при углубленной проработке программного материала.

Время от времени «островки» могут выдвигать из своей среды докладчика на тему проработанного материала. Доклады от «островков» ставятся на групповых и общешкольных собраниях, а также в соответствующих кружках и в избе-читальне. Для поддержания интереса в учащихся к таким вечерам чтения полезно иногда проводить беседу с ребятами на тему, как проходила работа в «островках», что мешало правильному течению ее, что из проработанного осталось еще для детей неясным и малопонятным. Раз в неделю, по крайней мере, не мешает учителю без предварительного предупреждения посетить один-другой «островок». Такое посещение «островка» учителем окажет благотворное влияние как на самих ребят, так и на их родных—взрослых, которые большей частью серьезно и сознательно относятся к таким собраниям ребят у них в доме, и часто сами принимают в них, если не прямое, то косвенное участие.

Учитывая свой небольшой, правда, опыт с организацией и работой «островков чтения», я пришел все же к некоторым выводам в этом направлении: «островки» могут, при правильной их постановке, послужить делу товарищеской спайки учащихся на основе коллективной работы вне стен школы; вызвать интерес к школе и втянуть в ее работу детей, не охваченных школой, переростков и даже взрослых людей.

Кроме того, в «островках чтения» дети, без помощи извне, организуют, проводят и учитывают свою работу. Таким образом, закрепляются у ребят навыки в организации коллективного труда, прививаемые в школе.

С введением в практику школы «островков чтения», мне удалось в значительной степени ослабить вредное влияние на детей господствующей в селе карточной игры «с интересом», поднять интерес к чтению, к книге. Заметно улучшилась, особенно в старших группах, техника громкого чтения учащихся. Думаю, что даже приведенных мною доводов в пользу организации таких «островков» достаточно, чтобы дать им право на дальнейшее существование.

От редакции. По мнению редакции, опыт внешкольной работы с детьми, описанный т. Бложис, заслуживает внимательного к нему отношения.

Несомненно, имеется опыт подобной работы и в несколько иных организационных формах.

Было бы желательно более широко обменяться этим опытом на страницах нашего журнала.

В. Федотовский

К организации горячих завтраков в школе.

(Сростинская райшкола, Бийского округа).

К организации горячих завтраков школа решила приступить еще с осени 1927 года. Однако, отсутствие средств, а главное—отсутствие помещения, где можно было бы оборудовать кухню, не дало возможности своевременно осуществить их организацию.

Несколько раз работники доказывали в РИК'е необходимость организации в школе горячих завтраков и просили об отпуске средств, но безрезультатно. РИК отнесся к этому безучастно и денег не дал.

Вероятно, воз и ныне стоял бы, если бы за дело не взялись пионеры. Разрешив в положительном смысле вопрос о завтраках на одном из сборов отряда, они обратились за помощью к делегатскому составу и комсомольцам. Делегатки в организации завтраков приняли живейшее участие: собрали 15 рублей. Комсомольцы же, пообещав поставить спектакль, на этом и успокоились.

На полученные от делегатов деньги приспособили под кухню единственное в школе помещение—холодные сени, сложили печь, купили котел и часть посуды. Часть посуды временно взяли в яслях.

Когда все было готово, приступили к варке пицци. Желающий пользоваться завтраками должен был или вносить за завтрак 2 коп., или приносить из дома продукты. Приносимые продукты вывешивались и в зависимости от количества и стоимости их устанавливалось число дней, в течение которых учащийся мог пользоваться завтраком. Дети бедняков получали завтрак бесплатно. Так как школа работала в две смены, то завтрак готовился в день два раза—к 12 часам и 3 часам дня. Завтрак состоял из супа с мясом или салом. Хлеб ребята приносили свой.

Всеми делами кухни ведала хоз. комиссия школы. Она же заготовляла и принимала продукты, вела им учет и назначала дежурных. Работа по кухне и приготовление пицци производились поочередно учащимися старших групп, под руководством прикрепленной учительницы. За чистотой кухни и посуды следила санкомиссия.

Таков был первый опыт организации горячих завтраков в Сростинской школе. Конечно, как опыт, он имел целый ряд ошибок, которые школе необходимо учесть и в будущем изжить. К ним нужно отнести: непригодность помещения столовой (завтракали в проходной комнате), недостаточность оборудования посудой, однообразие пицци и, наконец, что самое главное, неполный охват завтраками детей (из 337 человек завтраками пользовались только 150-200 чел.),—причиной чему служит выская плата (2 к.) за завтрак.

В. Летунов

Изда-читальня и сельская стенгазета.

Вопросы культурной революции, вопросы перевоспитания масс, перед сибирской действительностью стали во весь свой рост. Между тем, в глубине, в деревне получается явление, тревожащее лучшие просвещенческие силы: культурная работа отстает от темпа экономических переделок. Работа просветительных деревенских организаций и учреждений отстает от бега дня.

Количественно дело, как будто бы, движется хорошо. Вот пример: Завьяловский район (Каменского округа) в 1926-27 уч. году имел 13 школ, в 1927-28 г.—22 школы. Это ли не рост! Но дело с качеством работы обстоит худо.

Но по линии союзов работа идет все же интенсивно, улучшения видны простым, невооруженным глазом*). Не то в отношении внешкольной просветработы. Избы-читальни работают плохо (в общем). Кружки при них спят. Не реже—они совсем не существуют.

Когда-то ходовой фразой было: «Изда-читальня должна стать штабом культурной работы на селе». Но она этим штабом—штабом деловым, чутким, гибким, в массе своей еще не стала. В этом нас убеждают результаты большого и трудного испытания, которое пришлось выдержать всему нашему аппарату, а в частности просветительному. Это испытание—ряд кампаний (распространение займа, рационализация кооперативов, самооблажение, хлебозаготовки). В большей степени слабая работа избы-читален объясняется низкой квалификацией кадров избачей, которые набраны из малограмотного деревенского актива. У них масса работы, масса бланков, форм и т. д. Ведь послушать только, что говорится на курсах избачей; нужен и учет, и кружковая работа, и работа по учету запросов на книгу, и продвижение книги в массы, и работа в библиотеке, с газетой, письмом заявлений и пр., и пр., и пр. Работы в общей сложности много; больше, чем выполнимо для хорошо грамотного, развитого человека, во всяком случае больше того, с чем может справиться избач. Он мечется между всеми этими работами, хватается за все сразу, в итоге же получается целая система (сложная очень) дыр в работе. Деревенская масса идет в изда-читальню, идет хорошо, но частенько неналаженность работы опрокидывает эту волну обратно.

Итак, у нас дилемма: как ухитриться, чтобы наши избы-читальни работали удовлетворительно? Здесь необходимо применить индивидуальный подход к каждой избы-читальне, учитывая все ее возможности и особенности. Необходимо добиться планирования работы, проверяемого свыше; у нас же получается, что план лежит в старых делах избы-читальни или еще где-нибудь. Та же история была раньше с планами союзовскими, теперь же, с оживлением работы школьных советов, этот недостаток изжит.

Индивидуальный подход к каждой избы-читальне даст возможность создать такое положение, что она будет своевременно реагировать на каждый более или менее серьезный факт экономического и культурного порядка.

В связи с нынешними кампаниями сельская общественность предъявила к избы-читальне большие требования, так как эти кампании базировались на сугубой сознатель-

*) Качество работы союзов тоже страдает. Ред.

ности крестьянина (особенно распространен займа, самообложение, хлебозаготовки). И, вполне естественно, оказалось недостаточное внимание к избам читальням; они далеко неблестяще били по сознательности деревни. Практика показала значительный факт; там, где избы-читальни работали хуже, больше было применено мер административного воздействия, и наоборот.

Эта обратная пропорциональность говорит, что в отношении деревенской работы мы **уперлись в качество работы**, это надо подчеркивать и видеть и не понимать избы-читальню, как «по штату положенное», почти ненужное, учреждение. Некоторые окрОНО намечают в нынешнем году замену райполитпросветорганизаторов своими инспекторами. Это мероприятие—дельное и своевременное. Только этих инспекторов не надо обременять работами по другим линиям; освобождение от побочных работ при рационализации изб-читален окупится с приличным избытком.

Но этого мероприятия мало; нужно за улучшение работы изб-читален взяться всем районным органам, просвещенцам, общественности.

Говоря о работе изб-читален, необходимо отметить слабую работу советов изб-читален. Они часто **совсем не существуют**.

Не лучшее дело и с сельскими стенгазетами. Они превратились в какое-то нудное для всех дело, в тяжелую необходимость. Издаются они, примерно, так: раз в месяц редколлегия собирается, обменивается вопросами, есть ли у кого из ее членов материал для очередного выпуска. Где есть ящик для корреспонденций—лезут в него. Но это все с одинаковым успехом: материала нигде не оказывается. Редколлегия приходится идти к руководителям учреждений, ловить людей за пуговицы с просьбой написать «что-нибудь». Иногда ищутся повестки с предложением в трехчасовой срок приготовить материал. Но материала все же поступает недостаточно. Тогда редколлегия садится и занимается «воспоминаниями», не было ли за последнее время чего-нибудь интересного, показательного. Наконец, после двух ночей непрерывной работы, номер окончен, вывешен, около него собираются кучки крестьян, читают. Редакторы ходят с заспанными глазами, жалуются на головную боль, но на лицах—блаженство: на целый месяц гарантированы, что трагический факт издания газеты не повторится.

Действительно, нудная работа! А сколько в этих газетах «халтуры»!

И, как правило, в конце каждого номера жалобно-привычное:

«Товарищи, пишите в свою газету!».

(Из 52 газет, просмотренных мною перед написанием этой статьи, только в 4 не встретилось этой фразы).

Стенгазета часто не может поймать нужной, «бьющей, живой формы изложения»; длинные статьи не читаются. Часто в газете нет «гвоздя»—отклика на сегодняшний, волнующий всю деревню, вопрос, около которого общественность концентрирует все силы. Газета не бывает согласована со своими издателями (сельсоветом, ячейкой ВКП (б)).

Все эти недостатки изжить можно, если к редколлегиям предъявить требования, предварительно разгрузив ее членов от другой работы или сняв с них часть другой общественной работы. Хорошо прикрепить к газете какого-нибудь работника, обязав его дело издания газеты поставить, как надо. Только при серьезном отношении к организации редколлегии можно увидеть серьезную работу стенгазеты.

Один экземпляр газеты деревню не удовлетворяет, у ней несколько пунктов сборища: кооперация, «молоканка» (здесь вечерами вся молодежь налицо), кредитное товарищество, сельсовет, в **некоторых** селах—изба-читальня. Почему бы редколлегии не издавать 5-6 экземпляров?

Нужно приобрести шпирограф, который стоит немножко дороже червонца. Для более быстрого хода работы редколлегии необходимо иметь **свой** клей, **свои** кисточки, **свои** краски, перья, ножницы (все это, обыкновенно, достается на время в разных

местах беготня занимает добрый кусок времени). Почему не сделать 3-4 витрины хотя бы самого примитивного вида? Витрина приучает граждан к определенному месту; вырабатывается новая традиция: идя куда-нибудь, крестьянин привыкает «зайти на витринку», почитать или послушать.

В горячее время стенгазета может (да иначе и нельзя) носить характер листовки и даже просто ряда бумажных ленточек, наклеенных на витрину. На этих ленточках кратко и ясно написаны отдельные факты. Листовки и ленточки дают возможность держать в известности население именно о сегодняшних и вчерашних делах в буквальном смысле.

В отношении сбора материалов дело можно наладить еще легче, если их собирать возьмется сама редколлегия, не ограничиваясь вывешиванием ящика. Материал нужно собирать ежедневно на совещаниях, заседаниях, в учреждениях, из разговоров с гражданами и тщательно фиксировать. Материала в деревне тьма, только нужно научиться его видеть. Потом деревня привыкнет, что каждая мелочь ее жизни отражается в газете и листовке, газета постепенно **войдет в быт**, материал «повалит» сам.

В районном селе издание стенгазеты можно поставить особенно хорошо. Материал нужно брать в районном масштабе. Окружная газета всего отразить не может, в нее просачиваются только наиболее крупные факты. В райселе же можно собрать массу материала. Листовки во время кампаний необходимо забрасывать и в крупные села, чтобы создать общерайонный фронт работы.

Ниже я привожу одну из завьяловских кампанейских (хлебозаготовительных) листовок. Ее нельзя понимать, как образец (в ней много недостатков, на которых остановимся ниже), а как опыт создания повседневной, ударной деревенской прессы.

М 19

19 июня. «Новости дня».

Листовка газеты «Красный Рубин»

1928 год.

2. Равняйтесь по Гилев-Логу и Закладному!

(Из беседы с уполномоченным окрИКа т. Корзаловым).

Хлебозаготовки в районе идут успешно. Некоторые села заканчивают выполнение плана. Гилев-Лог идет впереди всех. Сегодня он заканчивает свой пятнадцатитысячный план. За ним идет село Закладное, оно в эту пятидневку заканчивает свой план. Хорошо дело идет в Дубровино и еще целом ряде сел. Хлеб поступает хорошо: вчера в Романово поступило около 100 центнеров. В Закладном—40 центнеров. В Глубоком—60 центнеров. В Гилевом-Логу—75 центн. По сравнению с другими селами в Завьялово дело обстоит гораздо хуже: вчера поступило только 20 центн., несмотря на то, что Завьялово располагает всеми данными на хорошую работу актива. Остается последнее усилие, и план будет выполнен. Завтра Завьяловский актив должен сдержать свое обещание и заготовить 60 центн. В районе и в самом селе Завьялово среди учительства заметно желание удрать 20 июня. Это дело никуда не годится: сейчас нужно напярчь все силы, и долг учительства, как общественного и профсоюзника, остаться на местах до 1-го июля.

и т. д.

Листовки с внешней стороны непривлекательны; большие листы, заголовки сделаны на шпирографе, текст—на машинке. Нет рисунков, нет вишенок. Приходится сделать вывод, что в стенгазете и в листовках внешний вид **неважен**, важна дельность, насыщенность злобой дня. В газетах, приуроченных к торжествам, совсем другое дело: там художественность должна быть выдержана как можно строже.

Недостатками этих листовок можно считать следующее:

1. Кроме кампанейского материала, в них ничего нет, они слишком односторонни. Это объясняется неналаженностью редколлегии, которая управлялась только с одним вопросом дня, на остальные же нехватало сил.

2. Сама форма неудобна для чтения; листовка получалась длинная; для того, чтобы прочесть верхние строки, нужно становиться «на цыпочки», чтобы прочесть, нижние—нагибаться.

Но известные достижения есть; листовка берет самый боевой вопрос, печатает факты, совершившиеся час-два тому назад, есть последовательность (в одном номере углубляется и глубже освещается то, что писалось в прошлом), листовка выпускается в 16 экз. и забрасывается в глухие места села и даже в другие села.

Эта листовка хорошо помогла в организации общественного мнения (среди крестьян и актива) вокруг кампаний, создала в селе нужное напряженное состояние.

Говоря о стенгазетах, нельзя обойти молчанием вопрос о кружке стенкоров. Практика доказывает, что эти кружки жизненны, если только редакция сумеет к каждому начинающему стенкору подойти опять-таки индивидуально, на первых порах показав ему объекты для его заметок. Необходимо чаще устраивать совещания селькоров; этим самым селькоров крепко будут связаны между собою и газетой; кроме того, частые совещания воспитают в стенкоре сознание, что дело издания газеты—важное дело, отсюда: роль селькора на создающего общее дело—газету, огромна.

Изба-читальня и стенгазета—не мелочи; это—пункты, базы культурной революции в деревне. Каждому просвещенцу, активисту, каждому общественному работнику надо уметь видеть значение их во всей их широте, рассмотреть это значение за зашлепанными, замазанными привычными силуэтами «работы в избе-читальне» и «работой в стенгазете», снять с этих понятий шелуху трафаретности.

Практика показывает, что теперь прошло время ссылки «на неблагоприятные условия»; в одних и тех же условиях можно сделать совершенно разные достижения.

Многое (почти все) зависит от самих работников, от их понимания момента, от их целеустремленности.

П. Запорожский

О школьном строительстве.

(Из блокнота инспектора).

Нужда сельских районов в школьных зданиях всем известна и очевидна.

«Для проведения основной работы по всеобщему обучению требуется построить 4000 школьных зданий, имеется же у нас 6215. Вполне пригодных из этих зданий насчитывается 2215, непригодных 4000. Всего, таким образом, к моменту введения всеобщего обучения 8.000 школьных зданий»*).

В этом году крупным подспорьем местному бюджету явилось самообложение населения на культурные нужды. В некоторых округах оно почти целиком направлено на дело школьного строительства. Так, в Барнаульском округе на школьное строительство из сумм по самообложению запроектировано 183 тысячи, а в Славгородском даже около 600 тысяч рублей!..

Спрашивается, как же используются средства, отпускаемые на школьное строительство?

Ознакомление в нескольких округах со школьным строительством говорит о чрезвычайно разнообразном подходе к этому делу со стороны окрОНО и окружных организаций.

* Из доклада т. Голышева на мартовском пленуме Крайкома ВКП (б.).

Славгородский округ. Из средств Цекомбанка дано 25600 р. и средств самообложения до 600 тысяч рублей.

Постройки намечены в 72 пунктах округа. При этом средства Цекомбанка используются, как сюда местному строительству и как экономический регулятор, побуждающий РИК'и, сельсоветы и население выполнять типовые планы и другие требования окрОНО и ОМХ'а. Правда, этих средств далеко нехватит на кредитование всех построек, поэтому, по мнению окрОНО, и в нынешнем году будет не меньше половины построек с отступлением от типового плана, несмотря на строгие директивы окрисполкома: «не строить курятников», не распылять средства по мелочам.

Постройки ведет ОМХ'а, но и окрОНО не слагает с себя ответственности.

В смысле технического надзора за школьным строительством округ поделен на четыре участка, имеющие по одному технику. Во главе строительной комиссии стоит зав. окрОНО.

Эта организация школьно-строительного дела должна быть признана наиболее целесообразной.

В **Барабинском округе** состояние школьного строительства школ значительно хуже. В городе должна быть построена 4-х комнатная школа стоимостью в 16 тысяч рублей, но ОМХ'а «позаимствовал» эти деньги на постройку барака и неизвестно скоро ли их высвободит.

В сельских районах намечена, за счет местного бюджета, постройка четырех школ. Однако, во время обследования реально строилась только одна школа. Остальных построек, как выяснилось, в течение этого лета не будет, из-за отсутствия или плохого качества строительного материала.

Между прочим, Барабинским лесзагом лес доставляется сырой, суковатый, неочищенный от коры.

Качество работы ОМХ'а недалеко ушло от лесзага. На все постройки в округе ОМХ'а имеет только одного техника. ОМХ'а отказывается принимать новую нагрузку наблюдения за школьным строительством.

В Н.-Красновском к моменту нашего приезда заканчивался сруб постройки. Работа двигалась очень быстро. Но и тут дело не обошлось без промахов и изъянов. Первым промахом строителей был выбор места. Школа оказалась втиснутой в узкую и грязную Н.-Красновскую улицу в центре села. А между тем, на задах этой же улицы имеется прекрасный пустырь и рощица из тополей, около которой школа могла бы располагаться свободнее и лучше.

Спрашиваем: «кто выбирал место под школу?» — Говорят: «так пожелали граждане».

— «А кто говорил по этому вопросу с гражданами?» — «Член РИК'а Трубачев...».

Когда в последствии мы спросили Трубачева, тот ответил: «А что с ними поделаешь, так пожелали крестьяне».

По этому ответу можно сделать простое заключение: **вопросом о выборе места под школу никто не занимался как следует и никто не старался доназвать крестьянам всю невыгоду выбранного ими места.**

При первом же взгляде на постройку обнаружилось, что окна вырубались только на одной стороне, и школа оказалась обращенной окнами к северу, в грязную улицу. Но стоило только повернуть на месте ту же постройку, и из окон открылся бы вид на пашни и огороды. Однако, РИК не попытался провести выполнения этих элементарных требований.

Что же делает окрОНО и какова его роль в этом деле первостепенной важности? Почти ничего. Роль окрОНО чисто созерцательная. В окрОНО строительство школ считают переданным в «ведомство» ОМХ'а и ждут.

Положение в Ачинском округе недалеко отошло от Барабинского. В 1926-27 г. здесь на средства Цекомбанка начаты постройки школ в трех селах, две не достроены,

а одна не начата опять таки из-за несвоевременного отпуска леса. По поводу последней постройки была очень длительная бумажная волокита, в которой окрОНО обвиняет окрЗУ, а этот последний—окрОНО, и оба они—Хакасское Зем. Управление.

Окрисполкомом создана строительная комиссия во главе с зав. ОМХ'а, но эта комиссия еще ни разу не собиралась.

Как используются средства самого населения на строительство—никто не знает и не может сказать, ибо... никто как следует строительством не занимается.

Выводы и предложения. В таком положении дело оставить нельзя! Нужно —

1. Ускорить темп школьного строительства с таким расчетом, чтобы все одно-комплектные постройки закончить к началу учебного года.
2. Усилить технический надзор, требовать безусловного выполнения типовых планов и санитарно-педагогических норм.
3. Обеспечить доставку во-время и доброкачественного строительного материала.
4. К выбору места под школу и наблюдение за ходом строительства привлечь районинспектуру просвещения, учителей, врачей, членов школьных советов.

Таковы решения и местных организаций по нашему докладу. Но эти решения останутся на бумаге, если в выполнение и проверку выполнения директив не будет вовлечено массовое учительство и культурный актив села: члены школьных советов, культурных секций, комиссий при сельсоветах и РИК'ах. Только их участие поможет избежать допущенных уже кое-где ошибок, поможет двинуть строительство нужным темпом.

Андрей Кручина

Люди без языка и слуха.

Детей глухонемых, не охваченных школами, по Сибири насчитывается до 3.000 чел.

На всю Сибирь имеется только три школы для глухонемых: в Томске, в Красноярске и в Иркутске. Эти три школы охватывают не более ста человек, что составляет, конечно, крайне незначительный процент по отношению к общему числу глухонемых—детей, желающих получить начальное образование. Острая нужда в открытии новых школ в Новосибирске, Омске, Барнауле и др. городах остается неудовлетворенной по целому ряду объективных причин, как, например, недостаток педагогов-специалистов, отсутствие средств и проч.

Существующие по городам Сибири объединения глухонемых, являющиеся филиалами ВСОПГ (Всесоюзной организации глухонемых), в материальном отношении мало-мощны и не в силах продвинуть вперед неотложные задачи просвещенческой работы.

— Из слов составляется речь, из речи—наука, а наука это счастье. Но легче верблюду пролезть сквозь игольное ушко, нежели глухонемому получить высшее или хотя бы даже среднее образование,—с горечью как-то сказал один из преподавателей томской школы глухонемых.

Что же собой представляют существующие в Сибири школы глухонемых, что эти школы дают своим ученикам?

Лучшей по постановке дела считается красноярская школа. Помимо обучения грамоте, здесь практикуется преподавание ремесел, что особенно важно и ценно для подростков-глухонемых. Столярное, сапожное, переплетное ремесла и являются лучшими помощниками в жизни глухонемого.

Преподаются ремесла и в недавно открытой школе глухонемых в Иркутске.

Исключение составляет томская школа. Вообще эта школа на особом положении, на положении своеобразной беспризорности, и об этом стоит поговорить подробнее.

Школа существует на средства местного бюджета, к тому же средства весьма ограниченные. Например, когда осенью 1927 г. в Томск приехал для работы специалист—сурдо-педагог—ему в конце концов пришлось уезжать обратно. Томское окрОНО не нашел возможности дать сурдо-педагогу повышенную ставку. Существующая в пределах сметных возможностей обычная ставка учителя школы 1 ступени с нагрузкой за заведывание сурдо-педагога не удовлетворила. Разговор с окрОНО шел о разнице, выражающейся в нескольких рублях.

Об организации при школе учебных мастерских пока что не приходится и мечтать, тем более, что школа до сих пор не имеет своего помещения и пользуется гостеприимством одной из городских школ II ступени.

При такой обстановке не только развешивать работу, но и вообще-то работать по меньшей мере трудно. В результате—несмотря на то, что школа существует уже более трех лет, мало кто знает о ее деятельности, даже о самом факте ее существования.

Учащихся в школе в двух группах 27 чел. в возрасте от 7 до 16 лет. Занятия в школе ведут 2 учителя, из которых один глухонемой, окончивший в Ленинграде среднее учебное заведение для глухонемых. Самая трудная работа с учениками первой группы. Весь учебный год затрачивается на усвоение азбуки, произношение звуков и на первоначальное словообразование, при чем ученики усваивают за год до 250 слов, главным образом, по движению губ или, как в школе определяют этот метод учебы,—«читают с губ».

Известная поговорка—«молчание—золото»—в школе глухонемых теряет свое значение. Здесь «золотом» считают возможность говорить. Нужно видеть, с каким воодушевлением глухонемые произносят первое слово или даже одну букву, чтобы понять какое важное значение имеет для глухонемых подобный способ преподавания.

Первая группа проходит также устный и письменный счет до 15, с решением в пределах этой суммы простейших задач на сложение и вычитание.

Вторая группа уже учится произносить фразы, проходит первые четыре действия арифметики.

В томской школе в истекшем году были ученики из Бийска, Семипалатинска и др. отдаленных пунктов. Но не каждый имеет материальную возможность ехать учиться в Томск или в Красноярск за сотни верст.

А нужда в школах глухонемых в Сибири огромна. Необходимы школы глухонемых в Новосибирске, в Омске, Барнауле и т. д.

Если люди без языка и слуха не смогут получить дар речи и слух, то знания они получить должны и имеют право требовать предоставления им возможности широкой учебы грамоте и ремеслам, чтобы войти в жизнь не беспомощными калеками, а полноправными членами трудовой семьи.

П. Винокуров

Письма из райцентра.

1. О райцентре.

Восемьсот дворов в живописном беспорядке разбросаны в долине кристально-чистой реки Бии. Напротив Новикова, за рекой утопает в зелени садов большое село Соусканиха.

Новиково насчитывает 4.500 душ населения.

Жители новиковского райцентра с оттенком в голосе явного достоинства вам поведают, что их село—настоящий райцентр: в нем два десятка различных учреждений; с неизменными райприставками: райком, райисполком, райЗУ, райветпункт, райследователь, райсудья—и много других. Есть даже свои союзы—сельхозрабочих и совторг-

служащих — не важно, что союз с.-х. рабочих в районе с 40-тысячным населением, объединяет... 400 батраков. Все же союз, при том председатель, секретарь и собственный Дом Союзов имеется. В просторных домах, с броскими вывесками, разместились агропункт, ветпункт, районная больница. Много скромнее помещение школы семилетки. Впрочем, на площади, бок-о-бок с церковью, медленно, но уверенно вырастает сруб большой новой школы.

На базарной же площади притулился склад-магазин кредитка, а напротив красуются пахнущие свежим лесом хоромы потребилковки. Это, пожалуй, лучшее сооружение в селе. Сельчане называют потребилковку не иначе, как «наш магазин». О том, что представляет собой этот магазин, речь будет особо.

Два квартала от площади вы натолкнетесь на гнилую развалину, с заколоченными окнами. Это филиал маслозавода, расположенного в соседнем селе Соусканихе. Здесь резиденция новиковского уполномоченного маслозавода.

Заслуживает быть особо отмеченной сама базарная площадь райцентра. Окаймленная потребилковкой, избой-читальней, зданиями райкома, РИК'а, медпункта, она служит центром политико-экономической и общественной жизни.

Площадь оживает ровно в восемь утра, когда гостеприимно распахиваются, под лязг засовов, двери кредитки и магазина. Здесь и возле медпункта скапливается множество кошевок и телег.

Вечером площадь принимает другой вид. Она оглашается задорными голосами «комсы», подвигающиеся на физкультурной площадке. В праздник на физкультуру приходят поглазеть десятки, а иногда сотни степенных мужиков и расфранченных цветным ситцем крестьянок. В стороне, возле трибуны, неизменно появляется мороженик. Он бойко торгует на деньги и в обмен, на яйца. Кстати, о трибуне. Она вся заклеена множеством плакатов, листовок. Наклеивает всякий — кому не лень. Под чьим надзором находится содержание этих наклеек — трудно сказать.

2. В культурных дебрях.

Служит ли сельская интеллигенция проводником советской культуры в крестьянство? Оказывается, служит в очень ничтожной степени.

В селе два десятка различных районных организаций, и если взять только по одному умному человеку из каждой — и то два десятка наберется. Кроме того, село просвещает 9 учителей, целое методбюро существует. Однако, жалуется райком, положительно не на кого опереться в деле разрешения культурных проблем.

Одни замкнулись в свою ведомственную скорлупу — это категория двадцатников. Другие не выполняют даже своих прямых обязанностей и больше ударяются по винной части. К лику таких угодников принадлежит районный агроном и целая плеяда его единомышленников. Третьи, по натуре честные люди, с общественным уклоном, но отмеченные печатью внутренних трагических переживаний. Эти люди и рады бы быть полезными советскому обществу, они готовы с головой уйти в полезное дело, но не знают, как к нему подойти. Большинство сельских учителей, по справедливости, следует отнести к разряду этих беспомощных людей.

Секретарь райкома пояснил мне, где коренятся причины трагической раздвоенности этих людей. В них сильны еще пережитки прошлого. Они, отплыв от одного берега, не причалили к другому, и отсутствие классового чутья, интуиция мешает им понять сущность социалистического строительства, осознать задачи культурной революции. Секретарь райкома говорил со мной убежденно искренним тоном. Но я не убедился в правоте его умозаключения и пришел к другому выводу.

Личные наблюдения привели меня к другому анализу. Сельрайком и советская общественность в целом не сумели еще найти точек соприкосновения, деловой смычки с сельскими культурниками. Ибо трудно поверить, чтобы культурная молодежь (а в селе есть и такая, составляющая часть учительства и аграротников) в равной степени со

стариками, с людьми, воспитанными на дореволюционных дрожжах, не могла воспринять, усвоить пути социалистического строительства и культуры.

Безучастие этой небольшой горстки интеллигенции в делах преобразования деревни на советский лад тем более обидно, что мы не умеем использовать эту **явно меньшую**, но лучшую часть культурников. Значительная же часть сельской интеллигенции, воспринявшей Октябрь молчаливо, без энтузиазма, не только не участвует в общественной работе, в делах великой культурной стройки, но даже не может противостоять уродливым антиобщественным явлениям в собственной среде.

* * *

Однажды весь район облетела весть о чудесной ворожке «учительки» из села Лебяжьего. Эта учительница (именно учительница из села Лебяжьего), пользуясь летними каникулами, действительно занялась побочным заработком, при чем поприщем своей деятельности, не задумываясь, она избрала, по ее выражению, «мир чудес и загадок, мир таинственного и неразгаданного». Она занялась не просто шарлатанством, свойственным любой рыночной цыганке, а шарлатанством ярко похабного пошиба.

Излюбленным объектом ее ворожки были дела любовные. Ворожея привычным взглядом окидывала свою клиентку и, убедившись в ее мистической покорности, глухим голосом приказывала:

— Возьми, милаша, пот со срамного места, натри себе губы и щеки, и тогда любимый твой сразу собьет свою спесь, и делай с ним что хочешь.

Клиентура чародейки приняла солидные размеры. Успех ее обеспечивался женской половиной сорокатысячного населения района. Ворожея принимала не только на дому, но и гастролировала по ряду сел и деревень.

Районные власти, узнав о подвигах учительницы, забили тревогу в Бийском округе. Оттуда последовал невозмутимый ответ:

— Смену дать не можем, нет людей. Примите меры воспитательного и дисциплинарного порядка на месте. Обходитесь наличными кадрами.

Ну, стоит ли комментировать столь классический ответ?

* * *

Или вот взять агрономических работников. Не только крестьяне-единоличники, но и коммунары, работники совхозов, ни на йоту не пополняют свои технические познания в области сельского хозяйства. Никто их к тому не побуждает или просто некому ими руководить.

А что делают агроработники, восседающие в райцентре?

За последние полтора года в селе сменилось 3 райагронома. Один пробыл полгода, не выдержал тоски деревенской и, под предлогом болезни, уволился. Его преемник оказался хорошим поседой-канцеляристом, но дальше четырех стен своего кабинета в агроучастке не сделал ни шагу. И когда на с'езде советов его критиковали, он обиделся и укатил в Бийск. Несколько дольше задержался ныне здравствующий агроном. Задержался... на горе-несчастье районных властей и крестьянства. Неоднократно были случаи, когда его посылали в об'езд коммун или сел по срочным делам землеустройства, сева, а он, выехав за село, менял направление и по неделям пропадал на охоте, на рыбной ловле. Бывший белый офицер, он в окрестях на хорошем счету, и там слышать не хотят о его отзыве. Несменяемый помощник агронома—неисправимый пьяница. Агропункт в целом не принимает должного участия ни в пропаганде агрознаний, ни в коллективизации.

Я не склонен распространять это печальное положение агроработы на другие районы. Согласен, что Новиково в этом смысле редкое исключение. Но наши районщики, руководители политической и экономической жизни района, не научились, а кое-где и не пытаются научиться, работу сельского агронома, учителя, землеустроителей направить в должное русло, на потребу социалистической стройки.

В самом деле, если агронома обуяла, по его выражению, тоска звериная, и он ударяется по пьяной линии или служебное время, не говоря уже о досуге, убивает на рыб-

ную ловлю, то это значит, что он слишком далек от пафоса будничной работы, этой работой он не захвачен, она, протекающая по неправильному руслу канцелярских отчетов, балансов и статистики, его не интересует.

* * *

Руководители района от разрешения проблемы культурной революции отстоят на весьма почтительном расстоянии. Секретарь райкома, в беседе со мной, откровенно сознался, что в районе даже не знают, какими орудиями борьбы с темнотой, с бескультурьем они располагают. Характерный факт: собралась районная конференция по политпросветработе и, сколько ни билась, не могла определить количество находящихся в районе красных уголков. По одной версии, их 12, по другой—18. А некоторые смельчаки утверждали, что вообще нет ни одного уголка. Есть невзрачные хибарки, наивно прикрывающие свою пустоту неграмотной аляповатой вывеской «Красный уголок».

На весь район четыре избы-читальни. Одна из них—в селе Новиково, районная так называемая опорная изба. Я лично убедился, в каком запустении находится эта опорная изба. Правда, мои наблюдения относятся к летнему времени, но это было в промежуток между окончанием полевых работ и началом покосов, в период, вполне благоприятствующий оживлению культработы. Каждый вечер возле избы, на крыльце и в самой избе, в зрительном зале, скапливается десятка четыре-пять праздных людей, ряно лгузгающих подсолнухи. Это все, что люди могли делать. Молодежь и в первую голову комсомолия тщетно осаждают скованные замком двери библиотеки. Оказывается, библиотекарша уехала на месячные курсы по переподготовке, и никто не сообразил, вместо нее, посадить, хотя бы на вечерние часы, грамотного человека. Бедная опорная изба, бедные ее посетители!

На площади горделиво высятся внушительных размеров четыре мачты мощной радиостанции. Они видны из окрестностей в радиусе на десяток верст.

— Но что толку в радио,—раздраженно говорят в группе беседующих со мной комсомольцев.—Молчит оно—и basta. Сначала, как поставили мачты, полгода ждали аппаратуры. Механик-радиот сбегал от безделья. Появилась аппаратура, негде взять радиста. Итак, по сей день найти не можем. Бийск тоже не обещает.

Заметим, что в селе никто еще не догадался создать кружок радиолюбителей. И каждый, по натуре, радио-любитель, а таких немало, прокликает раздражающую своим молчанием радиоустановку и тех, кто ее выдумал. Легко представить себе, как в таких условиях наглядно пропагандируются достижения советской радио-техники.

Вот и весь скромный арсенал, все человеческие и материальные ресурсы, вооруженный и подкрепленный которыми центр крупного района должен выступить на борьбу за культуру. Насколько серьезно райцентр сплачивает свои силы для организованного выступления на важнейших участках культурной революции, пусть ответят сами читатели.

Село Новиково, Бийского округа.

Л. Ушатский

На переломе нашего быта.

(В порядке обсуждения).*

II. Общественная работа.

Общественная работа, без которой немислимо новое строительство деревни, всей своей тяжестью лежит исключительно на учителе. Громадное большинство учительства горит на этой работе. Но, к сожалению, надо констатировать это, есть отдельные единицы из нашей среды, упорно не желающие пальцем пошевелинуть в этом направлении. Эти «овцы» нашего стада не портят его, но тем не менее наличие отдельных учителей

* См. № 7-8 журн. «Просвещ. Сибири» за 1928 г.

необщественников ложится темным пятном на всем нашем союзе и дает основание для близоруких политиков обвинять на основании двух-трех фактов все учительство в антиобщественности.

Против учителей антиобщественников должна вестись борьба со стороны самих же учителей. Надо употребить все меры воздействия в данном направлении. Это воздействие может принести очень хорошие результаты. Как на пример, можно сослаться на Вагайскую ж.-д. школу (Омская ж. д.), где двое учителей—Н... и З... всячески чурались общественной работы. На них надели как следует, протерли, что называется, с песком на ряде собраний, и теперь они работают в общественной плоскости.

Учителю необщественнику не место в советской школе. Этот принцип должен проводиться в жизнь с самой твердой последовательностью, и в этом отношении обеспечена полная поддержка наших профсоюзных органов.

Наши административные органы правильно учитывают такое антиобщественное настроение некоторых учителей и не останавливаются даже перед снятием их с работы.

Очень характерен в этом отношении приказ отдела просвещения Омской ж. д. от 2 февраля текущего года.

«При выявлении состояния—гласит приказ—первой семилетней ж.-д. школы ст. Петропавловск установлено следующее:

1) неправильные взаимоотношения администрации школы с общественно-политическими организациями; 2) имеется ряд фактов неправильного администрирования зав. школой т. Сюмак; 3) ряд вопросов школьной жизни принципиального значения проведены администрацией школы без широкого ознакомления родителей и общественных организаций, благодаря чему мероприятия, целесообразные в постановке учебной части школы, часто истолковываются неверно; 4) заметны нездоровые тенденции.

Эти основные моменты говорят о невозможности дальнейшего руководства школой т. Сюмак. Исходя из указанного выше, завшкской т. Сюмак от занимаемой должности освобождается. По окончании сдачи дел, т. Сюмак использовать временно преподавателем данной школы».

Из этого приказа ясно видно, что жизнь школы шла совершенно оторванно от местных общественных организаций и, следовательно, имела определенный антиобщественный уклон. И увольняя т. Сюмак, администрация поступила совершенно правильно и, кроме поддержки профсоюза, в данном отношении ничего встретить не может.

Но есть и другие стороны в этом вопросе.

Очень часто административные органы, об'явив борьбу против антиобщественности, перегибают палку, и эта борьба превращается иногда в огульную травлю всего учительства.

Частично мы уже отмечали факт такой травли*). К сожалению, приходится отметить, что эта травля далеко не идет на убыль, и если не принять решительных мер, то результаты могут получиться самые плачевные.

У некоторых наших администраторов вошло в привычку огульно обвинять при всяком удобном и неудобном случае наше учительство в антиобщественности.

Несколько иллюстраций в этом отношении не будут лишними.

На одном из общих собраний с. Исьль-Куль, Омского окр., один ответственный работник т. К... заявил во всеуслышание—«Наши учителя ходят под черной вуалью», имея в виду не только тяготение учительства к антиобщественности, но, повидимому, несуществующее антисоветское настроение.

В том же Исьль-Куле за последние полтора-два года в буквальном смысле слова не проходило ни одной учительской конференции, ни одного собрания актива, на котором не говорилось бы, что учительство антиобщественно, что цена учительству ломаный грош и т. д.

*) Л. Ушатский.—«Обвиняемые и обвинители». «Просвещение Сибири» № 3 за 1927 год.
8 л. «Пр. Сиб.»

Член Усиль-Кульского райисполкома т. Шунтаков во всеуслышание заявил на собрании актива по вопросу о распространении последнего займа на восстановление крестьянского хозяйства—«Наши почтенные учителя спят».

Несмотря на такое утверждение, «почтенные учителя» побили рекорд в этом отношении,—по распространению и личной покупке займа они в Исиль-Кульском районе заняли первое место, о чем говорят нам неумолимые цифры.

До какой степени может дойти такая травля, можно судить из одного инцидента, разыгравшегося в том же Исиль-Куле вокруг того же займа.

Члену РИК'а Макусову показалось, что учителя опорной школы мало распространили займа,—а они распространили приблизительно на 1.000 рублей,—и он велел всех учителей этой школы вывесить на «черную доску». И вот в один прекрасный день все могли прочесть фамилии учителей под плакатом, на котором красовался заголовок—«Враги крестьянского займа».

После протеста месткома рабпроса и подколлектива опорной школы Макусов распорядился фамилии с черной доски стереть и занести их на красную доску.

Как назвать такой поступок? Головоутишством, издевательством?

Обвинение в «антиобщественности» не носит местного исиль-кульского характера, не носит даже всесибирского масштаба, нет, это явление имеет место на территории всего нашего Союза.

На суде по делу о самоубийстве учительницы Барковой (см. выше) выяснено, что администраторы «Травянский и Фролов, в целях самооправдания, ссылались на «антиобщественные» и «контрреволюционные» течения среди подчиненного им педагогического персонала, которых на деле нет».

Отсюда ясно видно, что иногда, в целях самозащиты и «самооправдания», администраторам приходится, в целях сокрытия собственных промахов и неумения администрировать, отыгрываться на этой «антиобщественности». Расчет правильный—отвлечь внимание кого следует от самого себя.

Прием этот старый и применялся еще знаменитым министром Фуше в эпоху Наполеона. Для упрочения своего положения Фуше всегда нугал Наполеона заговорами, и у последнего вылетела классическая фраза—«У Фуше имеется всегда в запасе два-три заговора!».

У наших работников имеется всегда «антиобщественность» в виде козыря.

Такая травля и такое спекулирование на «антиобщественности» приносят самые отрицательные результаты. Учитель-активист, слыша на собраниях постоянные упреки в антиобщественности, в результате падает духом, машет безнадежно рукой.

«Работай или не работай,—говорит он,—всегда слышишь одну песню, что мы ничего не делаем».

У учителя же, уделяющего общественной работе немного времени, тем более отпадает какая бы то ни было охота к этой работе.

Не так давно, разговаривая с одним из учителей второстепенцев т. З..., я спросил, почему он не был на последнем собрании беспартийного актива, и получил в ответ знаменательную фразу:

— А зачем я туда пойду? Чтобы лишний раз услышать, что цена учителю лозанный грош? Я лучше дома посижу.

Систематические и постоянные нападки приносят, как видно, совершенно обратные результаты, и в некоторых случаях наши товарищи, под влиянием этих нападков, отходят от работы и предпочитают «отсиживаться дома».

Но, на самом деле, ведется ли эта работа нашим учительством? Может быть, действительно, она не ведется?

Нет, читатели, она ведется, и об этом неоспоримо свидетельствует культурный рост деревни. Деревня выросла, деревня осветилась, деревня кооперировалась. Кому она в этом обязана? Только учителю-массовику, который является единственной

пока культурной силой в деревне. Как пристрастно ни подходить к вопросу об общественной работе учителя, а все-таки вывод один—она ведется.

Существующей травле учителя должен быть положен решительный конец. Безответственность нападок со стороны некоторых ответственных работников должна быть уничтожена, и упражняющимся в травле надо напомнить, что есть очень хороший кодекс, который носит название «Уголовного» и который сагает на «почетную» скамейку в первом ряду всех тех, кто своими выступлениями дезорганизует общественные группы.

С другой стороны, мы должны употребить все силы своего товарищеского воздействия на тех своих товарищей, которые общественной работе предпочитают «отсиживать» дома.

Прокурор в процессе, о котором мы выше говорили, указал обязанности всех слоев общества по отношению к учителям.

«Чтобы возрастить новое поколение,—говорил он,—надо преподавателя и педагога поставить в условия спокойной работы, надо их окружить атмосферой забот и благожелательства». (Курсив наш. Л. У.).

Эти слова надо запомнить каждому администратору, каждому ответственному и общественному работнику.

Н. Карпова

Педагогический музей района Красной Пресни в Москве.

(К вопросу об организации городских и районных педагогических музеев в Сибири).*

Некоторые сибирские объединения учителей постановили десятилетие Октября ознаменовать организацией педагогического музея.

И встает, поэтому, снова вопрос,—каким же должен быть педагогический музей? Что в нем должно быть и как он должен работать? Принадлежность ли это города, где есть возможность обслужить целый ряд школ, или же следует иметь педагогические музеи и в районных центрах округа? Как же в таком случае организовать работу в районном музее?

В Москве каждый район города имеет свой педагогический музей. Один из них—музей Красно-Пресненского района (Кудринская, Садовая, № 7)—удалось посетить в октябре прошлого года и, думается, уместно будет поделиться с читателями журн. «Просвещение Сибири» теми данными, которые получены при этом посещении. Подробные объяснения т. Синайской, одного из 4 работников музея, достаточно полно характеризуют цели и задачи этого учреждения. Думается также, что на таком конкретном материале будет удобнее начать обсуждение, какими же должен быть педагогический музей в городах Сибири и районных пунктах округа.

— К нам приходят школьники со своими преподавателями,—как вы видите сейчас в обществоведческой комнате,—но мы больше любим, когда к нам одни преподаватели приходят. И они приходят. Мы с ними беседуем, и от этих бесед мы видим гораздо больше толку для школьного дела, чем от наших бесед с детьми,—ведь преподаватель полу-

От редакции. Редакция просит просвещенцев—практических работников мест—высказаться на страницах нашего журнала по вопросу об организации городских и районных педагогических музеев в Сибири.

часть у нас знания: что и как проработать с детьми, а потом в школе имеет практику о затруднениях и достижениях в которой он нам скажет. Мы связаны, т. обр., со школой. Преподаватель улучшает качество своей работы.

— На этой неделе, когда собираться преподавателям 3 группы?—слышится вопрос к т. Синайской.—В среду, в 6. А сегодня—преподаватели вторых групп.

— Вот здесь, в этой комнате, на этих скамейках они и располагаются. Здесь беседы происходят. Здесь же биологическое отделение. Вот и-отдел «Топливо». Видны сверху надписи:—1. Каменный уголь. 2. Растительное топливо. 3. Нефть. Стол заставлен образцами, стена увешана картинами и коллекциями, под столом лежат коробки с раздаточным материалом.

— Вот кусок кам. угля. Он большой, его можно показать всей группе, а маленькие кусочки из этой коробки можно раздать каждому из группы для лучшего ознакомления. Ребятам обычно хочется знать—царапина от него по дереву будет? Крошится он? Пахнет? Ну, и пусть нюхают, даже и полизать можно, если не вредно... Ведь в этом суть ознакомления с твердостью, с силой сцепления, а не в перечислении свойств, названных книгой или преподавателем.

— Вот на стене картина тропического леса прежних времен, под ней образцы наших современных растений, им соответствующих—папоротник, плавуи, хвощ. А тут заготовлены целые вороха этих растений. Школьники одной школы по нашей просьбе приготовили летом. Мы разложим в коробки по 30-40 экзмп. как «раздаточный материал». На столе около большого куска угля стоят стеклянные бутылочки с притертыми пробками, и в них продукты сухой перегонки каменного угля—каменноугольная смола, бензин, парафин, анилин. Мы пропагандируем самый простой опыт для ознакомления со светильным газом. Вот видите—коробочка из-под ваксы, в ней размельченный в порошок камен. уголь, жирный, коксующийся. В крышке коробки гвоздем сделано отверстие размером $\frac{1}{2}$ сантиметра в диаметре. Закроем крышечку коробку и поставим на лампочку, потом поднесем спичку к отверстию,—газ воспламенится. Просто и эффектно!

И сейчас же при этом пламени мне вспоминается газовая плита в моей московской квартире, где нет дров, нет угля, а обед, чай, печенье—все готовится исключительно на этой плите; где поворот крана в трубке от газового завода и чирканье спичкой над отверстием в плите заменяют процедуру колки и носки дров, разжигание лучинками, порой довольно продолжительное—«полтора рубля на человека в месяц расхода падает за газ»,—вспоминаются слова б. учительницы, в квартире которой стоит эта плита, облегчающая женский труд по изготовлению обеда.

— Вот коллекция «Растительное топливо». Она составлена на основе того же принципа—среда деревьев, кора, хвоя, листья. Вверху картины изображения деревьев. Внизу—«раздаточный материал» в коробках. Демонстрируется опыт получения светильного газа из древесных опилок, насыпанных в пробирку и нагретых над лампочкой. Вот бутылочки с продуктами сухой перегонки дерева—смола, деготь, скиндар, пихтовое-масло,—разрешается пощупать, понюхать, попробовать языком.

— Мы придаем большое значение такого рода опытам,—говорит т. Синайская, указывая на обыкновенные бутылки, вставленные в деревянную подставку вниз горлом. Это самый простой фильтр—дно бутылки отрезано, и в нее засыпан песок мелкий и крупный. А вот стеклянные изогнутые трубки для продельвания опыта в целях объяснения доставки воды от водопровода через водонапорные будки. Такой фильтр мы советуем сделать всем школам, а трубки запасаем для каждой из них, пусть учащиеся сами все проделяют, а не только прослушают рассказ учителя. Чертеж водопровода, фотографию, конечно, достаточно только показать. А вот в этом углу у нас «Камни и руды Урала». Для учащихся мы делаем сообщение об образовании гор, о работе воды и воздуха в деле разрушения горных пород, о составе и свойствах руд и камней, о способах добычи, об использовании их. Это—багаж преподавателя. Опыты мы советуем проводить с детьми

только на самых простых приборах и элементарные по своим заданиям. Напр., опыт с кислородом воздуха—пробирка с селитрой нагревается над лампочкой, а потом в нее спускается тлеющая лучинка.

— Вот комнатка с темой «Охрана здоровья». По стенам картины, изображающие скелет, мускулы, внутренние части тела, изображения глаза, уха. В углу препараты—череп, скелет. Дальше—измерители роста, веса, силы выдыханий. Кроме того, в определенные дни приносятся сюда из мясной лавки телячья печень, легкие, сердце, почки.

— Вот комнатка, занятая материалом по обучению грамоте. Тут рисунки детей—первая глава по обучению грамоте. Тут длинные плакаты первых слов, тут словари детей безбукварников. На витринах—азбуки и методические руководства.

— Вот комната обществоведческого цикла. Передняя стена занята старой Москвой—гравюры, фотографии, чертежи, планы. Есть детские работы-рисовки в увеличенном виде и зарисовки зданий, кварталов, районов по описанию того или иного автора. На столе размещены модели к теме «История жилища»—детские работы, изображающие пещеры, дома на деревьях, на сваях и т. д. На витринах много книг—это учебные руководства и пособия для преподавателей старших групп 1 ступени.

В последней комнате помещается детская библиотека, вернее, там книги для детей, нужные при проработке той или иной темы, там же списки детских книг, подобранных сообразно возрасту и годам обучения, сообразно содержанию и формы. Обращают внимание на комплекты. Это передвижка из книг одного и того же названия в числе 25-30 экз. для индивидуального чтения в какой-нибудь теме. Комплекты выдаются по очереди в период проработки соответствующей темы.

— Есть большие неудобства—в одно время, напр., во всех школах темы прорабатываются, одна и та же передвижка всем школам в друг нужна бывает...

— Педагоги нашего района охотно посещают музей. Больше того—педагоги идут в музей при всяком случае затруднения в повседневной работе по выполнению намеченного плана. Музей облегчает работу и дает ей направление.

— Мы на конференции просвещенцев нашего района убедились уже, что результат работы музея есть. Те просвещенцы, которые не ходят в музей, высказывались против темы «Охраны здоровья», говорили, что и трудная она для детей, и запоминать им приходится много. А те, которые посещают музей и в беседах участвуют, доказывали, что тема эта легкая, нужная, интересная.

— Как и везде, конкретность и самостоятельность. Не надо заучивать, что такое легкие или печень, напр., не надо их структуры мудреными словами, не надо различия на словах. Дети берут телячью печень, отрезают кусок и бросают в воду. Потом берут телячье легкое, отрезают такой же кусок и бросают в воду. Разница в структуре налицо—первый кусок унал, второй плавает. Почему же легкие легче? Что в них? Посмотрите, какие они.

Детям не надо заучивать, они никогда не забудут этого опыта и будут знать местонахождение и форму своего дыхательного аппарата, если рассмотрят изображение внутренних органов человека.

Таким образом, музей Красной Пресни снабжает просвещенцев необходимым багажом, дает путем бесед знания, нужные им в процессе проработки комплексных программ и своими коллекциями указывает на способы осуществления в школьной работе лучших методов и основных принципов новой школы. Снабжает коллекциями, кингами посудой. Музей содержит след. отделы: 1) коллекции, приготовленные музеем; 2) коллекции и рисунки, изготовленные учащимися; 3) картины, препараты, коллекции и пр., изготовленные в различных мастерских «наглядных учебн. пособий»; 4) измерительные приборы; 5) лабораторную посуду—самую простую, дешевую; 6) книги детские и списки их; 7) руководства и учебники.

Все эти отделы нельзя назвать полными, отражающими работу школы на всем протяжении групп первой ступени. Представлены далеко не все темы и не в исчерпывающей полноте. Нужна ли эта полнота? Не станет ли в таком случае п/музей рецептом и не появятся ли тогда шаблоны? Ведь важно дать сущность педагогического процесса, указать те или иные возможности осуществления лучших методов и основных принципов. А в дальнейшем важно лишь накопление багажа, повышение квалификации, необходимая в проработке комплексных программ.

Второй отдел очень мал—музей неохотно принимает школьные работы, придавая значение первому отделу, как руководящему. Третий отдел тоже не велик. И зачем «наглядные пособия» музею Красной Пресни? Рядом, в той же усадьбе «экскурс-база». В том же районе Красной Пресни зоопарк, где можно наблюдать животных и птиц всего мира живых и даже живущих—прыгающих, плавающих, сытых и голодных, спящих и просыпающихся. Улицы Москвы полны другого сорта «наглядными пособиями». Можем ли мы, просвещенцы Сибири, считать наглядные пособия ненужными, лишними, вредными, внедряющими наглядный метод взамен исследовательского? Правда, близость к природе, участие в труде взрослых дает детям сибирских просторов такие «наглядные пособия», которые не может создать самый богатый музей культурного центра.

Но за те эти дети, оторванные от культурных центров, не имеющие даже хорошо иллюстрированных рабочих книг, редко видящие кино, мало видят предметов, не знают, как их использует человек и как можно бы улучшить свою жизнь, вводя эти предметы в употребление. Дальше—дети сибирских просторов знают только свой ландшафт, богатства другой природы не знакомы им, не манят своей красотой, не будят ум наличием разнообразия.

Итак, 3 отдел не должен ли быть у нас больше и значительнее?

Музей Красной Пресни не охотно принимает шк. работы, придавая значение своим коллекциям. Это понятно и естественно. Он ставит резкую грань между школьным музеем (что дети сделали в процессе работы и как это они делали?) и педагогическим (как следует выолнить намеченный план школьной работы?).

Музей получает значительные ассигнования, имеет четырех квалифицированных работников, находится близ самого источника педагогической мысли. Он может ставить эту резкую грань.

А сибирские педагогические музеи? Не должны ли они на первое время главной базой своей считать 2 отдел, принимая лучшие работы школ?

Музей Красной Пресни находится в постоянной связи со школами—собирает учащихся на собеседование, снабжает коллекциями, книгами.

Как может организовать такую работу музей района, округа? Вызывается необходимость кому-то ознакомить читателей журн. «Просвещение Сибири» с работой не городского, а сельского педмузея.

Вслед за этим встают еще и такие вопросы—следует ли в ближайшем будущем иметь в Сибири как можно больше музеев или открывать их только там, где есть наиболее подходящие условия для мощных музеев? Все ли они должны строиться по данному плану или могут иметь индивидуальные особенности, определяемые местными условиями?

Попытаемся ответить на некоторые из вопросов, при чем ответы эти будем считать «предложениями по докладу», которые надо подвергнуть обсуждению в печатном органе сибирских просвещенцев так же, как и вопросы, по которым нет ответных «предложений».

1. Если музей в одном из районов Москвы, существующий несколько лет, не является полным, то, следовательно, и мы можем, не смущаясь, начинать с отдельных частей, не ожидая, что однажды у нас вдруг появится полный благоустроенный музей.

2. Не надеясь всецело на подарки Наркомпроса, изыскивать местные средства на открытие педмузеев в окружных и районных центрах, обращаясь в горсоветы и сельсоветы с докладами о значении музеев для школьной работы.

3. Не пять комнат считать нужными для открытия музея, а, может быть, одну и даже, может быть, на первое время угол. Не четырех работников в качестве руководителей, а одного или даже работающего по совместительству, но зато при дружном содействии опытных и квалифицированных товарищей.

4. Московский музей придает большое значение первому отделу—созданию показательных коллекций, дающих нужные знания просвещенцам и вместе с тем указание на метод проработки. У нас при городском музее может быть организована мастерская на окружные средства для изготовления таких коллекций по заказу районных музеев округа.

5. Московский музей наглядных пособий имеет не много. Нам в Сибири их нужно больше. Нам следует использовать старые журналы, открытки, стереоскопические картинки, волшебные фонари. Есть хорошие «наглядные пособия» новых и старых мастеров. Что касается старых журналов, конечно, относительно «старых», то ценность их в данном случае окажется весьма значительной, если мы примем во внимание их дешевизну. Вот, напр., № 1 за 1924 г. журнала «Путь к Знанию» (двухнедельный журнал по самообразованию, издание «Москов. Рабочий»). Цена отдельного номера была 40 к., а в настоящее время в магазине Сибкрайиздата (в Томске) он в удешенной литературе продается за 5 коп. А в нем рисунки, весьма полезные и нужные учителю: 1) от шалаша до небоскреба; 2) средства передвижения и связь; 3) орудия обработки железа прежде и теперь; 4) древнейший плуг и многолемешный американский.

Это один из многих примеров.

Кроме того, можно использовать такие пособия, как коллекции бывшей мастерской Вятского земства, имеющиеся во многих школах. Возьмем, напр., такие коллекции—кустаринки, деревья, злаки. Недостатки их таковы: 1) нет совсем «раздаточного материала», т. е. нет набора каких-нибудь частей коллекции, таких именно частей, которые следует раздать учащимся (каждому или по звеньям) во время беседы для лучшего ознакомления (напр.: набор листьев, колосьев, зерен и пр.); 2) каждый вид растений представлен отдельной коллекцией. Это вызывает описательный метод, уже давно отживший и практикуемый при предметной системе.

Но музей может их использовать, приготовив коллекции на другой основе, напр., на одной таблице собрать срезы продольные, на другой—поперечные, на третьей—иглы и ветви, на четвертой—шишки и семена. Тогда получится возможность сравнения, что, конечно, всегда даст работу мысли и определенный вывод. Кроме того, это даст возможность использовать эти таблицы сообразно темам. Так, напр., поперечные при беседах о кожзаводах и плетении корзин, продольные—о деревообделочных заводах. А там, где это возможно и нужно, музей может заготовить «раздаточный материал», напр., веточки, иглы, кору, смолку, привлекая к этому учащихся школ.

6. Школьные детские работы Москов. музей берет редко—они не отвечают всем требованиям методического характера.

Нам же, особенно в первое время, видимо, надо будет брать их в большем количестве, т. к. иначе рассчитывать на значительное пополнение 1 отдела мы не можем.

Но мы можем обезопасить до некоторой степени пользование этими школьными работами, сопровождая каждую коллекцию протоколом музейного комитета, определяющего достижения и недостатки в ее исполнении.

7. На вопрос, как оборудовать педагогический музей—ответы мы можем найти в первом томе «Педагогической Энциклопедии», стр. 651, в статье Попова и Соколова—«Общие вопросы, относящиеся к оборудованию школы учебными пособиями». Там есть и общие установки, есть и детали, есть литература вопроса, адреса мастерских.

Глеб Пушкарев

Сибирь в художественной литературе.

(Очерки).

Когда мы ставим вопрос о краеведческом уклоне в школе, просвещенец в праве предъявить нам требования: дать ему те материалы, по которым он мог бы осветить жизнь Сибири во всех ее проявлениях.

И если мы имеем литературу по хозяйственному строительству края, имеем Сиб-вариант программ ГУС'а, имеем краеведческие учебники и учебные пособия для школ I и II-ступени, то по вопросам сибирской литературы мы почти не имеем ничего, кроме отдельных разрозненных статей и заметок, которые систематическим материалом для просвещенца быть не могут.

Не претендуя на исчерпывающий очерк, мы попытаемся дать здесь основные моменты развития литературы о Сибири с момента появления первого художественного произведения по сегодняшнему дню.

Впервые слова о Сибири в русской литературе были произнесены в конце XVIII века. Но это были именно только слова. Сибирь для русских была совершенно неизвестна, о ней русские знали по письмам иностранных путешественников и донесениям сибирских воевод. Сибирь в глазах русских являлась прежде всего страной холода и несметных богатств.

Но вслед за грубой физической силой, направленной для захвата этих богатств и грабежа «дикого инородца», в Сибирь пришла и культурная сила, которая начала развивать свою общественную работу в условиях дикого безлюдного края. Литература проявляет признаки уже в конце XVIII века. В 1770 году священник Фроловский написал пьесу «Ермак», ставившуюся в Тобольске. Она погибла в рукописях и до нас не дошла. Нам важен самый факт даты попыток создания первого художественного произведения о Сибири и как факт проблесков культурной жизни в Сибири.

В эту пору Тобольск, маленький крепостной городок, имел уже школу, кружок работников, оторванных от центра, но мечтавших о создании своей культуры. И когда в 1789 году в Тобольске частным предпринимателем была открыта первая в Сибири типография, тотчас же родился и первый толстый журнал под символическим названием «Иртыш, превращающийся в Ипокрену»*).

В предисловии журнала стояло: «Непростительно было бы, если имеющие участие в сем, на изреченном добре основанно заведении, не приложили всевозможного ра-

*) Ипокрена—источник, питающий муз.

чения к скорейшему созрению оного. По поводу чего, и находя весьма нужным, доставить учителям свойственное их званию упражнение, Тобольское Главное Народное училище предприняло издавать ежемесячник, наполняя оный всякого рода сочинениями, так и переводами в стихах и прозе»...

Это «наполнение» журнала «всякого рода сочинениями» было весьма неудачным, и журнал не пользовался успехом. Тираж в 300 экземпляров далеко не расходился, и журнал рассылался в принудительном порядке, выдавался ученикам, как награда за успехи, и все же на складах через сотню лет остался значительный запас его, пошедший на макулатуру. Подписчики, вернее «получатели журнала», отказывались платить деньги, и предприимчивые издатели взыскивали долги в судебном порядке не только с должников, но и с их наследников в течение добрых двух десятков лет.

Содержание журнала было не в освещении сибирских вопросов, а в перепеве столичных интересов и в помещении речей и докладов учителей. Журнал закрылся в 1791 году, но мысль о печатном органе не заглохла и в 1793 г. Сумароков предпринял новое издание под громким названием «Библиотека Экономическая, Нравоучительная, Историческая и Увеселительная, в пользу и удовольствие всякого звания читателей».

«Нравоучительные и увеселительные» установки журнала оказались «отвратными», и журнал, не успев расцвести, закрылся.

Интересно отметить, что до этого в России журналов не существовало, и Тобольск в этом отношении был пионером.

20-е и 30-е годы XIX века характеризуются значительным ростом литературной работы в Сибири. Здесь мы видим поэтов П. П. Ершова и Е. Л. Мильтеева, публициста П. А. Словцова и других. Если стихи Мильтеева, далекие от сибирских мотивов, не дошли до нас, то имя Ершова, автора «Конька-Горбунка», знает каждый школьник.

В 1828 году в Красноярско под редакцией П. Петрова выходит «Енисейский Альманах», наполненный рассказами, стихами и статьями о Сибири. В 1831 году выходит сборник «Записки об Енисейской губернии», с рядом стихов на местные темы.

В этот период выявляются в Забайкалье два поэта В. П. Бальдауф и А. Таскин. Бальдауф—автор поэмы «Аван и Гайро» (тунгусская повесть), где дано много местного колорита. Одновременно поэт Д. Давидов написал известное всем стихотворение «Славное море—священный Байкал».

Огромное влияние на развитие художественной литературы в Сибири оказали декабристы. Здесь были Бестужев-Марлинский, Кюхельбекер, Одоевский, Раевский и другие.

Б.-Марлинский и Чижов пытались отобразить в своем творчестве туземные народности. Чижов перепевал якутские напевы (баллады «Нуча», «Воздушная дева»). Марлинский написал балладу «Саатырь», работая в то же время над очерками этнографического характера с художественными обобщениями.

Новая обстановка, новые условия жизни заставляют изгнанников углубляться в анализ окружающей жизни, выявлять то новое, что было для них отличным от обстановки в Европейской России. Сибирские писатели центр внимания обращают на этнографию края. Эта сторона становится основной в их творчестве. Поэзия уступает место прозе. Появляется сибирская повесть и роман.

Лучшими представителями этого течения нужно считать П. А. Полевого, напечатавшего в 1830 году повесть «Сохатый» из жизни разбойников Сибири. Повесть рассматривалась современниками, как «выступ сибирских нравов и происшествий в Европейский мир», как «знамение литературного восстания сибиряков». Вслед за Полевым Сибирь в прозе изображали: сестра Полевого — Авдеева, Калашников (романы: «Дочь купца Жолобова», «Камчадалка», «Изгнанники»), Щукин («Посельщик», «Ангарские пороги»), Бобылев («Чингисов столб», «Джарю-Аега», «Сибирские сконцы») и др.

Общее направление романов и повестей приближалось к творчеству Вальтер-Скотта.

В основу произведений бралась сибирская природа, действительные события и действительные лица. По своему художественному выполнению эти произведения были крайне слабы и не пережили своих авторов. Но в отдельных из них делались попытки борьбы с произволом чиновничества, духовенства и купечества.

В 60-х годах в Сибири, среди интеллигенции оформилось особое течение, известное под названием областничества. Конец пятидесятых годов ознаменовался значительным ростом общественной деятельности. Местная печать начинает обличительную кампанию против чиновничества и эксплуатации местного населения. В Петербурге организуется кружок Ядринцева, куда входят: Ядринцев Н. М., Потанин Г. Н., Щукин Н. С., Шашков С. С., Федоров-Омулевский И. В., братья Павлиновы и др.

Здесь возникают идеи об автономии Сибири, и отсюда идут корни областничества, члены кружка мечтают о сепаратизме в музыке, живописи и литературе. Разумеется, из этих мечтаний ничего не вышло и не могло выйти.

Сибирь, находясь на положении колонии, была частью России и выделиться в сепаратную область не могла в силу ряда условий. В отношении художественной литературы также не могло быть речи о какой-то особой сибирской литературе. Сибирские писатели лучшую пору своей жизни провели в культурных центрах России, подчиняясь требованиям и направлениям, господствующим в то время в русской литературе.

60 и 70 годы выдвинули ряд сибирских писателей. Прежде всего следует отметить П. А. Кушеского, написавшего в 1871 году большой роман—«Николай Негорев, или Благополучный Россиянин». Правда, роман только частью отразил сибирскую жизнь, но он в свое время пользовался большим успехом.

Иное следует сказать о И. В. Федорове-Омулевском, его роман «Шаг за шагом» построен на сибирском материале, и, что еще более знаменательно, в нем впервые дан быт фабричного рабочего, взаимоотношения с властью, положение интеллигенции и первые проблески политической жизни в Сибири. Для своего времени роман был смелым и революционным, в силу чего он подвергся большим цензурным гонениям. Он пользовался большой популярностью, несмотря на большие художественные недочеты.

Мелкие рассказы Омулевского особенного значения не имели, но его стихи на гражданские темы пользовались огромным успехом и еще сейчас живут в учебниках и хрестоматиях («Светает, товарищ, работать пора...», «Бирюсинский лес» и др.).

Яркой фигурой являлся и сибирский писатель Н. И. Наумов. Здоровый реалист, он пережил всех своих современников. Его рассказы читаются и издаются по сие время. Тогда же они пользовались огромным успехом. Народники пользовались книжками Наумова, как агитационной литературой. Но Наумов в чрезвычайно больших дозах включал в свои рассказы и повести публицистику, умалял художественное значение произведений. На ряду с темами из быта сибирской деревни Наумов берет быт приискового люда, быт тайги, каторги и ссылки. Эти темы дали толчок последователям Наумова к развитию этого вопроса в литературе.

Быт каторги и ссылки, быт бродяг и людей, отбывших наказание, находит широкое отражение в литературе 70-80-90 годов прошлого столетия. Это были годы ссылки в Сибирь Ф. М. Достоевского, П. Я. Якубовича-Мельшина, В. Г. Короленко, В. Г. Тана-Богораза, С. Елпатьевского, В. Серошевского и многих других.

Эти люди подошли к Сибири с новыми взглядами и зарисовали ее сильными и крепкими мазками. Это про них говорили, что «сибиряки увидели свою Сибирь глазами чужаков».

Сибиряки не видели того, что бросилось в глаза «чужакам». Для новых же людей Сибирь была резким контрастом, который легко поддавался художественному оформлению.

Литература «чужаков» быстро заполняла толстые журналы и захватывала внимание. Сибирь становится сказочной страной, в которой хочется каждому побывать, которой все интересуются, которую начинают изучать. Не даром сюда едет А. П. Чехов, известный фельетонист Дорошевич, Вересаев, Гарин и другие.

Ф. М. Достоевский описал в «Записках мертвого дома» омскую каторгу, Якубович-Мельши в «Пасынках жизни» — восточную каторгу и в рассказах — ссылку. Мачтет пишет бродяг и ссыльных, то же — Елпатьевский, Серошевский, Короленко и т. д. Наконец, Тан, Серошевский — быт чукчей, остяков и других туземных народностей; Завитков, Стретенский, Блюмер — прискоковых людей.

Эта группа невольных исследователей Сибири сыграла огромную роль в дальнейшем направлении литературы в Сибири. Это они впервые поставили перед писателем социальную проблему о каторге и ссылке, о положении **народных туземностей**, о грабеже местного населения чиновниками. Новая трактовка тем заставила сибиряков задуматься над своим творчеством и поставить перед собою другие задачи.

После каторги и ссылки, туземцев и сибирского крестьянина, сибирскую литературу взволновал новый жизненный вопрос о переселенцах. Изучать переселенцев едут в Сибирь: Глеб Успенский, Вересаев, Телешев и другие. Они пишут художественные рассказы и публицистические статьи. С возникновением переселенческого вопроса все больше угасают областнические мечтания. Колония более тесно увязывается с метрополем, стираются грани, Сибирь сильнее втягивается в хозяйственную жизнь тогдашней России.

Мы проследили вкратце основные течения художественной литературы XIX века и почти не видели в них рабочего. Мы отмечали только роман Омудевского «Шаг за шагом» и повести Завиткова и Стретенского. Объяснение этому мы видим в том, что в отсталой Сибири не было промышленности и рабочего класса. Правда, здесь был каторжный труд горнозаводских крестьян на Алтае, отмеченный три года тому назад в романе Анны Каравасовой «Золотой ключ». Обязательный труд горнозаводских крестьян — это одна из гнуснейших страниц императорской России — о нем по цензурным условиям нельзя было писать.

Промышленность в Сибири начала только расти в годы перед революцией. До революции рабочая среда не выдвинула из себя ни одного писателя. Об эксплуатации батрака-киргиза нужно отметить прекрасный рассказ А. Новоселова «Пешкина мечта».

Годы революции выдвинули уже ряд молодых поэтов и писателей из рабочей среды, от которых мы и будем ждать освещения рабочей жизни.

Большинство сибирских писателей — выходцы из крестьянства. Преобладающим элементом творчества сибирских писателей является крестьянство.

На этом фоне Сибирь выдвинула писателей: Бахметьева В. М., Гребенщикова Г. Д., Березовского Ф. А., Ершова А. И., Новоселова А. Е., Псакова С. И., Жиликова А. И., Олигера Н., Шинкова В. Я., Окулова А., поэтов — Казанского П. А., Драверта П. Д., Вяткина Г. А. и других.

Что дают эти писатели?

Политическую ссылку — Олигер, Жиликов, Бахметьев.

Быт сибирской деревни, сибирских кержаков, старообрядцев — Гребенщиков, Новоселов, Ершов, Бахметьев, Псаков, Жиликов, Шинков, Березовский...

Туземцев — Гольдберг, Гребенщиков, Новоселов, Шинков.

Сибирский писатель работает, но, в условиях сибирской действительности, ему остается печататься только в центре, так как ни издательств, ни журналов до 1916 года в Сибири не было. Некоторым выходом являлись газеты, с которых и начинал сибирский писатель.

Мрачный колорит эпохи освежается после революционной вспышки 1905 года. Писатель с надеждой начинает смотреть на будущее. В его красках чувствуется новая

игра, новые яркие тона. Солнечностью отдают рассказы Бахметьева, частью Гребенщикова, юмором—Шишкова, Казанского.

Литература окончательно прорывает с сугубо-этнографическим уклоном и входит в русло общерусской литературы.

Такой подошла литература к революции 1917 года.

Февральская революция вызвала целую плеяду поэтов. Номера газет пестрели стихотворениями о братстве, свободе, революции и т. д.

Беллетристы молчали. Писать о революции они еще не могли, материал не устоялся, и их перо рисовало картины прошлого. 17-18 годы дают ряд незначительных беллетристических произведений в журнале «Сибирские Записки».

В 1919 году в Сибири выходит два толстых журнала: «Сибирский Рассвет» в Барнауле и «Сибирские Записки» в Красноярске. Последний занял определенно колчаковскую ориентацию, «Сибирский Рассвет» пытался быть оппозиционным Колчаку. Здесь печатался П. Гольдберг, А. Ершов, А. Жиялков, С. Исаков, А. Высоцкий; из поэтов—Л. Лесная, Квятковский, К. Худяков, А. Пиотровский, Е. Хвоцинская и др. Здесь же работали А. Новиков-Прибой и П. Низовой.

Журнал сумел объединить лучшие литературные силы Сибири. Период колчаковщины не мог не отразиться и на темах журнала. Они мрачны, тяжелы, полная безысходность, тоска, упадочничество.

Жиялков мрачно пишет «Яму»; Исаков копаются в психологии; Ершов разматывает «человеческий обломок»; Низовой дает помещицы погромы и т. д.

Революция почти не задета. Она отразилась только в рассказе автора настоящей статьи «В малинниках»—расстрел красногвардейцев белыми*).

Журнал жил от номера к номеру, над ним висела угроза насильственного закрытия.

Писатели в это время уже бредили новыми темами, скопля материал, боясь фиксировать его. Из этого материала сразу же после падения Колчака вышла пьеса Исакова «Восстание», рассказ Новикова-Прибой «Зуб за зуб», П. Низового «Пахомовка» и др.

Писатели, группировавшиеся возле журнала «Сибирский Рассвет», сумели организовать небольшое издательство дешевых книжек сибирских писателей под общим заголовком «Библиотечка Сибирский Рассвет».

В Омске создалась группа поэтов колчаковской ориентации—Ю. Сонов, Маслов и Шестков.

1920 год, год разрухи и голода, был годом накопления новых настроений писателя. И только 1921 год дает возможность все схваченное, виденное и передуманное переложить на бумагу. Вл. Зазубрин пишет большой роман «Два мира», Вс. Иванов—«Партизаны», Л. Сейфуллина—«Четыре главы» и т. д. В Барнауле организуются конкурсы, выпускаются отдельные издания премированных произведений.

В 1922 году начинает выходить журнал «Сибирские Огни», группируя возле себя весь сибирский актив. Здесь работают: Л. Сейфуллина, П. Гольдберг, В. Итин, Анна Караваева, Ф. Березовский, Вл. Зазубрин, М. Кравков, Урманов, Фраерман, Ан. Сорокин, поэты: Мартынов, Марков, Ершнин, Павлов и другие.

Через «Сибирские Огни» прошли все писатели Сибири; здесь начали печататься представители литературного молодняка—А. Контелов, И. Мухачев, Н. Титов, П. Васильев и другие.

В последние годы в Сибири выросла новая группа писателей ВАПП (Всесоюзная Ассоциация Пролетарских Писателей).

С 1925 г. писатели, живущие в Сибири, объединены в Сибирский союз писателей.

Гражданская война в Сибири, партизанское движение, быстрый темп строительства, ломка быта—все это нашло сейчас отражение в творчестве писателя сибиряка и писателя центра.

*) Цензура, разрешая этот рассказ, заявила: «все равно ваш журнал рабочий не читает, а интеллигенция поймет так, как ей хочется. Пусть печатают».

Из центровиков о Сибири пишут: Ф. Березовский, Шишков, Бахметьев, Новокшенов, Н. Смирнова, Л. Сейфуллина, В. Иванов, Завадовский, Четверяков, В. Лидин, С. Шиллов, Тап, даже М. Горький и многие другие.

Скажем, наконец, о том писателе, который много пишет, но не печатается и из сотен которого пока скупо выделяются единицы. Этот писатель еще заговорит, но пока нужно ждать его годы.

Писатель этот—сибирский крестьянин. Гражданская война всколыхнула деревню. Сотни пьес, сотни рассказов, тысячи стихов дала деревня о партизанщине; она пишет о новом быте, о развале семьи, о расстройстве деревни.

Это поколение пройдет для литературы почти бесследно. Литература не откроет для них своих страниц. Только историк даст сводку материала. Но новое поколение, растущее сейчас, проходящее советскую школу, выйдет на литературную дорогу и даст крепкую, здоровую смену старикам.

У новой смены крепкое нутро, определенные взгляды, убеждения и необыкновенная жажда строительства.

Эти предпосылки говорят за то, что новая смена принесет с собою новое направление в литературу—строительство жизни, рабочий вопрос, борьбу за индустриализацию страны.

Мы накануне этой литературы*).

*) При составлении настоящей статьи мы пользовались материалами: проф. М. К. Азадовский «Сибирская литература», изд. ВСОРГО, 1928 г.; «Восточное Обозрение»—сборн. за 1885 год; «Художественная литература в Сибири»—изд. СКИ, 1927 г.; Вейсберг Г. и Пушкарев Г. «Сибирь в художественной литературе», Гиз., 1927 г. и «Сибирские Огни» за 1926 и 1927 годы.

Ив. Фигуровский

Краеведение и русский язык в школе II ступени.

Очерк третий).*

7-й год обучения.

После того, что сказано было о краеведении на пятом и шестом годах обучения, вряд ли нужно доказывать возможность локализации программы по русскому языку на седьмом году обучения. В самом деле, достаточно взять из школьного краеведческого сборника почти любую сказку, чтобы найти в ней **употребление одних форм времени, вместо других** (п. 1 программы 7 года обучения по грамматике). Возьму хотя бы сказку про Овденку, записанную одной из моих учениц в окрестностях Иркутска.

Овденка.

Пошли раз старик со старухой в лес грибы собирать. Вот пришли они в лес, ищут, а найти никак не могут. Вот и спрашивает старик старуху: «Старуха, ты нашла?».—«Нет», отвечает старуха: «а ты нашел?».—«Нет»,—сказал старик.—«Нашла?».—«Нашла!».—«Ну, и пойдем домой». Пришли они домой, вынули грибок из корзинки, положили на полочку, накрыли лоточком. Встают они утром и слышат—кто-то говорит: «Тянька, маменька, выпустите меня». Взяли они лоточек, а вместо грибка, выходит оттуда девочка, такая миленькая да хорошенькая. Обрадовались старик со старухой, взяли девочку и назвали Овденкой. Росла-росла Овденка и стала большой девкой. Приходят раз подружки и говорят: «Отпустите с нами Овденку в лес».—«Пусть идет»,—сказал старик. Взяла Овденка корзиночку и по-

*) См. «Просвещение Сибири» № 6 за 1923 г.

шла с подружками в лес. В лесу подружки баловались, а Овденка все время собирала ягоды. Набрала она полную корзину. Подружки и говорят ей: «Овденка, поделись с нами, а то мы тебя уьем» — «Нет», — отвечает Овденка: «Я собирала, а вы баловались». Тогда подружки набили ее, бросили в яму, закидали валежником, привалили камнями, а сами с ягодой домой пошли. Старик увидел их и спрашивает: «А где Овденка?» — «Не знаем», — отвечали те: «ушла от нас и заблудилась». Тогда старик взял скрипку, пошел в лес и стал играть. Долго шел он лесом и играл на скрипке. Потом слышит — кто-то поет: «Тянька, помаленьку, родименький, потихоньку. Три подружки меня убили, под кусток схоронили, камушком навалили, не за большие добычи, за ягодны коробицы». Старик остановился и заиграл пуще, Овденка опять запела. Тогда старик подошел к тому месту, выкопал ее и повел домой. После этого они стали жить поживать да добра наживать.

— Как ожила? Вишь, старик-то со старухой волшебные были.

Вряд ли есть смысл размножить большую сказку в виде задания. Но зато выделить из нее несколько предложений и построить на них самостоятельную проработку любого характера вполне можно:

Задание.

Сравните написанное в левой и правой колонках: где выразительнее и живее рассказ?

Встают они утром и слышат — кто-то говорит: «Тянька, маменька, выпустите меня». Взяли они лоточек, а вместо грибка, выходит оттуда девочка, такая миленькая да хорошенькая.

Встали они утром и услышали, что кто-то сказал: «Тянька, маменька, выпустите меня». Взяли они лоточек, а вместо грибка, оттуда вышла девочка, такая миленькая да хорошенькая.

Чем объяснить такую разницу?

Постарайтесь переменной форм времени достигнуть наибольшей выразительности в передаче следующей легенды о Байкале:

«Давно-давно это было. Много с тех пор пропето песен, много пролито слез. Тогда народы, что по берегам Священного моря, чтити Шаманский камень. Когда кончалась долгая, белая зима, и Байкал сбрасывал с себя ледяные покровы, когда ревел и метался вал, подгоняемый баргузином*), Шаманский камень обагрался человеческой кровью.

Однажды жребий пал на девушку Смайдю. Ночью, когда Байкал залит был лунным светом, и волны чуть плескали, Смайда бежала со своим женихом Бу-ря-даном. И что же случилось? Лунный свет погас, небо заволочилось тяжелыми черными тучами, Байкал покотил громадные темные волны, грозя потопить беглецов вместе с плотом, на котором они уплывали... На плот налетел громадный вал и кинул его на священный Шаманский камень. Плот разлетелся в щепки. Смайда с Бу-ря-даном в ужасе ухватились за камень. Вдруг раздался оглушительный раскат грома, сверкнула молния и ударила в жертвы.

В этом году Байкал получил себе в дар не одну жертву, а две» (сообщила уч. Эпова, слышавшая предание от старого Слаг-да-мая).

В программу седьмого года обучения введен языковедческий материал «Русский язык с его разветвлениями; языки: великорусский, с его наречиями, окающими и акающими...» (5 пункт программы 7 года). Если добиваться локализации программ, то очевидно, что сюда должно войти знакомство с местными говорами. И вряд ли где-либо изучение говоров дает так много интересных моментов, как в Сибири. Население сибирских городов говорит на языке, очень близком к литературному произношению**); население деревень, состоящее из ссыльных и переселенцев, довольно часто отражает несколько резко отличных друг от друга, а в особенности от городского говоров. Поэтому я высказываю решительное убеждение, что при изучении наречий русского языка мы обязаны использовать краеведческий материал. Насколько это просто и доступно, постараюсь показать.

В программе ГУС'а выпуска 1925 года остановка на местных говорах предполагалась на пятом году обучения («Язык городской и деревенский. Понятие о литературной речи и местных говорах»). Еще тогда я считал необходимым действительное ознакомление с местными говорами и, несмотря на то, что учащиеся имели очень слабую подготовку, провел с ними опыт самостоятельного собирания и проработки диалектологического материала.

Материал для наблюдений над говорами был собран во время экскурсии в с. Биликтуй. Так как экскурсия была предпринята в самом начале учебного года (нужно было собрать материал для работы по комплексу на большую часть года),

*) Байкальский ветер, поднимающий большие волны.

**) См. статью В. А. Малаховского в № 4—5 «Просвещения Сибири».

то подготовка к наблюдениям над говорами была минимальной. Пришлось ограничиться всего лишь одной беседой, в которой учащиеся установили, что в деревнях не так говорят, как в городе, при чем сразу привели ряд примеров, касающихся произношения и словарных особенностей. Тут же были намечены задания экскурсии от родного языка: записать деревенские слова и выражения, переделку иностранных слов в деревне, пословицы, поговорки, песни и пр., но записывать именно так, как произносятся крестьяне. Если скажут **Фпиряди**, **яшшо**, то так и писать, не стесняясь, что получается ошибка.

Давать более определенные указания я не считал нужным, так как детям 11-13 лет не интересна была бы специальная лекция по фонетике. Вместо этого, подробнее остановился на приемах собирания диалектологического материала. Мы условились, что записи будут производиться незаметно для крестьян, по возможности не тотчас, не на глазах у крестьянина, а где-нибудь в другом месте; исключение только для песен. Предполагалось, что записи легко будет произвести в сельсовете, в кооперативе и при обследовании крестьянских хозяйств (что нужно было сделать по заданию от обществоведения).

Село, расположенное в 45 верстах от города, действительно дало богатый диалектологический материал, но собирание проходило не совсем гладко. Вот, например, что происходило в сельсовете. Заходим—пусто. Пока никого нет, уговариваемся крепко помнить, что записывать надо незаметно. Входит крестьянин. Ребята настораживаются, кидают друг на друга предостерегающие, заговорщицкие взгляды. Я начинаю с крестьянином разговор. При каждом необычном слове крестьянина ребята вскидываются, наклоняются над тетрадами (вместо маленьких тетрадок, как было условлено) и торопливо строчат... Одна девочка (ей 10 лет—и как она во вторую ступень попала!) покидает свой угол и осторожно подходит к нам на несколько шагов. Каштановые волосы выбились из-под синей с красной подкладкой шляпки, глаза горят, щеки пылают, губы сжаты сердечком, а в руках лист бумаги величиной с газету. Девочка внимательно смотрит на крестьянина, от времени до времени жадно наклоняется к бумаге и выводит каракули. Старик начинает ежиться, ответы становятся односложными, и, наконец, он совсем замолкает... А девочка, постояв несколько минут перед самым крестьянином, кидает на меня разочарованные взгляды и уходит в сторону: ей становится скучно.

Но так было только в первый день. Дети быстро освоились с собиранием слов, и любопытно то, что слова для них стали чем-то в роде **вещей**, которые можно собирать, как собирают, например, грибы. Может быть, сравнение неудачное, но впечатление от разговоров детей-собрателей было именно такое.

Обработка материалов началась через день, уже в городе. Каждый учащийся сообщал собранные им слова, а остальные записывали. При этом оказалось, что дети (конечно, не все) очень удачно придумали обозначение новых для них звуков: Г длительное обозначили $\frac{r}{x}$, У неслоговое—

Таким образом, у нас получилось собрание из 220 слов (не считая песен), которые дали достаточную картину говора. На отдельные группы слов учащимся предложено было написать сочинение. Вот отрывок из работы одной девочки (как было прочитано вслух):

— Бабушка, а бабушка, у нас в дивенни как-та манеры есь типерича...

— Эвот чаво, старик, слышь, чаво Марейка-та $\frac{r}{x}$ аварит.

— Ну, минеры ли пинеры... кака там камуха (лихорадка)... Пускай их.

— Бабушка, а ты миня пустишь в эти минеры.

— Ладно тебе и так.

— А **буу** бы живой тятка, бязательна **бу** пустиу...

— Ну, чаво ты там за $\frac{r}{x}$ аварила, яшшо скажи спасиба, што в училищэ-та отпустила. Дру $\frac{r}{x}$ -ой бы хто не пустиу...

По ряду соображений, о которых здесь нет смысла говорить, я углубил диалектологические наблюдения.

Теперь нужно было дать учащимся базу для определения говора, т. е. дать понятие о северно-великорусском и южно-великорусском наречиях. Для этой цели я воспользовался фонетическими записями былин и сказок. Учащимся предложено было во время чтения обратить внимание не только на содержание, но и на особенности в произношении.

И вот, слушая былины, учащиеся без всякого труда отметили оканье (МОЛОДОЙ), совпадение Ц и Ч в одном звуке (церков, чисто поле), а потом, при сопоставлении с южно-великорусским наречием, — Г взрывное (Города), Т твердое в окончании 3 ед. и мн. наст. вр. (омманыват), У неслоговое в конце слога, вместо Л (бу, паука). При чтении сказок на южно-великорусском наречии учащиеся так же легко отметили аканье (МАЛАДОЙ), яканье (хлястал), Г длительное ($\frac{r}{x}$ орада), Т мягкое в окончаниях 3 ед. и мн. наст. врем. (думаить, крачють) и Ш долгое твердое, вместо мягкого (Ш): ишшэш.

После этого выписаны были на доске наиболее характерные записи: 1) от старика в сельсовете: варачаясь, асталыны, атушшалаи, чяво, пираулок, выяжжали, от крестьянина на пароме-перевозе: яшшо, другой, «покеда полный плашкот не набереться, он не повезеть, а набереться—то $\frac{r}{x}$ ды он повезеть...»; сразу было установлено, это это южно-великорусские особенности.

Но затем был выписан другой ряд слов: 2) от бабушки Рязанихи: «хош просите, хош нет», вековешна, письням (песнями), где (или гля) радости, шоуковый, надеет, топеричя, в другоё; от Марии Пупковой 61 года: асталыны на нам, не служигу... Эти черты после небольшого обсуждения были признаны за северно-великорусские.

Мы сделали отсюда такой вывод: очевидно, в с. Биликтуй есть выходцы как из южных, так и из северных губерний России. Я поставил вопрос:

— Что произошло с этими говорами за несколько десятков лет жизни в Сибири?

— Они стали смешиваться.

В самом деле, в записи, относящейся к одному и тому же старику, мы нашли глйдеу (У-с.-в.-р.) и запишшон (Ш долгое твердое—ю.-в.-р.); в записи, относящейся к старушке Рязанихе, мы нашли: хош просите, хош нет; надеет, где радости—особенности с.-в.-р., но в то же время асталыны. Одно и то же слово часто отражает оба наречия: учирйжженне, паутара (полтора).

Присутствовавшие на уроке мальчики из Биликтуйа (наши ученики) часто выступали с опровержениями: у нас так не говорят. Но одинаковые записи у разных учащихся были неопровержимы. Несмотря на очевидное неудовольствие класса, я всегда давал слово биликтуйцам, имея в виду, что их сообщения помогут установить настоящую картину говора в данное время; биликтуйцы настаивали, что у них говорят так же, как в городе.

Чтобы установить картину биликтуйского говора, я спросил:

— Часто ли удавалось записать в деревне особенные слова?

— Нет. День ходишь—слов 15 запишешь.

А от кого записывали особенные слова: от стариков или от молодых?

— Почти все от стариков, от молодых мало.

— Почему же от молодых мало слов записали?

Молчат. Тогда я зачитал песню, записанную для нас малограмотным крестьянином с. Биликтуй А. Шапошниковым, 23 лет, предупредив, что буду читать именно так, как он написал.

Результат был несколько неожиданный: дети спросили, почему я сказал, что крестьянину 23 года... А когда я спросил, какие особенности они заметили в произношении отдельных слов, то они не знали, что ответить. Я еще раз прочитал несколько слов из песни и быстро набросал их на доске: литал, паймал, либе-душку, харашим-харашошйнька.

Установили, наконец, что крестьянин написал эти слова так, как мы их говорим; значит, он и говорит, как мы. Припомнили выступления мальчиков биликтуйцев и сообразили, что если говорят так же, как мы, то очень трудно заметить что-нибудь особенное.

Наш окончательный вывод был таков: в с. Биликтуй говор похож на наш, городской, но некоторые крестьяне, большей частью старики и старухи, сохраняют особенности своего прежнего говора; молодежь же, служившие в армии и те, кто часто бывают в городе, говорят точно так же, как городские.

Само собою всплыл вопрос о влиянии города на деревню и об отношении нашего говора к орфографии («мы говорим не так, как пишем, и пишем не так как говорим»).

*) См. очерк о краеведении на 5 году обучения в № 3 «Просвещения Сибири» за 1928 г.

В КрайОНО

Об организации Физико-Технического Института.—Коллегия КрайОНО признала целесообразным открытие Сибирского Физико-Технического Института в Томске с осени 1928 года. С этой целью решено просить президиум Крайисполкома возбудить ходатайство перед СНК РСФСР о преобразовании существующего в Томске Научно-Исследовательского Института прикладной физики в Сибирский Физико-Технический Институт; о принятии его на госбюджет и распространении на научных работников института льгот, предоставляемых по службе научным работникам, работающим на окраинах СССР. Признано также желательным, чтобы Сибирский Физико-Технический Институт являлся отделением Государственного Рентгеновского Физико-Технического Института в Ленинграде.

О введении нового алфавита. Начиная с 1928-29 уч. года, в тюрко-татарских просветительных учреждениях признано необходимым постепенно переходить на новый алфавит. Крайметодсовету поручено определить типы учреждений, объем и сроки перехода их на новый алфавит. В план работы Крайметодсовета на первый квартал 28-29 уч. года включается разработка вопроса о методах и порядке перехода (в ближайшие годы) на новый алфавит всех учебных учреждений, обслуживающих тюрко-татарские народности.

О 40-летнем юбилее Томского университета. В связи с предстоящим празднованием 40-летнего юбилея Томского университета, коллегия КрайОНО предложила правлению университета представить конкретную заявку на отпуск средств для удовлетворения своих неотложных нужд и на издание юбилейного сборника.

О десятилетнем юбилее Омского Ветеринарного Института. Коллегия КрайОНО постановила в ознаменование дня юбилея войти с ходатайством в президиум СКИК'а об отпуске средств на улучшение положения клиник при институте и 400 р.

на проведение празднования юбилея. В качестве представителя от КрайОНО, зав. Омским окрОНО предложено принять участие в проведении празднования юбилея.

Лесное отделение при Новосибирском с.-х. техникуме. Коллегия КрайОНО подтвердила свое решение об открытии лесного отделения при Новосибирском с.-х. техникуме. Решено просить президиум СКИК'а возбудить ходатайство перед Лесным Управлением НКЗ РСФСР о предоставлении техникуму Сузунской лесной дачи, Каменского округа, а перед Наркомпросом поддержать ходатайство КрайОНО, как о передаче техникуму указанной лесной дачи, так и об открытии отделения.

О переходе техникумов на местный бюджет. Коллегия КрайОНО постановила:

1. В связи с передачей техникумов на местный бюджет предложить соответствующим окрОНО составить совместно с техникумами сметы их на 28-29 операц. год и представить на утверждение окр. исполкомам, одновременно направив в копии сметный материал КрайОНО.

2. Предложить окрОНО в деле управления техникумами руководствоваться схемой соподчиненности просветительных учреждений административным органам народного образования (протокол коллегии № 48, п. VI от 22 декабря 27 г.).

3. Обратит внимание соответствующих окрОНО на необходимость тщательного составления смет техникумов и на стойчивое их проведение в окружных организациях.

О привлечении общественности к делу подготовки к новому учебному году. Коллегия КрайОНО констатировала в округах: а) слабое привлечение общественности к делу подготовки к новому учебному году; б) слабое привлечение средств общественной инициативы на школьное строительство и отсутствие надлежащего руководства целесообразным использованием этих средств.

Работа над диалектологическим материалом несколько не помешала проработке основных литературных тем и укреплению формальных навыков. Даже на 5 году обучения она оказалась вполне посильной. Эта работа вызвала повышенный интерес к наблюдениям над языком, приблизив их к живой действительности и обогатив новым, красочным содержанием. В частности, разбор таких слов, как **ворох***), **кораблит**, **поверх** и т. п., по-новому осмыслил изучение состава слова (корень, приставка, окончание): корень стал интересовать не только в связи с орфографией или грамматикой, но, прежде всего, в связи с таинственным, вдруг проступающим смыслом слова.

Нет никакого сомнения, что на седьмом году обучения эта работа будет проведена более глубоко. Расположение материала в конце программы позволяет дать классу достаточную подготовку и вести наблюдения над говорами на прочной основе—с соответствующими справками из истории русского языка.

Литературная программа седьмого года обучения позволяет дать краеведческие моменты без всякой натяжки, правда, лишь в конце учебного года, при проработке произведений Вс. Иванова. Рассказы «Партизаны» и «Бронепоезд» помещены в программе. Вряд ли какой-нибудь словесник-сибиряк использует только один из них (как предлагает программа). Я увязал бы проработку этих рассказов таким образом.

Задание на рассказ «Партизаны».

1. В какую эпоху и где происходит действие? Подтвердите свое мнение выдержками.
2. Как автор показал образование и рост партизанского отряда?
3. Как использовал автор образ Емолина? Какую роль играет Емолин в рассказе?
4. Отметьте особенности в построении рассказа.
5. Много ли в рассказе сравнений? Каков их характер?
6. Выпишите и объясните сибиризмы.

Задание на рассказ «Бронепоезд № 14-69».

1. Сравните рассказ «Бронепоезд» с рассказом «Партизаны». Что сближает эти рассказы?
2. Дайте характеристику Незеласова. Обрисуйте настроения солдат. Какое значение имеет образ прапорщика Обаба для обрисовки Незеласова? С какой целью автор вывел щенка?
3. Какими автор вывел большевиков? и т. д.

По желанию преподавателя, краеведческий уклон проработки может быть значительно усилен и оживлен воспоминаниями или записями учащихся о гражданской войне.

Гражданская война широко захватила Сибирь. 18, 19 и 20 годы надолго сохранятся в нашей памяти. И долго будут давать сюжеты писателям и поэтам. Сейчас мы уже имеем нескольких писателей, кроме Вс. Иванова, в творчестве которых отобразилась жуткая и великая эпоха борьбы широких масс с разлагающимися остатками контрреволюции. Из таких писателей заслуживает внимания Ис. Гольдберг. Его рассказы: «Человек с ружьем», «Путь, неотмеченный на карте», «Пятый четверг» и некоторые другие уже проникли в школы; «Человек с ружьем» был проработан с большим увлечением и на рабфаке. Правда, школьная проработка Ис. Гольдберга возможна лишь при условии специального издания, так как в имеющихся сборниках есть рассказы с нежелательными в школьной практике бытовыми «ткроверностями». Во всяком случае вопрос о дешевом издании избранных произведений Ис. Гольдберга должен быть выдвинут на очередь.

Сборники стихов иркутских поэтов несколько раз давали мне темы для бесед в литературном кружке; они могут быть использованы и для классной беседы. Как бы то ни было, но, говоря о творчестве, делая обобщения и выводы литературно-социологического порядка, нельзя не ознакомить кончающих семилетку с творчеством Сибирского Союза Писателей.

М. Иванов

Сибирские краевые татарские учительские курсы.

С 15 июня по 16 июля в г. Томске происходили Сибирские краевые курсы по переподготовке учителей-татар. Курсанты с'ехали из двенадцати округов Сибири: из Барабинского и Тарского (по 3 человека), из Красноярского, Рубцовского, Канского, Новосибирского (по 2 человека), из Ачинского, Тулунского, Черемховского, Кузнецкого (по одному человеку), из Томского (шесть человек) — всего 25 человек. Громадное большинство их—сельские работники, только двое из городов и двое из рабочих районов. Мало окончивших учительскую школу, чуть ли не два человека всего; несколько человек с образованием одного-двух классов учит. школы, несколько из совпартшколы; очень много окончивших татарскую школу пятилетку, семилетку и даже трехлетку. На курсах переподготовки некоторые из них впервые (таких оказалось семь человек), некоторые присутствуют на курсах второй или третий раз.

Курсы этого года приступили впервые к проработке программы ГУС'а и приспособления ее к татарской массовой школе Сибирского края. До конца этой работы, конечно, далеко еще, но важно, что положено начало.

Методическое значение этой работы очень большое. Программы ГУС'а, в частности Сибвариант ее приурочен к массовой русской школе. Провести целиком и полностью эту программу в массовой татарской школе трудно. Трудность эта увеличивается тем обстоятельством, что татарская школа, в виду включения в курс ее наук изучения русского языка (по шесть часов в неделю, начиная со второго года обучения), увеличивает срок обучения в школе на один год: вместо четырехлетней, татарская школа является пятилетней. Такое превращение ее из

четырёхлетки в пятилетку заставляет и программу разбить на пять курсов. Надеяться на то, что сам учитель сделает эту работу, нельзя: необходимо было программу методически проработать (тем более, что образовательный ценз татарских учителей в массе очень не велик). Этой работе положены лишь вежи на краевых сибирских татарских учительских курсах. Будем надеяться, что Краевой методсовет эту работу не забросит, а поручит ее специальной комиссии (в Томском татарском педтехникуме силы для этого найдутся), и татарин-учитель будет иметь тогда возможность пользоваться специальным Сибвариантом на татарском языке.

По окончании курсов, курсанты в течение двух недель занимались изучением нового тюркского алфавита. Работа—тоже солидная, серьезная и самая современная. Жизнь требует скорейшего осуществления перемены старого тюркского алфавита на новый. Без учителя эта работа немыслима. Требуется, чтобы учительство было в курсе этой работы, знало сущность нового алфавита и могло проводить его в жизнь.

Отмечая достоинство и серьезность краевых курсов, нельзя не остановиться и не указать некоторых теневых их сторон. Так, напр., курсы должны были начаться 10 июня, но к этому времени курсанты явились в количестве 3-5 человек (из 25); пришлось отложить открытие курсов до 16 июня. Но и при таком позднем открытии курсов все же некоторые курсанты прибыли... 25 июня. Необходимо этот вопрос в будущем урегулировать.

Хорошо было бы прикрепить эти курсы навсегда к Томскому татарскому педтехникуму. Они и были прикреплены к нему, но уведомление об открытии курсов администрация техникума получила лишь за 10 дней до начала курсов. За такой короткий срок трудно бывает наладить организационную работу курсов, трудно найти лекторов для тех или иных дисциплин (летнее время—время отпусков).

В течение ряда лет массовая татарская сибирская школа будет служить предметом внимания и забот. Интересы дела требуют, чтобы эти заботы с методической стороны осуществлялись учреждением, готовящим работников для татарской школы, а таковым и является Томский татарский педтехникум.

И. Кучин

Заготовка учебников в Красноярском округе.

Заготовка учебников для массовой школы в прошлые годы начиналась по всему СССР в мае-июне месяцах.

Поздние сроки дачи заявок издательствам не давали последним возможности полностью учесть потребности рынка, и учебник, обыкновенно, опаздывал к сезону. Мелкие потребности просвет. учреждений не учитывались совсем, и в начале учебного года на местах чувствовалась паника и опасение не получить того, что нужно. Все это отражалось и на программной части школ, и на успешности их работы вообще. Как известно, на 1928-29 учебный год Наркомпросом, совместно с Госиздатом, были установлены более ранние сроки заготовок: предложено вывезти заявки и сдать заказы в Москву к 15 марта.

В сибирских условиях этого полностью осуществить не удалось. На совещании книжников срок этот был отодвинут на месяц (до 15 апреля). Как справились с этой задачей другие округа, мы сведений не имеем.

По Красноярскому округу заявки сданы на десять дней раньше, т.е. к 5 апреля с. г. В эти заявки вошли учебники для всех сельских школ округа, городских школ I и II ступени, ШКМ и ФЗУ. Сюда же входит розница.

Общая сумма централизованн. заказа на учебники по округу выражается суммой 32.000 р. К этому надо прибавить 6.000 рублей для железнодорожных школ ст. Красноярск и школ водного транспорта.

Кроме указанного, отделением Сибкрайиздата заказано для удовлетворения розницы города и деревни учебника на 37.000 рублей.

Намечается определенный уклон в сторону наиболее полного обслуживания сети народного просвещения

В КрайОНО

Об организации Физико-Технического Института.—Коллегия КрайОНО признала целесообразным открытие Сибирского Физико-Технического Института в Томске с осени 1928 года. С этой целью решено просить президиум Крайисполкома возбудить ходатайство перед СНК РСФСР о преобразовании существующего в Томске Научно-Исследовательского Института прикладной физики в Сибирский Физико-Технический Институт; о принятии его на госбюджет и распространении на научных работников института льгот, предоставляемых по службе научным работникам, работающим на окраинах СССР. Признано также желательным, чтобы Сибирский Физико-Технический Институт являлся отделением Государственного Рентгеновского Физико-Технического Института в Ленинграде.

О введении нового алфавита. Начиная с 1928-29 уч. года, в тюрко-татарских просветительных учреждениях признано необходимым постепенно переходить на новый алфавит. Крайметодсовету поручено определить типы учреждений, объем и сроки перехода их на новый алфавит. В план работы Крайметодсовета на первый квартал 28-29 уч. года включается разработка вопроса о методах и порядке перехода (в ближайшие годы) на новый алфавит всех учебных учреждений, обслуживающих тюрко-татарские народности.

О 40-летнем юбилее Томского университета. В связи с предстоящим празднованием 40-летнего юбилея Томского университета, коллегия КрайОНО предложила правлению университета представить конкретную заявку на отпуск средств для удовлетворения своих неотложных нужд и на издание юбилейного сборника.

О десятилетнем юбилее Омского Ветеринарного Института. Коллегия КрайОНО постановила в ознаменование дня юбилея войти с ходатайством в президиум СКИК'а об отпуске средств на улучшение положения клиник при институте и 400 р.

на проведение празднования юбилея. В качестве представителя от КрайОНО, зав. Омским окрОНО предложено принять участие в проведении празднования юбилея.

Лесное отделение при Новосибирском с.-х. техникуме. Коллегия КрайОНО подтвердила свое решение об открытии лесного отделения при Новосибирском с.-х. техникуме. Решено просить президиум СКИК'а возбудить ходатайство перед Лесным Управлением НКЗ РСФСР о предоставлении техникуму Сузунской лесной дачи, Каменского округа, а перед Наркомпросом поддержать ходатайство КрайОНО, как о передаче техникуму указанной лесной дачи, так и об открытии отделения.

О переходе техникумов на местный бюджет. Коллегия КрайОНО постановила:

1. В связи с передачей техникумов на местный бюджет предложить соответствующим окрОНО составить совместно с техникумами сметы их на 28-29 операц. год и представить на утверждение окрисполкома, одновременно направив в копии сметный материал КрайОНО.

2. Предложить окрОНО в деле управления техникумами руководствоваться схемой соподчиненности просветительных учреждений административным органам народного образования (протокол коллегии № 48, п. VI от 22 декабря 27 г.).

3. Обратит внимание соответствующих окрОНО на необходимость тщательного составления смет техникумов и на стойчивое их проведение в окружных организациях.

О привлечении общественности к делу подготовки к новому учебному году. Коллегия КрайОНО констатировала в округах: а) слабое привлечение общественности к делу подготовки к новому учебному году; б) слабое привлечение средств общественной инициативы на школьное строительство и отсутствие надлежащего руководства целесообразным использованием этих средств.

Из газет и журналов

Борьба с беспризорностью.

Значительная часть уличных беспризорных—подростки свыше 16 лет. Они постоянно стремятся в городские центры, между тем, работа по оказанию им помощи находится только в зачаточном состоянии. В текущем году Наркомтрудом было организовано для них несколько трудкоммун, но это в целом далеко не разрешает вопроса. Поэтому деткомиссия при ВЦИК проработала совместно с заинтересованными ведомствами и передала в законодательные учреждения проект мероприятий по оказанию помощи беспризорным подросткам свыше 16 лет.

Согласно этому проекту, уличные беспризорные переростки свыше 16 лет должны быть изъяты с улиц в порядке ликвидации массовой уличной беспризорности, и устроены в специально организованные для этого фабрики-коммун и в трудовые. В виду того, что уже организованных фабрик-коммун недостаточно, НКТруд предлагает увеличить число их, предусмотрев для этой цели необходимые средства в своем бюджете на 1928-29 год.

В отношении круглых сирот и подростков от 16 до 18 лет из многодетных, материально необеспеченных семейств и семейств, не могущих предоставить своим подросткам нужного воспитания и надзора, проект устанавливает целый ряд мер частичной государственной и общественной помощи: своевременное установление над сиротами опеки, устройство их на патронат и установление за их жизнью систематического наблюдения; устройство переростков к кустарям и ремесленникам; устройство переростков в колхозы, совхозы, трудовые коллективы и артели, направление на общественные работы, организацию специальных ремесленно-кустарных мастерских, оказание помощи на дому (запашка земли, уборка посевов и т. п.) и прикрепление к семьям, в которых имеются безназорные и не поддающиеся нормальному воздействию семьи, специальных или общественных наблюдателей через Комонес. Выполнение этих мероприятий возложено соответственно на отделы народного образования, труда и на сельские, волостные и городские советы с привлечением к этому делу ДТК, обществ «Друг Детей», комсомола, профсоюзов и др.

Организация для безназорных подростков и переростков специальных ку-

старно-ремесленных мастерских возложена соответственно на органы Наркомзема и ВСНХ совместно с органами Наркомпроса.

Обслуживание переростков, прибывающих в городские центры в поисках работы, т.-е. переростков, представляющих собою избыточную силу деревни и города, согласно проекта, должно осуществляться в порядке общей работы по борьбе с безработицей.

Подготовка к зимнему сезону. Деткомиссия ВЦИК предложила всем деткомиссиям и обществам «Друг Детей» на местах проверить, насколько детучреждения подготовлены к наступающему зимнему сезону, и принять все меры к устранению возможных в этом направлении недочетов.

К улучшению положения детучреждений. Деткомиссия ВЦИК предложила орготделу созвать совещание представителей заинтересованных ведомств и организаций и обсудить на нем вопрос о скорейшем выполнении директив высших органов об улучшении положения и работы детских учреждений.

Миллион рублей на борьбу с беспризорностью. НКПС отпустил 1.000.000 р. на мероприятия по борьбе с детской беспризорностью на транспорте в 1928-29 году.

В Томске организуется показательная деткоммуна.

В середине октября в Томске откроется детская трудовая коммуна, названная именем деткомиссии ВЦИК. На организацию этой коммуны деткомиссия ВЦИК ассигновала 20 тыс. рублей.

Открывающуюся коммуна по постановке педагогического и трудового воспитания ребят намечают сделать показательной для края. Томскому окрОНО поручено открыть при коммуне несколько мастерских—гапожную с заготовочным отделением, переплетно-картонажную, мастерскую по обработке дерева.

При коммуне оборудуются общежитие с достаточным количеством обстановки, белья, посуды и т. д. Приобретается литература для рабочей библиотеки; организуется комната для клубной работы.

СибОНО поручил Томскому окрОНО подобрать для детской коммуны квалифицированных педагогов.

Новые решения ВЦИК об улучшении состояния детских домов.

Президиум ВЦИК принял постановление о мерах к улучшению положения и работы детских домов.

Местным органам власти предложено предусмотреть в своих бюджетах на 1928-29 г. расходы на улучшение положения детских домов. В планах своего жилищного и школьного строительства они должны иметь в виду постройку новых зданий для детских домов.

Сеть существующих детских учебно-производственных мастерских должна быть пересмотрена и укрупнена.

На местные органы власти также возложена обязанность принять меры к улучшению материального положения обслуживаемого персонала детских домов. Заработная плата последнего должна быть доведена до уровня преподавателей школ первой ступени.

Президиум ВЦИК в то же время предлагает организовать постоянное шефство над детскими учреждениями со стороны профессиональных и общественных организаций. Это шефство должно, главным образом, рассматриваться, как общественная помощь и контроль за деятельностью местных детских учреждений.

Цекпрос о массовых увольнениях и перемещениях просвещенцев.

В ряде мест СССР было проведено массовое увольнение и перемещение учительства и других категорий просвещенцев. При этом многие местные (особенно низовые) органы союза не только не выступают в защиту нарушаемых прав просвещенцев, а, наоборот, соглашаются проводить массовые увольнения и перемещения членов союза.

Этот вопрос обсуждался на заседании президиума ЦК союза просвещения. Считая такое явление совершенно недопустимым, Цекпрос предложил всем союзным организациям принять срочные меры к немедленному приостановлению массовых увольнений и перебросок просвещенцев. Вместе с тем все органы союза, и особенно низовые, должны усилить защиту прав членов союза.

Цекпрос обращается к Наркомпросу РСФСР с ходатайством дать срочный циркуляр всем отделам народного образования о недопустимости массовых увольнений и перебросок просвещенцев.

ВУК и центральным правлением союзных республик предложено поставить вопрос о издании таких же циркуляров перед своими наркомпросами.

Пенсионное обеспечение работников просвещения.

Совнарком РСФСР передал на утверждение Союзного Совнаркома свое постановление, в котором признается необходимым распространить основной закон о пенсионном обеспечении сельских учителей первой ступени на работников городских детдомов, дошкольных учреждений, работников профшкол, учителей школ повышенного типа, на участковых инспекторов, ликвидаторов неграмотности и преподавателей учебно-производственных мастерских.

Размер пенсии учителям школ первой ступени устанавливается—30 рублей, учителям школ повышенного типа—40 руб.

Началом полного проведения в жизнь этого мероприятия Совнарком РСФСР установил 1 октября 1929 г.

Ст. 3 закона о пенсионном обеспечении учителей школ I ступени сельских и городских и работников просвещения в деревне, говорящая о сроках выслуги, дополнена примечанием о том, что при исчислении сроков выслуги, дающих право на пенсию, каждый год службы, начиная с 1 октября 1927 г., в особо отдаленных местностях Дальневосточного края приравнивается к одному году и 8 мес.; к этим отдаленным местностям относятся: Камчатский и Сахалинский округа, Охотский, Ольский и Тугур-Чумиканский районы Николаевского округа, а также те местности на территории Сретенского, Зейского, Амурского, Хабаровского и Николаевского округов, в которых имеются школы, обслуживающие туземные племена и которые будут признаны отдаленными дальневосточным краевым исполкомом.

Ст. же 8 закона дополнена примечанием о том, что для работников просвещения, имеющих право на пенсию и прослуживших в указанных отдаленных местностях Дальневосточного края не менее 10 лет, начиная с 1 октября 1927 г., пенсия устанавливается в двойном размере.

Увековечение памяти В. Г. Короленко.

В текущем году исполняется 75 лет со дня рождения В. Г. Короленко, 50 лет со дня начала литературной деятельности и 7 лет со дня его смерти.

В ознаменование этих годовщин музей им. Чехова и им. Горького при Всесоюзной Ленинской публичной библиотеке организуют выставку, посвященную жизни и творчеству Короленко. Выставка откроется в декабре в день годовщины смерти писателя.

НАМ ПИШУТ

Учебный год нужно удлинить.

Много писали и пишут об удлинении учебного года, но все же много еще нужно сделать в этом направлении в условиях нашей сибирской действительности. Давно уже установлено, что учебный год начинается с 1 октября. Везде ли он начинается своевременно? А если так, то с полной ли нагрузкой? Боюсь, что нет. Я не хочу скрывать: мы начали занятия 5 октября с количеством учащихся, составляющим 12-15 проц. полной нагрузки. И только с «покрова» ребята стали быстро заполнять школу. Как ни убеждали мы, как ни доказывали крестьянам всю важность своевременного начала школьных занятий, ничего не помогло.

Теперь о весенних каникулах (никаких пасхальных каникул у нас нет). Весенний перерыв нужно приурочивать к самому началу весенних работ в деревне. А то ведь бывает и так: объявят перерыв на две недели, а посев-то, вследствие капризов нашей сибирской весны, начинается лишь через неделю после этого. Ребята от школы отстали, обратно вернуть их невозможно. Дальше. Посев еще в разгаре, а занятия нужно возобновлять. В результате—школа получает лишь 20-25 человек из ста. А там уже близок конец занятий.

Кроме того, дети бедняков еще с начала распутицы покидают школу по причине необеспеченности обувью.

В заключение я должен сказать: 1) перед учебным годом необходимо учащим и всей деревенской общественности повести широкую кампанию за своевременное начало учебного года; 2) детям бедноты нужно своевременно оказать материальную помощь (теплая одежда, обувь) и 3) весенние каникулы точнее сообразовать с началом весенних полевых работ.

С. Усть-Колба, Тисульского р-на, Ачинского окр.

А. Голоушкин.

От редакции. Коротенькие замечания т. Голоушкина по существу правильны.

Практика должна дать конкретное содержание тому, например, как можно вести кампанию за своевременное начало учебного года.

Выявление опыта мест по этому вопросу весьма существенно крайне желательно.

Правильно замечание автора заметки о том, что конкретные сроки весенних перерывов излишне регламентировать сверху, а они должны устанавливаться на месте, в зависимости от условий и характера с.-х. работ.

Окружным отделом нар. образования следует устанавливать только общую продолжительность перерывов в занятиях.

Мелочи—большие язвы нашей работы.

Часто человек так привыкает к своим недостаткам и сживается с ними, что совершенно перестает их замечать и после того, как ему помогут избавиться от какого-нибудь застарелого недостатка, он некоторое время чувствует себя даже неудобно.

Много таких недостатков уживается и в творческой работе учителя. К сожалению, до сих пор многие учителя эти недостатки называют «мелочами». Но эти мелочи очень часто являются причиной крупных недочетов. А многие из этих «мелочей» можно легко устранить, стоит лишь только научиться видеть их, понимать их вред и необходимость устранения.

Вот коротенький перечень «мелочей», особо распространенных и уживающихся в школах.

Каждый учитель знает необходимость охраны и укрепления детского здоровья. А продумал ли каждый учащийся, что можно и что нужно сделать для этого в своей

школе? Нет. Теоретически каждый учитель знает, что в школе должна быть форточка и что если она имеется, то ее надо открывать. А практически, в огромном большинстве случаев, ни форточки, ни вентилятора в школе нет, несмотря на то, что у любой школы найдется столько средств, чтобы прорубить отверстие в стене. Даже больше того: многие школы совершенно не пользуются имеющимися форточками—они наглухо забиты гвоздями и оклеены бумагой. Весьма редким исключением являются такие школы, как К-ая, Индерского района, где дети привыкли регулярно в каждый перерыв на несколько минут выходить из класса на свежий воздух и открывать вентилятор. А ведь это может осуществить каждая школа.

Такой же общей для всех школ и вредной «мелочью» является привычка учеников все время, бессистемно «жевать». Дети начинают жевать сразу после прихода в школу и продолжают до конца

уроков, а в некоторых случаях закусывают даже во время уроков. Особенно приятно было видеть в той же К-й школе, как все дети после второго урока вышли из класса, дежурные старательно мокрой, чистой тряпкой вытерли парты, после чего дети, румяные и бодрые, зашли в класс, уселись за парты и начали аппетитно «уписывать» свои завтраки. Невольно бросилось в глаза и то, что, несмотря на «великий пост», более половины детей калачики и карапки записывали из чистеньких полубутылок молоком. А это разве невозможно осуществить в каждой школе? Вполне возможно. Излишне и говорить о том, каким это огромным было бы достижением.

Есть и такие «мелочи», как ведение урока без перерыва продолжительностью 2 часа (4-я шк., того же района).

У 25 школ Ужанинского и Индерского районов, в каких мне пришлось побывать в этом году, является общим такой порядок или вернее, беспорядок; ученики усаживаются за парты и ждут работы. Учитель идет в шкаф, зачастую находящийся в другой комнате, за тетрадями, и начинает раздавать их. Проходит минут 10. После этого понадобился мед, а он тоже в шкафу, и за ним отправляется учитель. Дети ничем не заняты, разговаривают, «шалют». А разве нельзя приучить дежурных в перерыв раскладывать тетради ученикам на парты, приготовить мед, доску, тряпку?—Очень можно. А сколько бы это сэкономило рабочего времени и устранило ученических «шалостей»?—Очень много.

Не являются большой редкостью и такие парадоксы, когда на стенах висят плакаты о чистоте, а на плакатах пыльным слоем, паутина, стены обиты, измазаны, испещрены прикладываемыми тетрадями, вместо промокательной бумаги, помой выливаются с крыльца прямо под ноги, уборной дети совершенно не умеют пользоваться. Чтобы устранить эти «мелочи», нужно только одно: внимание к ним и настойчивость со стороны учителя.

И уж совсем незаслуживающей внимания «мелочью» считается правильная расстановка парт в классе и размещение учеников за партами. В О-й школе, Индерского района, все высокие парты стоят впереди, и на них сидят самые высокие ученики. Задним из-за них очень плохо смотреть на доску. На вопрос—по каким соображениям так расставлены парты и рассажены ученики—учитель ответил, что они сами разместились так. Нередко можно встретить, когда парты неправильно поставлены по отношению к свету, тогда, как освещение вполне можно было бы сделать с левой стороны.

В классе 14-16⁰, Ученики за партами сидят в верхнем платье, в шарфах, с сумками на шее. К этому одинаково привыкли учителя и ученики, никого это не беспокоит и никому это не кажется неудобным.

Не меньше таких вопиющих «мелочей» можно встретить и в организационно-хозяйственной жизни школы. Часто нет учета посещаемости или не указываются причины отсутствия. Там, где учитывается посещаемость, ежедневно производится переписка по журналу всех учеников, на что тратится unnecessarily много времени. Гораздо экономнее это делают те учащие, которые спрашивают и отмечают отсутствующих на следующий день. При таком порядке, во-первых, не нужно перечитывать ежедневно всех учеников и, во-вторых, можно сразу установить причину отсутствия.

Географические карты во многих школах используются, как предметы для украшения стен; висят они на стенах, и никто не обращает на них никакого внимания; зато все их рвут и треплют. И во многих школах карты, полученные от НКП два года тому назад, уже представляют из себя жалкий наем на карты. А лучше бы карту развешивать тогда, когда она нужна и когда, естественно, она вызывает интерес у учащихся.

А сколько стекол битых, окон, заколоченных досками и закрытых ставнями, не прикрывающихся и незакрывающихся дверей! По этим признакам часто совершенно безошибочно, без всякой вывески можно определить школу.

Есть и такие «мелочи», в существовании которых повинны руководящие органы. Вот пример: в школах нет инвентарной книги единой установленной формы, нет инструкции по ведению этой книги. И приобретает каждая школа, каждый РИК, что под руку попадет. А есть не мало и таких школ, где и совсем нет никакого учета школьного имущества.

Нет в школах книг первичной регистрации; записывает каждая школа на листочках и тетрадках, которые бесследно регулярно каждый год теряются. И нет ни у одной школы сведений—кто когда учился, сколько училось. А разве это не интересно? Не только интересно, но и важно, необходимо. Почему бы не заготовить в окружном, а еще лучше в краевом масштабе, все книги установленной формы, снабдить каждую книгу инструкцией и обязать РИК'и и школы приобрести комплект этих книг. По-моему, это очень легко и совершенно необходимо, но это считается «мелочью».

Второй пример. И в печати, и в официальных отношениях много писали, а на больших и малых конференциях мно-

го говорили о своевременном снабжении школ учебниками. Сибирский отдел О. Н. своим постановлением от 8 февраля 1928 г. определяет и порядок снабжения. Он «считает обязательным, чтобы каждая школа и каждое политпросветительное учреждение сами определили те названия из числа рекомендованных учебников, которые им необходимы». Очень хороший порядок; непременно надо перейти на него. Но следующий вопрос—как это сделать—так и остался никем не подготовлен. В РИК'е есть список центральных изданий и второй—сибирских, но только в РИК'е и только по одному экземпляру. В школах же не по чему «определить те названия, которые ей необходимы». И пришлось в РИК'е составлять общий список, размножать его и посылать каждой школе в 3 экземплярах. Для Сибкрайиздата это, конечно, «мелочь», но эта «мелочь» у каждого РИК'а отнимает много средств, много времени и, следовательно, задержит заказ. А почему бы Сибкрайиздату не составить список учебников, письменных принадлежностей и всего необходимого для школы с указанием стоимости каждого предмета, отпечатать его в массовом количестве и снабдить этим списком каждую школу. По этому списку школа быстро выбрала бы себе, что ей нужно, поставила бы количество и сумму, и только. Быстро, точно и хоро-

шо. Устранение этой «мелочи» сколько бы сэкономило средств, времени и сколько бы внесло ясности и точности в работу по снабжению школ учебниками? Выиграла бы школа, РИК, и Сибкрайиздат не остался бы в убытке.

Не упуская из виду главных, основных вопросов нашей работы, необходимо продолжать список «мелочей», тормозящих и разрушающих нашу работу, продолжать и указывать пути и способы к устранению этих недочетов и ежедневно, упорно и настойчиво этими путями идти на борьбу с «мелочами», ибо в этих «мелочах» тонут наши достижения, эти мелочи зачастую висят тяжелыми гири на ногах учителя и школы.

Ужаниха, Новосибирского округа.

Н. Хильченко.

ОТ РЕДАКЦИИ. Отмечаемые т. Х. «мелочи» заслуживают внимания. Существование подобного рода мелочей объясняется, конечно, не тем, что все внимание работников просвещения устремлено на более важные принципиальные задачи. Они просто свидетельствуют о нашей недостаточной культурности. Сумма приведенных и подобных им мелочей приводит в итоге к безалаберности всего педагогического процесса и к невыполнению школой своих основных задач.

Школа должна быть образцом культурности—только в этом случае она неуклонно и систематически будет проводить свое влияние и повышать культурный уровень населения.

Ряд практических пожеланий автора в отношении органов просвещения и Крайиздата также необходимо учесть.

Наши недочеты.

В журнале «Просвещение Сибири», № 1, за 1928 г. помещена заметка С. — «Польза на грош». Не только ленинскую конференцию можно назвать «сидячей». Это обыкновенная история всех тех конференций, целевая установка которых строится не на производственной основе.

Отсутствие хороших методистов тоже сказывается отрицательно на работе. Вся масса учительства оказывается беспомощной, не поможет даже присутствие на конференции учителей, окончивших педтехнику и знающих дело, если сами организаторы ее не в курсе дела. Все-таки утомительно и трудно «без дороги, без пути» оживить работу школы. Конечно, лучше было бы, не переписывая программу, перечитать внимательно ее дома. Мы все оказались в положении учеников, которые должны были «вызубрить» от 1 до 40 стр.

Конференция происходила в г. Ленинске Ленинск—один из центров коменноугольного производства. Многие заинтересовались устроить экскурсию в шахту. Если бы учесть этот живой интерес и построить конференцию, исходя из этого, то был бы найден правильный путь. Лучше было бы разбиться на звенья по группам, наме-

тить ряд тем, например, «Шахта», «Кооператив» или лучше взять примерную тему из программы. Каждое звено составляет рабочий план, обследует, прорабатывает тему, и в заключение на конференции делается отчет. При такой постановке мы на практике научились бы увязывать тему с жизнью, строить труд-комплексы и при этом все бы принимали активное участие в работе. А разве общепользительный труд, увязанный с темой, повредил бы делу?

Как построены доклады конференции? Обыкновенно докладчики выявляют основную точку зрения программ ГУС'а по книжному, не увязывая содержание доклада с работой школ. Да как можно увязывать, если не выявлены недостатки и достижения работы школ? Теперь это надо учесть и к будущим конференциям вести подготовительные работы. Кустовым объединениям надо выдвинуть своих докладчиков по профсоюзной и учебной линии, проработать материал школ, выявив все недостатки работы. Текущая годовая работа школ должна быть увязана с работой конференции. В течение же года работу методкомиссии необходимо направить по пути оказания помощи рядовому

учительству, но не методической азбукой (для этого достаточно прислать соответствующую литературу), а указаниями в отношении практической увязки школы с жизнью. Сказать по правде, у нас нисколько не чувствуется существование методкомиссии и опорной школы. Пока работа методкомиссии проявляется в ненужном нагромождении протоколов, иногда очень малосодержательных. Необходимы регулярные поездки по району инспектора или членов методкомиссии.

Мы много пишем и говорим о краеведческой работе в школе, но фактически добились очень малого. Получается неувязка с жизнью. Это—явление общего характера. А с каким деловым видом составляются на осенней конференции производственные и рабочие планы?! Без всякого краеведческого материала очень трудно составить план. В этом году методкомиссия издала краеведческий сборник и обещала разослать его по школам. Что это за сборник, кем он составлялся и какой материал использовали, неизвестно, так как местный материал школы не давали. Можно ли назвать подобный сборник краеведческим?—Конечно, нет. Ведет ли методкомиссия нужную работу для составления настоящего сборника, основанного на изучении школами местной жизни?—Тоже нет.

В этом большой недочет работы школы. От этого и неувязка с жизнью, а если где и существует эта увязка, то ее не видно. Материалы в школе не оставляются, и вообще на детскую работу по изучению местной жизни смотрят легкомысленно. Вся работа прежних лет идет на-смарку, и бывает довольно затруднительно положение вновь приехавшего учителя, которому приходится заново знакомиться с незнакомой обстановкой. Нужно так поставить учет работы школы, чтобы материал из года в год собирался и приводился учителем в систему. По старой форме годового отчета все школы одинаково хороши, ведь все прошли одинаковое число комплексов. Если мы подходим к активным методам проработки, то необходимо требовать от школ отчетов по такой, примерно, схеме: какие достижения школы за год, какие усвоены навыки по труду, формальные и т. п., выявлен рост местного хозяйства (приведены такие-то данные), организованы кружки (их достижения), проделана такая-то общепользная работа и т. д. Прежде чем отчитываться по такой форме, каждый из нас задумается о своем участии в окружающей жизни, так как без этого не в чем будет отчитываться. Наши

отчеты многословны, переписывают целиком программу, а конкретного материала не дают. В результате отчет будет представлять из себя сборник-книжку малого или большого формата, смотря по объему проделанной работы. А между тем, учет должен наталкивать учителя на увязку работы школы с жизнью и отразить ясную картину школы за ряд лет.

Большой минус в работе учителя—плохо поставленная самообразовательная работа. Заочные курсы хотя и выписываются, но не прорабатываются. Можно даже говорить о некотором упадочном настроении среди просвещенцев в этом отношении. Говорят, что нет учебников, пособий и т. п., а как же можно было объяснить то увлечение советской трудовой школой в первые годы, когда и этого ничего не было. А теперь большой процент учащихся желает переменить профессию. Где же выход?—Конечно, чисто административные воздействия только понизят работоспособность учителя. Выход из положения в реорганизации ОНО и поднятии квалификации работников.

В заключение необходимо указать о трудности проведения НОТ в работе учителя. Причина—в неувязке органов ОНО с хозяйственными организациями и в перегрузке учителя внешкольной работой (хромает бюджет времени, что отражается на квалификации).

С. Каракан, Ленинского р-на, Кузнецкого окр.

Г. Головкин.

От редакции. Недочеты автором письма отмечены верно. На путях устранения их нужно останавливать внимание просвещенной массы.

Но как? Автор говорит: «Мы много пишем и говорим о краеведческой работе в школе, но фактически добились очень малого». А дальше еще раз говорит о необходимости краеведческой работы и об учете, построенном под этим углом требований к школе.

Об учете—мало сказать—надо требовать от школы отчета, удовлетворяющего определенным требованиям. Отчет не самоцель в педагогическом процессе. Учет работы нужно сделать производственным фактором организации педагогического процесса при активных методах и связи школы с общественностью. Этого автор заметки недоучитывает.

Педагогические упадочнические настроения? А в чем корни этого явления, если оно имеет место? Автор жалеет о временах порыва к трудовой школе и полагает, что теперь, в противовес этому порыву, наступила реакция. Так это или не так? Нам кажется, что нет. Правда, вопрос об энтузиазме—это уже вопрос чувства и впечатлительности, а мы живем в полосе плавномерной созидательной работы, в полосе трудовых будней осуществления советской школы.

И, наконец, почему т. Головкин сетует о перегрузке учителя внешкольной работой и что это за внешкольная работа? Может быть, это та самая общественная работа, без которой немислим подлинно краеведческий характер в работе школы. Вопрос, повидимому, должен идти о наиболее целесообразной организации и органической связи общественной работы учителя с общественной работой школы.

О планировании школьной работы.

На районных конференциях приходится разрешать вопросы планирования—составлять планы школьных занятий для каждой группы. Прошлые конференции определенно показывают, что эта часть повестки конференции не всегда разрешается удовлетворительно в силу перегруженности повесток другими вопросами, на планирование уделяется мало времени, и последнее во всех своих деталях проводится в момент конференции, да к тому же вопросы планирования, будучи поставлены последними в повестке, когда большинство участников конференции утомились, разрешаются наспех, скоропалительно. Учитель сельской школы, приезжая на место и приступая к составлению конкретного плана школьной работы, остается неудовлетворенным планированием, проведенным на райконференции. Перед проведением зимней конференции в М.-Шибирском районе, Бурреспублики были учтены эти недочеты, и конференция в части планирования была проведе-

на следующим образом: заранее до созыва конференции по школам района были разосланы задания по планированию. Так, например, планирование по 1 группе поручили рош (опорной школе); по 2, 3, 4 группам—трем сельским школам (четырекомплектным). Педколлективы этих школ, получив задания от методкомиссии, принялись за планирование работы. В момент конференции все конференты распределились на 4 группы (по числу планов), и каждая группа обсуждала проекты планов, разработанных отдельными педколлективами. После обсуждения планов по группам и внесения в них изменений, планы окончательно утверждались пленумом конференции. Таким образом, удалось полнее спланировать школьную работу и действительно вовлечь значительную часть учителей в подготовку к конференции.

С. Мухоршибирь, Бурреспублики.

М. Гольцман.

Полезное дело.

Деревня Песоченская, Томского района, расположена вблизи гор. Томска. Главное занятие жителей — разведение картофеля. Картофель здесь же перерабатывается в крахмал и в таком виде сбывается на рынок. В деревне 7 крахмальных и 2 паточных заводов. Рационализация огородничества, культивирование картофеля так, чтобы он был более обилён крахмалом,—главная хозяйственная задача песоченцев. Учитывая это обстоятельство, песоченская школа встала на путь изыскания и опыта посадки картофеля под зиму. Для пробы сначала посадили только ведро картофеля. Садилы осенью перед заморозками. Весенне-летний триместр провели в наблюдениях за всходом и ростом картофеля. Выяснили, что всхожесть картофеля, посаженного под зиму, лучше, чем посаженного весной. У зимнего картофеля все «глазки» дают рост, то-

гда как картофель, сохранившийся зиму в подвале и рано проросший там, теряет всхожесть у части «глазков». Урожай картофеля, посаженного под зиму, по количеству был выше весеннего. А самое главное это то, что картофель родился слаще, следовательно—богаче крахмалом, прибыльнее, а это очень важно для песоченцев, ибо они, как сказано выше, перерабатывают картофель в крахмал. Школа продемонстрировала свой опыт перед населением. Некоторые крестьяне под следующую зиму тоже посадили картофель. Таким образом, школа, считаясь с особенностями хозяйства своей деревни и исходя из запросов и интересов крестьян, явилась застрельщиком опыта и проводником огородной культуры.

Г. Томск.

С—в.

О клубном дне в сельской школе.

В первой половине прошлого учебного года Тисульским райОНО было предложено организовать во всех школах района клубные дни, отведя для этой работы один день в неделю. Правда, и до этого в некоторых школах были введены клубные дни, особенно в районных. Но все же учитель-массовик до этого не был достаточно знаком с работой. Как бы то ни было, все мы горячо принялись за дело.

Должен сказать, что клубные дни мы должны практиковать в школе. При классных занятиях ребенок не может чувствовать себя вполне свободным. Здесь—наоборот, открывается широкий простор для детской самостоятельности, дети участвуют коллективно работать.

Оглядываясь на пройденную работу, нельзя умолчать и о недостатках этого дела. Вот они: 1) незнакомство школьных

работников с практической стороны клубной работы; 2) отсутствие литературы на местах по данному вопросу; 3) не давалось никаких разъяснений и не было руководства в этом отношении со стороны инспектуры.

Практическую сторону клубного дня необходимо детально осветить на страницах нашего журнала и на районных курсах работников просвещения.

С. Усть-Колба, Ачинского окр.

А. Г.

Коллективом помогли.

Коллективизм начинает все глубже и глубже проникать в быт ребенка в процессе повседневной работы школы. Вот конкретный пример: Бессоновская школа, Кемеровского района, изобилует детьми, не имеющими обуви и одежды. Перебой в посещении школы учениками этих категорий — явление обыкновенное. Окр. ККОВ были затребованы сведения о количестве таких учеников для снабжения их обувью и одеждой. Не знаю, что получили другие школы, но в Бессоновской от этого ничего не изменилось. Ребята,

как были плохо одеты, так и остались. (Местного ККОВ нет). И вот, по моему предложению, ученики организовали добровольное пожертвование: шерстью, деньгами и т. д. Таким образом, мальчику-сироте были представлены пимы и кое-что еще осталось. Думаю агитацией среди населения сделать кое-что в деле помощи и для других школьников. Помощи же от ККОВ, видно, не дожидаться, кроме как бумажной.

Кемерово.

Г. П. Трусевич.

Особое внимание младшим группам.

Возраст до 8-10 лет — самый впечатлительный. Объясняется это тем обстоятельством, что окружающий ребенка в это время мир не сложен, ограничен лишь кругом семьи, дома, улицы, школы; этому миру пока чужд многообразный, kaleidoscopic мир взрослого человека, у которого впечатления иногда чередуются (вследствие более развитой психики) настолько быстро, что не оставляют прочных следов.

У ребенка, наоборот, всегда достаточно времени, чтобы погрузиться всеми силами восприимчивости в какое-либо явление; восприимчивость эта еще свежа, не подавлена многосложностью представлений взрослого, да и главной способностью детской природы нужно признать способность воспринимать. Как губка воду, впитывает он в себя все, что дает ему внешний мир, и эти впечатления, как первоначальные, закладывают свои основы в его психике, вырезают на ней часто неизгладимые следы.

Отсюда понятно, как влияет среда на эту несложную, свежую, восприимчивую психику.

Имея целью дать ребенку больше, если возможно, чем дала ему природа, педагог должен поставить себе задачей не упустить драгоценного периода в жизни ребенка — периода наибольшей впечатлительности и заложить в нем нужные навыки к труду (трудопособность), привычки к порядку, к чистоте, солидарности коллективизму и т. д.

Привычка образуется от повторений одного и того же действия, она у нас везде и всюду, мы не умели бы ходить, если бы не упражнялись в ходьбе.

Учить силу привычки и привить ребенку на основании этого учета элементарную культурность — вот одна из основных задач, над которой должны работать и педагог-дошкольник, и руководитель первых младших групп в наших школах.

Г. Кузнецк.

Д. Чирков.

СРЕДИ КНИГ и ЖУРНАЛОВ

1.

Изучайте Сибирь.

М. А. КРАВКОВ.—Естественные богатства Сибири. Сибкрайиздат. 1928 г. Стр. 75. Ц. 75 к.

ПРОФ. В. В. РЕВЕРДАТТО и ПРОФ. В. А. ХАХЛОВ.—Природа Сибири. Сибкрайиздат. 1928 г. Стр. 61. Ц. 75 к.

Эта новая книга М. А. Кравкова из крайиздатовской серии «К изучению Сибири» распадается на основные разделы: горные ископаемые, лес, пушной промысел и рыболовство. В основу своих работ автор взял в части ископаемых, например, материалы комиссии по изучению средств производительных сил, работы Сибирского и Центрального Геологического комитетов и ряд статей ученых работников Сибири, напечатанных за последние годы в различных ведомственных изданиях. Примерно, также составлены и другие отделы книги.

Автор в мельчайших подробностях популярно обрисовывает размеры и место залегания отдельных видов горных ископаемых Сибирского края.

Перед нами наглядно проходит величественная картина несметных угольных богатств Кузбасса, Минусинского, Иркутского и мало изведенного Тунгусского бассейнов. Мы получаем четкое представление о железных рудах Кузбасса, Минусинской котловины и о марганце.

Наибольшее внимание автор уделяет сибирскому золоту, при чем в предисловии к характеристике основных золотых месторождений края он кратко передает историю возникновения сибирской золотопромышленности. Далее, раздел горных ископаемых подробно знакомит нас с месторождениями платины, цветных металлов, солей, слюды и графита.

Приходится сожалеть, что в следующих двух разделах книги—о лесе и пушных и рыболовных промыслах мы нахо-

дим лишь самые общие сведения, мало чем отличающиеся от обыкновенной энциклопедической справки. Получилась чрезмерно большая диспропорция в частях книги.

Книжка М. А. Кравкова снабжена общедоступной схематической картой месторождений полезных ископаемых Сибирского края.

Несмотря на некоторые несовершенства в своих отдельных частях, рецензируемая книжка в основном достигает своей цели, которая, как верно подмечает П. Е. Брянцев в предисловии, сводится к ознакомлению широкого читателя с наиболее выявленными объектами естественных богатств Сибирского края, к пробуждению в нем интереса к краеведческой работе, к приобщению его к дальнейшему изучению богатств края и, вместе с тем, к вовлечению его в громадную работу по использованию этих богатств Сибири.

Вторая книга В. В. Ревердатто и В. А. Хахлова «Природа Сибири» обстоятельно знакомит нас с растительным и животным миром Сибири. Авторы постепенно ведут нас от побережья Ледовитого океана и тундровых пространств, через таежную область, а далее—через плодородные сибирские степи—на юг, в долины Алтая. Книга написана в занимательной, популярной форме и легко прочитывается, обогащая наши познания о природных контрастах нашего своеобразного края. Жаль только, что издатели поспешили снабдить книгу картой.

Обе книги, как и Н. Юрцовского «Современная Сибирь», изданы опрятно и на хорошей бумаге. По цене немного дороговаты.

П. Винокуров.

II.

П. ГУРИНОВИЧ.—Сибирский край в числе. Рабочая книга по математике для сельских школ Сибири. Третий год обучения. Госиздат. М.—Л. 1928 г. Стр. 112. Ц. 45 коп.

Все содержание книги распадается на 8 глав, соответствующих основным темам программы ГУС'а (на 3 году обучения).

Нумерация чисел любой величины; Труд и здоровье человека; Октябрьская революция; Деревня; Деревня и город; Весна в деревне; Празднование 1-го мая; Планы на лето—вот эти главы. Каждая глава заключает в себе: а) материал для исследования темы, б) задачи и упражнения, хотя и формально связанные с те-

мой, но имеющие целью способствовать учащимся усвоить производство действий и решение различного рода математических и жизненных вопросов.

Содержание книги в общем соответствует и Сибирскому варианту программ ГУС'а (изд. 1927 г.).

Книга иллюстрирована чертежами и рисунками, что несомненно очень ценно, так как дает возможность внести ясность и наглядность в некоторые задания и тем самым облегчить учащимся усвоение необходимого для них материала.

Но главное достоинство книги заключается в ее краеведческом уклоне, в том, что автор использует богатый цифровой материал из всех отраслей промышленности и сельского хозяйства Сибирского края и на нем строит большинство своих заданий для учащихся.

Об одном лишь нам хотелось бы напомнить автору при следующем переиздании книги: 1) в сборнике излишне много задач и упражнений, составленных не на сибирском материале; надо это, по возможности, устранить, переработав соответствующий материал с целью замены его краеведческим; 2) некоторые задачи и упражнения в сборнике недостаточно четко сформулированы и потому вызывают вполне обоснованные недоумения; 3) есть задачи—не задачи,—а какие-то декларации о событиях; надо пересмотреть их и внести в них для учащихся элемент заданий.

Сельским просвещенцам-практикам следует обратить внимание на в общем ценную книжку П. Гуриновича, познакомиться с ней и может быть ввести ее в обиход своей школы.

Научно-педагогической секцией ГУС'а учебник допущен для школ I ступени.

О—ий

1. В. ЛУНКЕВИЧ. — Основы жизни. Том I. Организм, как индивид. 4-е переработанное и дополн. изд. Госуд. изд. Москва—Ленинград, 1928. Стр. 459+VII, рис. 221. Цена 4 р. 50 к., в перепл. 5 р.

В первых изданиях эта книга известна, наверное, большинству учителей, как чрезвычайно живое и увлекательное изложение целого ряда биологических вопросов. В новом издании она написана автором в четырех частях и представляет собою очень большой и систематический курс общей биологии, отличающийся от обычных учебных руководств тем, что автор преподносит в нем не готовые научные истины, а втягивает своего читателя в самый процесс научного творчества, заставляет его пересмотреть все, нередко противоречащее одна другой гипотезы и теории, чтобы показать ему весь тот дол-

гий кропотливый путь, которым шло человечество в познании истины. Учебником эта книга, конечно, быть не может и не претендует на это, но интересующимся биологическими вопросами преподавателям II ступени и студентам книга Лункевича принесет много пользы. Издана книга прекрасно, и цена ее не слишком высока.

2. ЛЮДВИГ ПЛАТЭ.—Эволюционная теория. Перевод с немецкого. Госуд. изд. 1928. Стр. 229, рис. 34. Цена 2 р. 25 к.

В последнее время Госуд. изд. выпущено довольно много книг, касающихся проблемы изменчивости животных и растительных форм. Среди этих книг есть и произведения наших русских ученых, есть переводные. Появление еще одной переводной книги может быть было бы даже и лишним, если бы она не принадлежала такому известному знатоку эволюционной теории, как проф. Йенского университета Платэ, ученик и заместитель знаменитого Эрнста Геккеля. Поэтому можно смело рекомендовать эту книгу для изучения основ дарвинизма.

3. Б. С. ЖУКОВ.—Происхождение человека. Госуд. изд., 1928. Стр. 214, рис. 79. Цена 1 р. 85 к. Третье дополн. изд.

Вопрос, о котором трактует автор, занимает очень большое место в выработке у человека правильного материалистического мировоззрения. Он занимает поэтому почетное место и в программах единой трудовой школы. Книг, подробно знакомящих с современным состоянием данных о происхождении человека, очень мало, и потому появление третьего издания книги Б. С. Жукова нужно приветствовать.

4. ПРОФ. Э. Г. КОНКЛИН.—Наследственность и среда. Дарвин. Библиотека. Гос. изд., 1928. Стр. 333+XX, рис. 105. Цена 2 руб. Перев. с 5 англ. изд.

Глава I. «Явления развития и его факторы».

Глава II. Явления наследственности. Глава III. Клеточная основа наследственности и развития.

Глава IV. Влияние среды. Глава V. Управление наследственно-стью: евгеника.

В конце книги имеется словарь, объясняющий упомянутые в ней термины. Изложение несколько тяжеловато, так что с этой точки зрения книга не имеет никаких преимуществ перед многими другими из имеющихся на книжном рынке русских и переводных книг, касающихся данной темы.

5. ПРОФ. Н. Н. БОГДАНОВ-КАТКОВ. Краткий учебник энтомологии. Гос. изд. 1928. Стр. 330, рис. 291. Цена 4 р.

Предлагаемая книга является единственным руководством, подходящим по объему к курсу сельско-хозяйственных

техникумов. Для преподавателей обычных школ II ступ. она тоже может быть пригодна, принимая во внимание, что курсы проф. Кулагина, а особенно Холодковского, слишком дороги. Книга заключает в себе описание всех главнейших и широко распространенных вредителей полевых, огородных и садовых культур,

с указанием мер борьбы. К сожалению, отсутствием в книге лесных вредителей ценность ее для педагога все же сильно уменьшается. Цена, в виду обилия рисунков, из которых многие совершенно оригинальны, не слишком высока для наших дней.

Проф. С. Д. Лавров. (Омск).

III.

„На культурном фронте“.

(Орган ДалькрайОНО № 6-7 за 1928 г.).

В этом номере в качестве передовой напечатан «Доклад А. А. Лобова на пленуме научно-методических съездов преподавателей школ повышенного типа».

Доклад охватывает значение лозунга: «культурная революция», место и роль народного образования в культурной революции, культурную роль других наркоматов, борьбу за молодежь и вопрос о создании кадров.

В вопросе о системе народного образования докладчик стоит, повидимому, целиком на старых позициях госплана о пересмотре системы народного образования по энергетическому принципу. С точки зрения этой теории все разнообразие культурных учреждений, классифицировавшихся до сих пор по разделам: соввоса, политпросвета, профобра, главнауки, должно уложиться в следующую классификацию: 1) учреждения, подготовляющие работников низшей квалификации; 2) учреждения, по подготовке работников средней квалификации; 3) тоже—выше средней (техникумы, рабфаки, ФЗУ и профшколы на базе семилетки и 4) учреждения по подготовке работников высшей квалификации (специалистов).

Доклад заканчивается семью идейными установками для дальнейшей работы: 1) учеба, пропитанная пролетарским политическим духом; 2) усиление классового характера просветработы; 3) рационализация школьной работы; 4) коллективизация; 5) антирелигиозное воспитание; 6) борьба с шовинизмом; 7) усиление обороноспособности страны.

Мы не имеем в виду подвергнуть критике установок докладчика и доклада, печатаемого в передовой статье руководящего журнала ДалькрайОНО. Заметим лишь с сожалением, что в числе установок на будущее совсем не ставится установка на организационно-педагогическое перевооружение и на развитие самокритики в гущу просветительных учреждений и работников.

Другая особенность журнала «На культурном фронте» заключается в решитель-

ном преобладании школьных тем над всеми остальными. Даже руководящая статья Голубева «О планах и планировании народного образования» по существу не дает анализа плана культурного строительства края, а фиксирует лишь опыт введения начального обучения во Владивостокском округе.

Дальше идет ряд корреспонденций—статей об опыте на местах (в школах), в том числе об опыте обучения отдельным дисциплинам в школе II ступени, о проведении программы ГУС'а во владивостокских школах повышенного типа, о комплексах и навыках.

Вопросы переподготовки работников просвещения в этом номере совершенно не отражены. О работе среди взрослых в ДВК по журналу никакого представления нельзя составить, потому что во всем номере на политпросветские темы имеется только одна статья: «Библиотечная работа во Владивостоке».

И вообще говоря, корреспонденций с места, особенно из сельских районов, в журнале еще слишком мало. Связь журнала с учительством еще слаба. О других категориях работников просвещения не приходится и говорить. Виной всему—молодость журнала: журнал существует немного более полугода и не успел еще обрести сеть корреспондентов.

Пока что корреспондентами журнала являются учителя школ I и II ступени. Поэтому не удивительно, что журнал производит впечатление органа для учителей и по существу должен был бы именоваться: «На школьном фронте». Но поскольку редакция поставила своей задачей издание журнала—«На культурном фронте», она, очевидно, в дальнейшем намерена мобилизовать общественное мнение и вокруг вопросов работы со взрослыми, и вопросов подготовки квалифицированной рабочей силы, и вопросов культуры в быту и производстве.

Надо пожелать, чтобы это расширение целевых установок журнала продолжалось более интенсивным темпом.

Боровской.

ПЕРЕПИСКА С ЧИТАТЕЛЯМИ

Обменяемся опытом через журнал.

(Т. Выходцевой).

Прочитав в журнале «Просвещение Сибири» (№ 7-8) статью Е. Выходцевой—«Обучение грамоте по методу целых слов»,—я решила сразу же черкнуть свое мнение. Прежде всего очень ценно то, что тов. Выходцева поделилась своим опытом до начала учебного года, что послужит некоторой ориентировкой для нас, начинающих работать.

Я хотя и буду работать 6-й год, но в силу разных обстоятельств мне не пришлось вести первую группу целый учебный год. Правда, я работала с ней два раза, но со второй половины года, следовательно, смена педагогов, разные подходы и методы удовлетворяющих резуль-

татов в работе дать не могли.

В предстоящем учебном году на мою долю снова выпадает 1-я группа. Каждый педагог знает, что эта группа—основа всего, а поэтому я хочу просить тов. Выходцеву поделиться своим опытом (в ближайшем номере журнала) о том, как она увязывала обучение детей счету и как переходила к письму букв и слов. Затем, может быть, в дальнейшем тов. Выходцева будет давать (на страницах журнала) ряд практических указаний, мы же в свою очередь будем делиться, как проходит учеба у нас.

С. Смышляево, Кузнецкого окр.

Н. М.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

Нашим читателям.

1) Нами получено письмо Алабушева в ответ на статью в «Советской Сибири» (от 25 авг. с. г. № 197) «Антисоветское гнездо в школе маслоделия». Редакция не помещает этого письма и не делает никаких выводов по существу дела в Каинской школе молочного хозяйства впредь до получения от Барабинского окрисполкома акта комиссии, обследовавшей эту школу по нашей просьбе. (См. № 6 «Просв. Сибири» за 1928 год).

2) Редакцией получено письмо т. И. Г. Разумцева, в котором он приводит материалы по делу учительницы Е. Н. Дункель, уволенной Барнаульским окрОНО, как «не имеющую звания учительницы».

Материал, касающийся увольнения т. Любиной, будет помещен в журнале по получении нами ответа от Барнаульского окрОНО.

3) Заключительная статья по вопросу дискуссии о кадрах (см. №№ 5, 6, 7-8 «Просвещ. Сибири» за 1928 г.) будет дана редакцией в № 10 «Просвещ. Сибири».

Редакция.

Тов. Сильнягину (п. о. Даурское, Красноярского окр.).—Ваш материал—«Производственный план Смоленской школы 1 ступ. Даурского р-на» — передан нами на заключение в Крайметодсовет.

С настоящим номером журнала всем подписчикам «Просвещения Сибири» в качестве бесплатного приложения рассылается № 3 бюллетеня Сибкрайиздата «Книжная полка».